Іоанна Адольфа
Гоѳмана

часть вторая,

о

Спокойствѣ

и

Удовольствїи
Человѣческомъ,

съ Нѣмецкаго языка переведена

Серьгѣемъ Волчковымъ

перьвымъ тисненїемъ напечатана

при Сенатѣ.

Въ Санктпетербургѣ 1763 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ.

28.

ВТОРАЯ КНИГА,
О
СПОКОЙСТВѢ
И
УДОВОЛЬСТВІИ.

ПУНКТЪ I.

По нынѣ естественной разумъ силы свои употреблялъ на изгнаніе не удовольствія изъ сердецъ человѣческихъ. По разсмотрѣніи многихъ вещей, наконецъ увидѣлъ, что суета, съ тлѣнностію ихъ попеченія, нетлѣннаго и безсмертнаго духа весьма недостойна. Просвѣщенной разумъ на подобіе солнечнаго сіянія, въ душахъ нашихъ разпространился, для изгнанія изъ оныхъ суетной славы и ложнаго мнѣнія. Онъ насъ противъ всякихъ припадковъ вооруживши, о томъ стараніе прилагалъ, дабы свирѣпыя страсти разсужденіемъ укротить, а отъ шуму ихъ ушедшую душу на такую высоту возвести, откуда бы душа наша суету всего свѣта свободно видѣть могла. Сіе разсмотрѣніе увеселило душу обрѣтеніемъ великой и многой правды, съ познаніемъ самой себя и другихъ многихъ вещей, а напослѣдокъ учинилось брашномъ духовнымъ. Но ежели истинну сказать, то сіе только хлѣбъ въ пустыни,

Не совершенство у тѣхъ, которыя отъ естественнаго разума произходятъ.

то есть сладкая манна, которая отъ жару жестокаго искушенія тотчасъ таетъ. Сіе подобно ложному лѣченію, которое раны или больныя на тѣлѣ мѣста какими нибудь мазьми замываетъ, или пластырьми на нѣсколько времени прикрываетъ; а чрезъ долгое время умножающейся сихъ язвъ или болѣзней силѣ противиться не можетъ. Языческая мудрость, корени всего безпокойства, то есть человѣческаго самолюбія, ни мало не трогаетъ; а Христіянское ученіе пользуетъ души человѣческія познаніемъ немощей, и грѣховъ своихъ покаяніемъ, отверженіемъ себя, вѣрою и благодатію божіею о Христѣ Іисусѣ, всякія болѣзни душевныя совершенно цѣлитъ. Для того въ первой части сей книги положенныя нравоученіи называю я такою человѣческою утѣхою, которая столько же перемѣнъ и не совершенства, сколько собственная натура, или природа наша непостоянства въ себѣ имѣетъ. Многія изъ сихъ утѣшеней показывали остроту веселаго нрава; а сами подобны опіятнымъ лѣкарствамъ, которыя по прошествіи сладкихъ сновъ, толь большее въ человѣкѣ безпокойство причиняютъ, чѣмъ сильнѣе этѣ лѣкарства были. А понеже нѣкоторыя изъ нихъ въ мозгу человѣческомъ исчезли, то и утѣшеніи ихъ за тѣмъ долговѣчны быть не могли, что къ сердцу человѣческому не пришли. Въ томъ то состоитъ различіе утѣшенія земнаго и небеснаго, естественнаго ума, и безплотнаго духа, природы и благодати, натуральнаго разума и преестественной вѣры Христовой, что земныя утѣшеніи человѣка веселятъ, а небесныя утѣхи сердце его вѣчною радостію наполняютъ. Сего ради Христосъ Сынъ божій, Святой миръ свой отъ свѣтскаго мира сими словами раздѣляетъ: миръ мой оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ: не якоже миръ даетъ, азъ даю вамъ. Да несмущается сердце ваше, и да не устрашаетъ. Миръ человѣческихъ утѣшеней таковъ же непостояненъ и не совершенъ, каковы люди сами. Для того сей ихъ миръ въ иное время не извѣстностію и страхомъ, въ другое сумнѣніемъ и колебаніемъ, а иногда не постоянствомъ и перемѣнами наполненъ. Сего мира ищутъ въ земныхъ вещахъ, которыя въ близости далеко не такъ хороши, каковы изъ дали кажутся. Мнѣніе наше видомъ ихъ сильно обманывается; а вожделѣніи къ тому побуждаетъ, дабы они за сими вещьми, какъ за способомъ человѣческаго удовольствія непрестанно гонялись. Но какъ человѣкъ, по

многихъ трудахъ оныя получивши, со изумленіемъ увидитъ, что они вблизи весьма не таковы, каковы ему вдали казались: то сердце его скоро отъ нихъ наскучитъ; а человѣкъ испужавшись о томъ запечалится, что нечаянно обманутъ, и мѣдь вмѣсто золота, а стекло за алмазъ, такъ превеликою цѣною, то есть потерянiемъ надежды и нарушенiемъ спокойства своего, столь безразсудно купилъ. Сей по истиннѣ великой страхъ, отъ котораго совѣсть человѣческая ежедневнымъ наслажденiемъ суеты, почти не прерывно ужасается. Напротивъ того въ мирѣ божiи сего страха съ печалiю, а ужаса съ непостоянствомъ нѣтъ, и быть не можетъ. Сего то ради, Спаситель нашъ рекъ. Не яко же миръ [свѣтъ сей] даетъ, азъ даю вамъ: да не ужасается сердце ваше. Въ небесномъ мирѣ такого страха нѣтъ, какъ въ земномъ. Божiй миръ постояненъ, тихъ и таковъ же долговѣченъ, каковы оныя благая безсмертны, на которыхъ подлинности постоянствѣ, на святынѣ и на высотѣ сей небесный миръ утверждается. Для сей причины и произходящiя изъ сего мира утѣхи, сему началу своему совершенно подобны, и съ нимъ равны, то есть божественнымъ духомъ, постоянствомъ, надеждою и вѣчно божественною сладостiю наполнены. Вопреки сему наслажденiе съ утѣхою земныхъ благъ, такъ же не совершенно, каковы оныя благая сами: то есть не извѣстностью, непостоянствомъ, беспокойствомъ, печалью и страхомъ огорчены. Едва только разумъ начнетъ силы свои къ тому употреблять, чтобъ о суетѣ и о тлѣнности земнаго, здраво разсудить; а уже страсти прежнее свое волненiе на то и возбуждаютъ, дабы жестокимъ своимъ устремленiемъ всѣ труды остраго разума, [безъ благодати и безъ помощи божiей] опровергнувъ уничтожить. Онѣ желая власть надъ животомъ человѣческимъ взять, по точному примѣру возмутительныхъ и бунтующихъ рабовъ, которые господина въ домѣ обступивши, въ такую опасность приводятъ, что онъ съ ними договариваться принужденъ. Въ то уже время по слову Вiонову придетъ. Сего Философа спросили: кому жесточайшее гоненiе съ беспокойствомъ твердо вытерпѣть надобно? Вiонъ на сiе отвѣчалъ: тому человѣку, кто больше всѣхъ старается щастливымъ себя учинить.

2.

Преимущество божественнаго утешения

А дабы сїе похвальное старанїе разума не уничтожило, и отчаянїемъ пресѣчено не было, то всемогущїй богъ, къ безсильному отъ природы своей человѣку, самъ на помощь пришедши, доброе произволенїе естества человѣча силою благодати и милости своей такъ подкрѣпилъ, чтобъ Христїянѣ, то есть любители и хранители Святаго слова его, о твердомъ и вѣчномъ спокойствѣ отнюдь не сумнѣвались. Для сей важной притчины почти весь разумной свѣтъ, вѣру Христїянскую истинною и совершенною за то почитаетъ, что она основательное и праведное руководство къ вѣчному спокойству, въ богѣ единая подаетъ. Въ немъ Творцѣ и вседержителѣ нашемъ обѣщанъ, и дается намъ миръ божїй превосходяй всякъ умъ. Сей то небесный и божественный миръ сердце человѣческое радостїю, познанїемъ Творца, мудростїю, вѣрою и любовїю его, твердою на него надеждою, смиренїемъ, терпѣнїемъ и доховнымъ веселїемъ преизобильно наполняетъ. Упованїе съ терпѣнїемъ и любовь божїя есть сила сего мира. Сїе то рай на земли, а царство божїе въ человѣцехъ. блаженъ тотъ человѣкъ, кто сей силѣ и власти любвѣ божїя мѣсто даетъ; а за тѣмъ уже смиренїемъ, вѣрою и молитвою такъ оную умножаетъ, что богъ на душу человѣческую паче воли и всякаго желанїя ея, скипетръ мира своего невидимо и не постижимо простираетъ. Сего то мира божїя свѣтъ сей дать не можетъ. Но примиритель бога съ человѣки единородный сынъ божїй, исходатайсвованнымъ и посланнымъ чрезъ него отъ небеснаго отца его пресвятымъ и животворящимъ духомъ, сердца наша преестественно наполняетъ, по смерть ихъ содержитъ, и отъ того хранитъ, дабы безумство суетнаго и развращеннаго свѣта насъ сего дражайшаго спокойства не лишило. Однакожъ мы не въ томъ мнѣнии сїе говоримъ, чтобъ сей миръ божїй ни когда препятствїя и никакого помѣшательства себѣ не имѣлъ. Многїя бываютъ на людей искушенїи. И самъ сынъ божїй въ пречистой плоти своей духомъ въ пустыню веденъ былъ. Естественной роду человѣческому врагъ сатана отнюдь того стерпѣть не можетъ, чтобъ ему противъ сего мира собственную плоть и кровь нашу, также умъ съ мечтанїемъ, разумъ съ волею, а любовь съ ненавистью всегда невозбуждать. Но человѣческое, а особливо всякаго Христїянина право, съ безопасностью въ томъ состоитъ, дабы мы лесть сего отъ

природы

природы наслѣднаго врага душамъ нашимъ, издалече знали; а притомъ бы съ непрерывною вѣрою, и съ крѣпкою надеждою постоянно за бога держались, и его не оборимою силою ядовитыя стрѣлы съ набѣгами адскаго злодѣя мужественно бы уничтожали. Христосъ Спаситель отнюдь того не обѣщалъ, что бы намъ на свѣтѣ безъ страху и безъ печали жить, да только сїе намъ рекъ. Радуйтеся! Азъ побѣдихъ миръ. А дабы мы о сей его божїей помощи и силѣ во отсутствїи, и не видя его нимало несумнѣвались; то Господь нашъ при самомъ своемъ на небеса съ пречистою плотїю божественномъ вознесенїи, Святымъ ученикомъ и Апостоламъ своимъ объявилъ. Миръ мой оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ. Слово, даю вамъ: значитъ силу и благость подателя съ духовнымъ богатствомъ дарованїя: а второе слово его, оставляю вамъ: объявляетъ вѣчность и доброту мира божїя, всякъ умъ человѣчь, и вся дары земныя несказанно превозходящаго. Хотя сего мира божїя ни языкъ изрещи ни перо описать, а таѣнной умъ человѣческой постигнуть не можетъ; однако объ немъ ни мало сумнѣваться не должно. Какъ богъ все выше разума и понятїя нашего творитъ, и все непостижною уму нашему силою обращать можетъ, такъ и Святая вѣра съ несумнѣннымъ упованїемъ нашимъ на всемогущаго Творца, ни мѣры, ни предѣловъ имѣть не долженствуетъ. богъ насъ такъ милуетъ, какъ мы на него уповаемъ; а по той мѣрѣ, утѣшаетъ сколько человѣкъ на бога надѣется. Ежелибъ Праотецъ Іяковъ о томъ усумнѣлся, что сынъ его Іосифъ живъ, какъ объ немъ печальному отцу его сказали, тобы онъ любимаго сына своего не видалъ. Но сей Патрїархъ твердою вѣрою себя укрѣпя, и немедленно въ путь вступивши, по свиданїи со Іосифомъ не изреченно возрадовался. Плоть и кровь со всѣми ихъ друзьями худые были утѣшители скорбящему богу. Они тому вѣрить не хотятъ, что богъ посреди болѣзней, скорбей и печалей съ миромъ и утѣшенїемъ своимъ у дверей нашихъ стоитъ. Къ сему надобно намъ твердое намѣренїе Праотца Іякова. Ежели мы отъ сумнительства и невѣроятїя сихъ друзей свободиться желаемъ, то и намъ обще съ помянутымъ Патрїархомъ сказать должно: не медля пойду, увижу, вкушу и наслажусь сладости божїя богатства и залога небеснаго на земли. Хотябъ сїе и въ Египтѣ было, такъ несовершенство временной жизни меня отъ того неотвратитъ, дабы сладости и предверїя

верія вѣчнаго наслѣдства неискать; для того что самъ Царь мира богъ и Спасъ душъ нашихъ, у Евангелиста своего Матѳеа, въ главѣ первой надесять, симъ милостивымъ своимъ словомъ всѣхъ насъ призываетъ. Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы. Вся проповѣдь Христа Спасителя нашего, о блаженствахъ есть непрестанное руководство къ истинному миру и къ спокойству душевному. Смиреніе, вѣра, любовь, отверженіе себя, покаяніе, молитва, кротость, миротворство, постоянство, великодушіе и терпѣніе суть во вѣкъ непоколебимыя основаніи того Христіянскаго спокойства и мира душевнаго, котораго адъ и діяволъ со всѣми своими Фуріями и нападками никогда не одолѣетъ; а мы желаніе свое всеконечно получимъ, ежели подъ предводительствомъ Царя Мира и Господа нашего Христа Іисуса, въ сію божественную крѣпость войдемъ. Только онъ не къ тлѣнной твари насъ посылаетъ, но указываетъ намъ на превѣчнаго бога, которой душевному миру начало и конецъ. Сей Творецъ и зиждитель разумную тварь свою, то есть человѣка, не ради того создалъ, чтобъ ей безщастной быть. Онъ Небесный отецъ нашъ, за симъ твореніемъ рукъ своихъ, не только на всякъ часъ особливымъ раченіемъ смотритъ, но яко Милосердый Вседержитель, и волосовъ дѣтей своихъ бережетъ. Сіе всеблагое и прелюбезное существо, милостію и дарами своими, особливо тѣхъ людей находитъ, которые его всемъ усердіемъ ищутъ. Превѣчносовершенный и премудрый богъ, предъ которымъ все земное суета и тлѣніе. Онъ единый совершенно знаетъ, что намъ лутче и полезнѣе.

3.

Страхъ божій. Единый Христіянинъ предъ всѣми язычники не сравненнымъ познаніемъ бога особливо одаренъ. безпримѣрно большій во оныхъ Христіянѣхъ, предъ всѣми невѣрующими въ сына божія народами, страхъ Господень и любовь божію, своею десницею насадилъ. Можетъ быть, что язычники о истинномъ бозѣ не много думали; а подлиннаго понятія какъ о немъ, такъ о любви божіей и о страхѣ его никогда не имѣли. Но мы Христіянѣ имѣемъ твердое Пророческое слово, въ которомъ всякія свойства и Святыя судьбы божіи весьма ясно изображены. Сверьхъ того имѣемъ Христа во плоти, свѣтъ славы не видимаго бога; а видимой образъ превѣчнаго

существа

существа его, которой не только волю отца своего намъ объявилъ, но всѣ пути, и тѣ способы роду человѣчу показалъ, которыми намъ къ нему притти. Не обязуетъ ли насъ сіе большее познаніе, къ большему почитанію, благоговѣнству, къ Священію и къ тому страху божію, которой не въ рабскомъ трепетѣ и дрожаніи, но въ дѣтской радости, въ любви и въ послушаніи состоитъ. Какъ скоро я про Святое имя божіе помяну, то не только такое всевышнее существо признаваю, которое всему на свѣтѣ, а слѣдственно и моему бытію вина и начало. О немъ же вси мы живемъ, движемся и есьмы. Но то же самое разсужденіе наполняетъ душу мою страхомъ и благоговѣніемъ; а сей Святой страхъ прогоняетъ всякое сумнѣніе о присудствіи того великаго и вездѣ сущаго бога, котораго слава, Небо и землю исполняетъ. Когда я подлинно вѣдаю, что богъ надомною около, подлѣ и кругомъ меня вездѣ сый, и меня своею милостію всеконечно не забудетъ; по сему стыжусь о попеченіи того владыки и Господа моего сумнѣваться, которой всей жизни моей Всемогущій зиждитель, богъ, Творецъ и начало. Чрезъ сіе открывается не основательство моего попеченія, когда разсмотрѣніе величественнаго, вездѣ сущаго и повсюды разливающагося присудствія божія камень печалей съ сердца моего, такъ легко снимаетъ, что я силу сихъ словъ мудраго Сирахова совершенно чувствую. Страхъ Господень возвеселитъ сердце, и дастъ радость и долгоденствіе боящимся его. Притомъ же самъ въ себѣ слышу, что Давидовы слова совершенно истинны. Да возвеселится сердце боящихся Господа и взыскающихъ его. Великое облегченіе бояться вездѣ сущаго, а истинной миръ и спокойнствіе уповать на Всемогущаго бога. Самое безпокойство поводъ къ тому подаетъ, что бы мы оное въ бозѣ утоляли. Все человѣческое неспокойство происходитъ отъ страстей и отъ вожделѣней его. Ктожъ въ душу человѣку такое безконечное желаніе вложилъ? Не тотъ ли самой Творецъ, которой такову ее создалъ? Ктожъ можетъ сіе душевное желаніе и безпокойство утолить? Единъ и тотъ превѣчный богъ, которой такое желаніе въ душу мою вложилъ. Сіе самъ Всемогущій Создатель Царю Іосафату слѣдующими, чрезъ Пророка своего реченными словами, объявляетъ: Азъ отверзаю уста твоя и наполняю я. При семъ наполненіи нималаго безпокойства и никакого неудовольствія

нѣтъ

нѣтъ. Ободрись же душе моя! И взыщи Господа, которой единъ тебя удовольствовать, а внутреннее волненіе твое успокоить можетъ. Сила и начало всякихъ безпокойствъ въ томъ состоитъ, что человѣкъ бога изъ памяти своей выкладываетъ. Когда Израиль благодѣяніи божія забывалъ, то онъ внѣшнѣ и внутреннѣ мучился. Во первыхъ сіе суетно, а потомъ крайнѣ безпокойно. Во всѣхъ сихъ согрѣшиша, еще и невѣроваша чудесемъ его; сего ради исчезоша въ суетѣ дніе ихъ, и лѣта ихъ со тщаніемъ. Кто я, что на бога моего ропщу? Егда речетъ зданіе создавшему е, по что мя сотворилъ еси тако? Что бога побудило меня создать, тожъ самое его и къ тому подвигло, дабы меня такова сотворить, каковъ я есмь. Когда я бога ни къ чему не могъ принудить прежде рожденія моего: то уже по рожденіи своемъ, все то долженъ нести, что Святая судьба и воля его на меня ни положитъ. Я всемъ собою, то есть душею и тѣломъ Творцу моему обязанъ, а онъ мнѣ ничемъ недолженъ; и такъ во всѣмъ буди воля его. Кто прежде дастъ богови, [пишетъ къ Римляномъ Святый Апостолъ Павелъ] да воздастся ему; яко изъ того, и тѣмъ, и въ немъ всяческая, тому слава во вѣки аминь. Чтожъ я тварь и тлѣніе указываю Творцу и богу моему, которой мнѣ ни чѣмъ не долженъ? Ежели онъ меня рабомъ и тварью себѣ создалъ, то для чего я червь желаю господиномъ ему быть? Самъ признаваю, что все отъ бога получилъ, за что ему молюсь и благодарю, однакожъ тѣмъ не доволенъ, что онъ мнѣ изъ единой милости своей даетъ. Я не благодарной человѣкъ ропщу, а милосердый богъ даръ свой въ ротъ мнѣ кладетъ. Уже его ѣмъ: а самъ еще говорю, это весьма не то, чего я хотѣлъ. Ежели бы [на примѣръ] богъ и то у насъ взялъ, что мы имѣемъ, такъ онъ не наше, да свое отберетъ; на то самое подобіе, какъ у неблагодарнаго Израиля. Азъ дахъ ему [глаголетъ богъ чрезъ Пророка своего Іосію] пшеницу, вино и елей, и сребро умножихъ ему; сіи же кумиры сребрени и златы сотвориша Ваалови. Сего ради обращуся и возьму пшеницу во время ея, и вино свое въ годъ его; за не рече Израиль, мзды ми суть сія; и хождаше въ слѣдъ хотѣній своихъ, мене же забы, глаголетъ Господь Вседержитель. Когда у почитающихъ дары божія за собственно свое, что либо пропадетъ, то они такъ о семъ печалятся, что часто и въ отчаяніе приходятъ. Ежелибъ ты [на примѣръ] далъ

Псаломъ 77.

Къ Римляни: глава 9.

далъ нищему гривенникъ, полуполтинникъ или другую серебреную монету, а онъ бы её за то тебѣ въ глаза бросилъ, что сія монета не золотая; не обратилась ли бы милость твоя, за такое безстыдство и за неблагодарность сего нищаго, въ праведной гнѣвъ, и не отдалъ ли бы ты сей милостины своей достойному и благодарнѣйшему человѣку? Для чегожъ и богу того у насъ не отнять, что насъ такъ злыми, и столь неблагодарными творитъ. Хотя богу даровъ своихъ и не жаль, только не здѣлается полно надъ неблагодарнымъ того, что Христосъ Спаситель обьявляетъ: а у неимущаго, [то есть: благодарности и удовольствія] и еже мнится имѣя, взято будетъ отъ него. По крайней мѣрѣ правосудный богъ со избраннымъ своимъ Израилемъ такъ поступалъ. богъ любитъ обоихъ, и доброхотнаго дателя, и благодарнаго взятеля, а роптательная жалоба, и даръ и подателя посрамляетъ. У богатѣйшаго жида и славнаго банкира въ Амстердамѣ, было девять человѣкъ дѣтей. Какъ ему сказали, что жена его еще дочь родила, то сей неблагодарной человѣкъ закричалъ: пропалъ я со всемъ; капитала моего на однихъ дѣтей не станетъ, а мнѣ уже самому помиру ходить будетъ. Правосудный богъ за сію не благодарность такъ на жида прогнѣвался, что въ два года всѣ его дѣти померли. Послѣ дѣтей онъ съ женою умеръ; а великое богатство сродникамъ его досталось. Въ другомъ городѣ, у знатнаго человѣка было пять дочерей и одинъ сынъ. Какъ сей сынъ умеръ, а друзья стали отца его утѣшать, то онъ имъ сказалъ, я бы желалъ, чтобъ всѣ мои дочери померли, да только бы мальчикъ у меня живъ былъ. богъ и сего неблагороднаго такъ наказалъ, что всѣ его дочери въ короткомъ времени одна за другою померли, а не долго послѣ нихъ и самъ онъ умеръ. Ктожъ бы не похотѣлъ волею и судьбою божіею довольствоваться? Всѣ мы отъ щедротнѣйшаго Творца милостину получаемъ, а не заслуженое жалованье беремъ. Потщимся же даръ его съ радостію и со благодареніемъ принимать. Діогена спросили. Которое вино вкуснѣе? То, [отвѣчалъ сей филосовъ,] которое даромъ подносятъ. Что же имаши, его же нѣси пріялъ [спрашиваетъ Апостолъ Павелъ,] да ктомужъ еще безъ денегъ и безъ трудовъ твоихъ. Веселись же даромъ божіимъ, хотябъ оной великъ или малъ былъ. Но притомъ помни, что богъ силенъ дать, и взять властъ имѣетъ, съ божественными дарами своими, по собственно

Святой волѣ его самовластно поступать. Гордость къ нищетѣ не пристала. Мемфистѣево смиренїе несравненно лутче. Да прїиметъ все; яко не бѣ весь домъ отца моего, [тотъ же Мемфивстей во вторыхъ книгахъ Царствъ въ главѣ 29 Царю Давиду говоритъ:] развѣ мужїе повиннїи смерти, господину своему Царю, и посадилъ мя еси раба твоего съ ядущими на трапезѣ твоей отчи, ея же руки будетъ ми еще оправленїе, и возопити ми еще ко Господу моему Царю? блаженъ тотъ человѣкъ, кто съ Іяковомъ смѣтится. Сколько у него въ то время богатства было, какъ онъ въ службу къ Лавану дядѣ и къ тестю своему пришолъ. Довлѣетъ ми отъ всея правды [говоритъ Іяковъ въ молитвѣ своей къ богу въ 32 главѣ бытїя,] и отъ всея истинны, юже сотворилъ еси рабу своему. Съ жезломъ бо симъ прейдохъ Іорданъ сей, нынѣ же бѣхъ въ два полка. Такая смиренная благодарность умножаетъ человѣческое спокойство, и побуждаетъ бога къ дальнѣйшимъ благотворенїямъ. Царь Давидъ собственнымъ примѣромъ сїе показываетъ; когда онъ не только себѣ самому показанное благодѣянїе божїе, съ родостнымъ напоминанїемъ изчисляетъ, но и о томъ веселится, когда надъ предками своими бывшу благость божїю, въ память себѣ приводитъ; еда [рече] забудетъ ущедрити богъ, или удержитъ во гнѣвѣ своемъ щедроты своя? Только сей богодухновенной Монархъ такїя страхомъ наполненныя слова не божїю безсилїю, но своей слабости говоритъ. Нынѣ начатъ измѣну десница вышняго. Потомъ ободряется Царствующїй Пророкъ размотрѣнїемъ дѣлъ божїихъ; и такъ объ нихъ пишетъ. Помянухъ дѣла Господня и поучихся. Помяну отъ начала чудеса твоя, и поучуся во всѣхъ дѣлѣхъ твоихъ, и въ начинанїихъ твоихъ поглумлюся; боже во свѣтѣ твоемъ путь твой. Кто богъ велїй, яко богъ нашъ, ты еси богъ творяй чудеса. Такїя мудрыя и столь набожныя разсужденїи сего богодухновеннаго Царя и Пророка, въ бѣдахъ и въ печаляхъ его весьма часто увеселяли. Онъ сими словами иногда на Гарфѣ своей играя, а временемъ и просто поя, бога хвалилъ. Премудрый и всемогущїй богъ печальнаго Іова, по слѣдамъ твари и всего естества для того водилъ, дабы онъ во удивленїи благости и любви Творца небеснаго смотря на всю тварь, какъ сумнѣнїе, такъ печаль и жалобу свою совсемъ позабылъ. По истиннѣ! Хвала божїя при такихъ разсужденїяхъ въ душѣ человѣческой совершенное богомыслїе

мыслїе и великое увеселенїе производитЪ. Такое хваленїе бога распространяетЪ сердце, и не допускаетЪ до того, чтобЪ болѢзнь или печаль сердечная духомЪ овладѢла. ХристосЪ Спаситель нашЪ самЪ обЪявляетЪ, что такїя разсужденїи печаль прогоняютЪ; когда оныя унылую душу временемЪ по воздуху, а иногда по землѢ святою своею десницею при сихЪ словахЪ водитЪ. Воззрите на птицы небесныя и на крины сельные. Во истинну! Сїе достойно примѢчанїя всякаго человѢка, и разсыпаетЪ печаль душевную. Красота тварей, порядокЪ, натура и содержанїе всѢхЪ вещей, чудное движенїе, простота вЪ такомЪ великомЪ различїи, теченїе свѢтилЪ небесныхЪ, не измѢримая обширность всей земли, на которой ты странной и пришелецЪ, могутЪ всю твою печаль уничтожить. Ежели ты сумнѢваешся, что богЪ о деревянномЪ или о каменномЪ домѢ больше попеченїя имѢетЪ, нежели о живущихЪ вЪ немЪ, то безчеловѢчно грѢшишЪ. Какое художественнѢйшее связанїе, и порядочное сложенїе всѢхЪ вещей! Какая удивительная цѢпь природы! Какой порядокЪ, и какое божественное согласїе видимЪ мы вЪ дѢлахЪ Творца и Вседержителя нашего! СЪ какимЪ послушанїемЪ и покорностїю не только безумная, но и бездушная тварь по особливому намѢренїю премудрѢйшаго Творца и Зиждителя вЪ содержанїи всей твари его не прерывно, и также точно обращается вЪ содержанїи вещей. КакЪ вЪ карманныхЪ или вЪ стѢнныхЪ часахЪ колеса, одно другимЪ для того движутся, дабы часы и минуты указывать, такЪ власно разныя стихїи кЪ содержанїю всего свѢта обратную помощЪ подаютЪ. Той рукѢ конечно всесильной и всемощнѢйшей быть надобно, которая цѢлую землю одною уздою, а всѢ моря однимЪ рулемЪ вЪ то самое время правитЪ, когда по видимому не только все колебаться, но и совсемЪ разсыпаться хочетЪ. Доброе изЪ самой средины зла, непостижимо оказывается; а преизряднѢйшей порядокЪ не токмо изЪ великихЪ непорядковЪ, но изЪ самаго смятенїя недовѢдомо происходитЪ. ТакЪ должны противныя между собою вещи всю тварь содержать, которыя бы междуусобною своею войною сами себя истребили: ежели бы надзиранїе всемогущаго и премудрѢйшаго бога всѢ силы и стихїи вЪ опредѢленныхЪ имЪ границахЪ премудро не содержало, а предвѢчнымЪ своимЪ словомЪ всѢ вещи такЪ обращая, не носило, что самая ихЪ противность кЪ общей помощи вЪ содержанїи

 всего

всего поспѣшествовать долженствуетъ. И самъ ты во всемъ теченіи тварей ежедневно видишь, какъ всемогущій Творецъ безчисленными противностями весь свѣтъ содержитъ; а о томъ сумнѣваешся, будто сей цѣлаго свѣта отецъ и вседержитель объ одномъ твоемъ нынѣшнемъ не щастіи не печется! Признай свое грѣшное невѣріе, и предай все предвѣчной премудрости вышняго. Веселись лутче, такъ многими свидѣтелями величественной силы, благости и премудрости божія, ежедневно въ кругъ и около тебя движущейся. Лѣто для того прогоняетъ зиму, чтобъ земля со всемъ на ней сущимъ отъ стужи не одеревенела; а осень за тѣмъ лѣто гонитъ, дабы жары его плодовъ не изсушили. День и ночь взаимно смѣняются къ помощи въ работѣ, и для упокоенія всей твари. Дневной свѣтъ все оживотворяетъ, а темнота полагаетъ ему мѣру и воздержаніе. Теплота вынимаетъ пары изъ земли, для приведенія оныхъ въ разныя плоды и растѣнія, а стужа обратно ихъ зжимаетъ, для большаго на приходящей годъ возобновленія земли, удерживаетъ воду отъ разливанія. Огонь просвѣщаетъ темноту, грѣетъ въ стужѣ и варитъ, а воздушною влагою и холодомъ по стихіи своей содержится. Одно сѣменное зернышко развернувшись, приноситъ плодъ десятеричной, и вся земля благословеніе всевышняго на содержаніе жителей своихъ богатно произноситъ. Ты любезной читатель по собственному искусству вѣдаешъ, что сія трудолюбивость твари къ содержанію всего свѣта клонится; и признаваешъ, что духъ всемогущаго, вся подъ небесемъ сущая оживотворяетъ. Тебѣ же извѣстно, что все въ изрядномъ согласіи. Худое на службу лутчему, а лутчее на услугу все совершенному сотворено. Видишь, какъ солнце, мѣсяцъ, звѣзды, воздухъ, вѣтръ, облаки, дождь и снѣгъ со всею твердію во всегдашнемъ порядкѣ, къ общей рода человѣческаго пользѣ, непрестанно движутся, и всякая вещь въ своей мѣрѣ по волѣ и вѣленію всемогущаго Творца, къ содержанію всей твари помогаетъ. Ты удивляешся божественной силѣ во всѣхъ сихъ уму твоему непостижимыхъ дѣлахъ, всесильнаго Творца небу и земли. Видишъ и вѣдаешъ, что сія божія сила его, чрезъ нѣсколько тысячь лѣтъ въ трудахъ дѣиства своего не устаетъ, ни перестаетъ. Ты сіе тотъ часъ вспомнишъ, какъ скоро на землю, на воду, на воздухъ и на огонь

огонь погладишь. Сїе можно тебѣ примѣтить по дождю, по грому, по граду, по снѣгу, да по инею на деревьѣ и на травѣ, а притомъ на всей бездушной и одушевленной тварѣ. Но ты при всемъ томъ какъ себя, такъ и то равно забываешъ, что ты разумной и словесной человѣкъ, а слѣдственно честнѣе всѣхъ видимыхъ тварей. Какъ же можешъ вѣрить, что богъ о всей твари печется; ежели въ томъ сумнѣваешся, будто онъ объ одномъ о тебѣ собственныхъ рукъ своихъ разумномъ созданїи не помнитъ и не рачитъ? Его ли ты созданїе, или нѣтъ? Ежели не его творенїе, такъ кто, откуда и какая ты тварь? А буде воистинну его созданїе, такъ для чего ты о промыслѣ и о попеченїи создателя твоего, такъ грѣшно сумнѣваешся? Сїе подобно тому, какъ бы ты силы божїя не признавалъ, или бы себя отъ всѣхъ тварей выключить похотѣлъ, а самъ себя честнѣйшею частїю оныхъ почитаешъ. Возведи же очи твои на небо, и погляди, какъ величїе божїе въ звѣздахъ блистаетъ? Разсмотри премудрость всесильнаго Творца, въ преудивительномъ зданїи неба, земли и всей твари. Признай божїю его благость и любовь, въ не прерывномъ содержанїи всего на землѣ и подъ небесемъ сущаго. Не забудь же смерти и своей худости, съ несказанною малостїю противъ цѣлой широты тверди небесной, и всего круга земнаго. Исполнивъ сїе увидишъ, что ты въ толь пространномъ отъ превеликаго и всесильнаго Творца носимомъ свѣтѣ, таковъ же власно великъ, какъ одно просяное зерно противъ тысячи четвертей пшеницы. Сумнѣнїемъ и страхомъ волнующаяся душа! Откуда ты, и куды идешъ? Посмотри въ верьху, въ низу, около и подлѣ тебя. Видишъ ли сколько сотъ тысячъ свидѣтелей власти, силѣ, любви и премудрости божїей? Небо тебя освѣщаетъ, воздухъ на крылахъ своихъ носитъ, а земля питаетъ. Не только безчисленное множество всѣхъ сихъ вещей, объ этомъ всякому изъ насъ ежечасно напоминаетъ, но самое хранилище божественнаго и безсмертнаго духа, то есть: тѣло твое во увѣренїе тебѣ скажетъ, какъ не основательно твое сумнѣнїе, о попеченїи и о промыслѣ божїи. Кто тяжелую воду тончайшими парами на облаки поднимаетъ, а оттуда каплями на землю опущаетъ? Кто даетъ мертвой землѣ живительную и плодородную силу? Кто орошаетъ ее холодомъ, а теплотою побуждаетъ къ рожденїю? Кто сїе дѣлаетъ, что естественныя духи безъ всякаго помѣ-

 шательства

шательства около и внутрь себя, порядочно обращаются? Кто вливаетъ съ низу, и проводитъ сквозь коренья внутрь и въ верьхъ, а за тѣмъ разливаетъ по всѣмъ сучкамъ деревья, родительную силу къ цвѣту и къ ношенію премногихъ плодовъ различнаго вкусу? Кто одѣваетъ черную землю, зеленою травою, и прекрасными цвѣтами? Кто наполняетъ сухія колосы, хлѣбною силою разнаго рода? Стручья, крупными зернами, воздухъ птицами, воды рыбами, а землю зверьми и гадами? Кто ихъ кормитъ, поитъ и одѣваетъ? Кто учитъ паука, тенеты свои столь чуднымъ художествомъ ткать, и во оныхъ пищу себѣ такъ хитро ловить? Не тотъ же ли всесильный и милосердый богъ все сіе дѣлаетъ, которой и тебя, какъ маленькаго червячка, по выходѣ твоемъ изъ девятимѣсячной темницы, то есть: изъ чрева матерня, сосанію молока изъ грудей ея научилъ?

4.

Божія сила, и попеченіе во обще.

* отъ Матф: гла: 6.

Когда уже Господь богъ надъ бездушными и разума лишенными тварями, сію свою непостижимую силу являетъ: * аще ли же сѣно сельное днесь сущее, а утро въ пещь вмѣтаемо, богъ тако одѣваетъ, не много ли паче васъ маловѣри? Ты самъ [дорогой читатель] видишъ, какъ лилѣи, тюльпаны, нарциссы, гвоздики и разныхъ родовъ бархаты, не только въ садахъ и на цвѣтникахъ, но по полямъ и на лугахъ ростутъ. Они безъ пряжи безъ тканья, и безъ шитья, отъ бога и отъ природы, такъ изрядно украшены, что и Саломонъ во всей славѣ своей никогда такъ не одѣвался. Ты [по слову Спасителя своего] признаваешъ, что птицы ни сѣютъ ни жнутъ, ни въ житницы свои не собираютъ, а Отецъ небесный питаетъ ихъ. Видишъ, что богъ надъ бездушными и одушевленными тварьми сіе дѣлаетъ. Самъ по среди и между ихъ живешъ. А когда уже и ты сіе чувствуешъ, то скажи: жезнь ли тебѣ лутче, или пища съ питьемъ? Развѣ думаешъ, что богъ для того тебѣ великое далъ, дабы въ маломъ отказать? Кто тебѣ то тѣло далъ, о которомъ ты такъ прилѣжно печешся? Кто его плотію и кожею одѣлъ? Кто оное связалъ жилами, подкрѣпилъ костьми, а оживотворилъ кровію и духами жизни? Просвѣтилъ глазами, украсилъ порядкомъ и пристойностію? Содержалъ его девять мѣсяцовъ въ

въ темнотѣ, между гнилостію, водою и между огнемъ? Чѣмъ онъ тебя тамъ питалъ? Какъ на свѣтъ произвелъ? Какое тебѣ на ономъ пропитаніе приготовилъ? Какъ свѣтомъ разума тебя освѣтивши, лице и очи твои къ небу обратилъ? Признайся же! Не тѣло ли больше одежды? Кто бренное тѣло твое во первыхъ духомъ жизни, разумною душею и благою волею наполняетъ, а потомъ уже разумѣніемъ добра и зла, знаніемъ себя и твари чувствованіемъ, порядка, разсмотрѣніемъ правъ, правды, суда и не правды, а надъ вся сія любовію и страхомъ всемогущаго бога одарилъ? Разсуди же! Не душа ли болѣе тѣла? Кто еѣ питалъ склонностію къ правдѣ? Кто училъ закону и наказалъ мудрости? Кто оную отъ заблужденія на путь правды приводилъ, когда душа твоя отъ божія закона удалялась? Кто тебѣ далъ Святое слово свое, вмѣсто негасимаго свѣтильника въ темныхъ дебряхъ, и въ неизвѣстныхъ путяхъ жизни твоей? Не превозвышаетъ ли сіе всякъ умъ? Кто далъ за спасеніе твое единороднаго сына своего? Не больше ли это всей твари? Кто тебѣ обѣщалъ блаженство и жизнь вѣчную? Не больше ли сіе неба и земли? Оглянись еще на землю! Посмотри на ней премногія тысячи одушевленныхъ тварей, изъ которыхъ одна другою питается. Опомнись еще, что въ порядкѣ творенія, худое на услугу лутчему, бездушное на содержаніе одушевленнаго, безумное на употребленіе разумнаго, а слѣдственно все на услугу человѣку для того создано, дабы онъ разумными обращеніями не только все сіе, но и самое теченіе жизни своей къ чести Творца, яко къ цѣнтру, тоесть: къ срединѣ всего мира и спокойства склонялъ. Человѣку надлежало такимъ началомъ быть, сквозь которое рѣки, твари, съ познаніемъ, со удивленіемъ, съ хвалою и со благодареніемъ всеблагому создателю, въ тожъ море вѣчности возвращались, изъ котораго все произошло. Особливой промыслъ божій о добродѣтельныхъ и о угодныхъ ему людяхъ, всеобщаго попеченія его о цѣломъ родѣ человѣческомъ отнюдь не пресѣкаетъ. Хотя гордой Израиль того и требовалъ, дабы все праведный богъ никого, кромѣ рода Еврейскаго не любилъ, и ни окомъ бы, кромѣ людей Израилевыхъ, попеченія не имѣлъ; однако богъ по превѣчной правдѣ своей, сего неправеднаго желанія съ гордою прозьбою ихъ никогда не исполнялъ. Для сей важной притчины, правдо-

любивѣйшій

любивѣйшій Царь Давидъ запотребно разсудилъ, у людей народа своего такое самолюбіе съ гордымъ высокомысліемъ отнявши, особливымъ псалмомъ показать, что промыслъ праведнаго и милосердаго бога, на народѣ одной земли, никогда утвержденъ не былъ, и во вѣки не будетъ; но на цѣлую вселенную и на всѣхъ живущихъ въ ней, равнымъ милосердіемъ изливается, по равенству любви и правды божія. Губительное самолюбіе всему Израилю такія чудныя мысли въ голову вложило, будто богъ для однихъ только Евреовъ, такъ великія чудеса сотворилъ. По сему немалаго примѣчанія достойно, что Царь и Пророкъ Давидъ, во 105мъ. и во 106 мъ псалмѣ, особливое попеченіе божіе о родѣ Израильскомъ пространно описавши, весь по слѣдующей 107. псаломъ на то употребилъ, дабы у сихъ людей, великое самолюбіе, и чрезмѣрное о себѣ высокомысліе совершенно отнять. Сей царствующій Пророкъ объявляетъ, что богъ во всѣхъ концахъ свѣта, тоесть: на востокѣ, на западѣ, въ полуденныхъ и полунощныхъ земляхъ избранныхъ своихъ имѣетъ, которые по превѣчному его слову и закону живутъ, въ бѣдахъ и въ нуждахъ своихъ усердно его призываютъ; а богъ ихъ удивительнымъ образомъ питаетъ, содержитъ и отъ всѣхъ скорбей ихъ милосердо избавляетъ. Но что бы съ природы своей гордые Евреи того не сказали, будто Давидъ сіе точно о нихъ пишетъ, то онъ имяннымъ, и всеобщимъ словомъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ назвавши, сей псаломъ свой такими словами заключаетъ. Кто премудръ, и сохранитъ сія, и уразумѣютъ милости Господня. По сему всѣ тѣ люди великіе безумцы, кои провидѣніе божіе въ границы приводятъ, или отъ сего свѣта совсемъ выключаютъ. Они еще при Давидѣ такъ о семъ говорили; Господь не узритъ, и богъ Іяковль не уразумѣетъ сихъ. Но кроткій Царь и богоотецъ опровергаетъ сіе безумное ихъ предложеніе сильными доказательствы. Онъ власно какъ спрашиваетъ ихъ, могутъ ли сами они слышать, видѣть, чувствовать и разумѣть. А понеже имъ отъ сего отперетъся было не льзя, то богодухновенный Царь и Пророкъ желаетъ вѣдать, откуда они чувства свои получили? Ежели бъ сказали отъ природы, то онъ далѣе внутрь ихъ поступивши доказываетъ, что сему живому, разумному, премудрому, благому и сильному существу, не простой натурѣ, но самому всемогущему богу быть должно, которой всѣ этѣ силы не

несравненно въ высочайшей передъ тѣмъ степени имѣетъ, каковы онъ ихъ человѣку удѣлилъ. Насаждей ухо, не слышитъ ли, и создавый око, не смотряетъ ли? Наказуяй языки, не обличитъ ли, и учай человѣка разуму, не разумѣетъ ли? Потомъ еще спрашиваетъ, откуда получаетъ человѣкъ чувствованіе различія между зломъ и добромъ? Откуда приходитъ человѣку предъ слышаніе, и опасность нещастія и погибели? Отъ кого особливое содержаніе кроткихъ и добродѣтельныхъ людей? Для чего доброе отъ множества злыхъ побѣждено, и уничтожено быть не можетъ? Но судъ съ правдою противъ воли злыхъ на верьхъ взошедши, многихъ сихъ охранниковъ и послѣдователей себѣ имѣть долженъ. Для чего добродѣтельные люди между злыми въ то время процвѣтаютъ, когда и сами о томъ сумнѣваться начнутъ? Чего ради злые да беззаконники въ на и лутчемъ своемъ цвѣтѣ, собственною ихъ злобою погибаютъ, и въ то самое время истребляются, когда они соединенною рукою на искорененіе всякаго блага и правды вооружились? Все сіи важныя обстоятельства ясно свидѣтельствуютъ божіе праведное, и о благомъ особливое попеченіе. Другъ мой! Хотя ты земля и пепелъ, однако всемогущій богъ такъ за тебя вступился, что тебя не только выше всѣхъ безумныхъ и бездушныхъ тварей, но и властелиномъ надъ всѣми ими для того поставилъ, дабы ты ихъ къ славѣ Творца своего, а себѣ бы на услугу и на увеселеніе употреблялъ. Когда уже самъ богъ надъ дѣлы руку своею тебя поставилъ, и вся покорилъ подъ ноги твои, то какъ ему о тебѣ попеченія не имѣть? А что сіе слово значитъ; вся покорилъ еси подъ нозѣ его: то знаменуя, въ себѣ содержитъ, что всемогущій богъ все во власть человѣку за тѣмъ отдалъ, дабы онъ благополученъ былъ. Хотя мы золотомъ, серебромъ, честьми и деревнями не всѣ равно богаты, однако у всѣхъ у насъ одна воля, и тотъ естественной разумъ одинъ, которымъ всякъ изъ насъ равно разсуждать, ненужное самовольно оставить, и онаго не требовать можетъ. Сія сила и власть на то отъ бога всѣмъ намъ равно дарована, дабы мы о всякой вещи по своей волѣ разсуждали. Милосердый богъ всю тварь свою подъ власть человѣку покаряетъ; а святой промыслъ съ божественнымъ попеченіемъ его обо всякомъ человѣкѣ безспорно доказываетъ, что богъ всякому изъ насъ равное, и такое богатство удѣлилъ, которымъ

Псаломъ 93.

рымъ бы человѣкъ себя довольнымъ и благополучнымъ учинить могъ. Сїя разумная душа твоя, въ которую богъ образъ и подобїе существа своего самъ вложилъ; а тѣмъ тебя надъ всѣми видимыми тварьми возвысилъ. Сей свѣтъ разума и познанїя, сей духъ глубину божества испытающей, сїе мудрое чувствованїе добра и зла, правды и порядка, воздаянїя и наказанїя, сїе разсмотрѣнїе притчинъ и начала, всему сїе желанїе благополучїя и склонность къ службѣ божїей, сїя совѣсть твоя, сїе напоминанїе вѣчности, которымъ всемогущїй богъ душу твою, передъ всѣми другими тварьми наполня, столь богатно одарилъ: вся сїя суть не только явственнѣйшїя доказательствы преимущества человѣческаго надъ всѣми тварьми, но вѣчные свидѣтели истиннаго промысла и попеченїя божїя о родѣ человѣческомъ. Всѣхъ премудрѣйшїй богъ, и праведнѣйшїй судїя, всякїе случаи и припадки человѣческїе, собственною своею рукою вѣситъ, и больше о людяхъ, нежели о воробьяхъ печется. По суетному мнѣнїю безумнаго человѣка, такъ надлежало всему происходить, чтобы ему къ бѣганїю скору, къ войнѣ сильну, къ пропитанїю тщательну, къ сниcканїю богатства остроумну, къ прїятности разумну быть: только по слову премудраго Соломона, все сїе не помогаетъ, но отъ времени и отъ щастїя зависитъ; а сїе щастїе ни что иное, какъ единое попеченїе съ милосердымъ промысломъ божїимъ, которой непостижимымъ намѣренїемъ, тайными притчинами, и весьма нечаянно самые малые, и навидъ худые случаи, сильнѣйшими всякаго искусства остроумнѣйшихъ людей, нарочно для того творитъ, дабы симъ способомъ благополучїе человѣческое нечаянно въ дѣйство произвесть. Ежелибъ на свѣтѣ не такъ происходило, тобъ бѣдные люди сами отъ своего искуства не повинно погибали. Сей то ради вины всеблагїй и милосердый богъ, недовѣдомыми судьбами, и не изслѣдимыми насланїи своими, норочно сему препятствуетъ въ такую особливую пользу человѣку, дабы этотъ скороходъ, весьма напраснымъ бѣганїемъ головы себѣ не сломилъ. Сильной бы боецъ, самъ на шпагу не набѣжалъ, искусной бы художникъ выше мѣры обогатившись, отъ пути добродѣтели не удалился, а разумной и кроткой человѣкъ, гордымъ бы не здѣлался. Во всѣхъ сихъ не избѣжныхъ на свѣтѣ приключенїяхъ самые послѣднїе, и въ глазахъ человѣческихъ ни къ чему годные случаи, не только великую перемѣну въ Монархїяхъ

хіяхъ и въ государствахъ, но и цѣлое превращеніе въ родѣ человѣческомъ, на такое показаніе всему свѣту причиняютъ, что всемогущій Творецъ непостижимою намъ премудростію своею, малѣйшіе и отъ человѣкъ презрѣнные случаи съ припадками самъ управляетъ. Изъ сего слѣдуетъ, и по преславнымъ чудесамъ вседержителя открывается намъ такое милосердое обо всемъ родѣ нашемъ попеченіе божіе, что всемогущій Господь, злости и злобѣ человѣческой мѣру и границы полагаетъ, чрезъ слѣдующее морю реченное слово и повѣленіе свое. Доздѣ предѣлъ твой, и въ немъ сукрушатся гордыя волны твоя. Симъ то премудрымъ способомъ всесильная рука божія, всю невоздержность воли, и злобную гордость губительныхъ замысловъ человѣческихъ, въ непрестанномъ обузданіи содержитъ. Сколько уже тому тысячь лѣтъ, какъ человѣческое бѣшенство съ безуміемъ къ собственной своей погибели непрестанной, чрезъ всякія вымыслы о томъ старается, что бы доброе злымъ, а злое добромъ здѣлать? Но во всѣхъ временахъ видно, что когда безстыдство на высочайшую степень взошло: а почти со всѣмъ погибшая правда и добродѣтель, сквозь самое сильнѣйшее супротивленіе, такъ власно прошла, какъ солнце сквозь темныя облака, и сквозь густой туманъ нечаянно просіявши, превеликія арміи беззаконниковъ и мучителей совершенно побѣдила. Ни одна человѣческая рука, и никакая земная сила отъ начала свѣта различности, то есть: чувствованію добра и зла, изъ сердецъ человѣческихъ истребить не могла. Когда зло до высочайшаго верьху своего достигло, и всяка плоть погуби путь свой; Въ то время надлежало потопу притти, для омовенія умножившагося зла; а родъ человѣческой праведнымъ Ноемъ ко исправленію, и къ прежнему размноженію приведенъ быть долженствовалъ. Содомъ и Гоморъ Адама и Севоимъ имѣли огнемъ съ небесе погибнуть, дабы пречистому богу мерзостнѣйшіе жители сихъ четырехъ городовъ, отчасу преодолѣвающими скверны своими, достальныхъ людей, ко вторичной цѣлаго свѣта, и всего рода человѣча погибѣли, власно какъ моровымъ повѣтріемъ заразивши, крайнѣю неволею не привлекли. По среди общаго наказанія свирѣпеющему злу, видны слѣды попеченія божія обо всемъ родѣ разумнаго человѣка. Для чего Ной до потопа проповѣдникомъ правды будучи, цѣлому свѣту приближающуюся погибель его, за сто за двацать лѣтъ предъ повѣстилъ?

 вѣстилъ?

вѣстилъ? Не ради ли того сїе было, что милосердый богъ и о злыхъ людяхъ благоутробное попеченїе имѣлъ, дабы ихъ къ покаянїю приведши, отъ вѣчной погибели избавить? Для чего всемогущїй иного наказанїя, кромѣ потопа на искорененїе злыхъ не избралъ? Чего ради земля всѣхъ живыхъ не поглотила? За чѣмъ звѣри сихъ безчеловѣчныхъ не растерзали? По что огнь съ небеси сошедши, сихъ скверныхъ не погубилъ? Для чего моря и всѣ воды вдругъ ихъ не покрыли? Для какой притчины всеобщей потопъ, сперьва по малу и легкимъ дожжемъ начался? Ради чего оной сорокъ дней, и сорокъ ночей, до тѣхъ поръ продолжался, пока вода всю землю покрыла? Все сїе благосклонный читатель! Для того было, что бы беззаконникамъ осталось время на покаянїе и на жалѣнїе о грѣхахъ своихъ. Но понеже гнуснымъ тѣламъ жестоковыйныхъ, ради того водою погибнуть надлежало, чтобъ они души свои маловременнымъ омытїемъ отъ вѣчнаго огня избавили. Не очевидное ли сїе доказательство попеченїя божїя о родѣ человѣческомъ? Когда еще злоба человѣческая умножившись, отъ гнѣва и наказанїя небеснаго, превеликимъ и высочайшимъ столпомъ укрѣпить и оборонить себя вздумала; то великое между людьми несогласїе, умъ и языкъ ихъ по особливому дѣйству силы божїя, за тѣмъ смѣшало, дабы разумомъ и волею развращенные люди по лицу всея земли вѣчно разсѣялись, а соединившаяся бы злоба, всю силу свою потеряла. Какъ люди еще горьше озлились, то послалъ къ нимъ богъ Немврода Царемъ, которой ихъ до тѣхъ поръ гонялъ и мучилъ, пока человѣчество въ прежнюю свою чувственность пришло, а мучительство отъ собственной своей злобы исчезло. Понеже люди съ природы своей къ страху и къ служанїю божїю склонны, то сїя хотя естественная, однако всякую мѣру разума превзошедшая склонность, со временемъ и на многихъ мѣстахъ не только суевѣрїе, но и самое многобожїе со идолопоклонствомъ произвела. Провидѣнїе божїе препятствуетъ сему злу званїемъ Авраама. Сей исповѣдникъ и почитатель единаго истиннаго божества многими обѣщанїи божїими къ тому побуждается; дабы познанїе присносущнаго и безмѣрнаго бога на потомковъ своихъ распространилъ. Самимъ богомъ возлюбленный народъ по среди не вѣрныхъ, и ко идолослуженїю весьма склонныхъ Египтянъ, въ крайнемъ утѣснении живучи, безчисленно умножается, и благословенїемъ божїимъ непоколебимо содержится. Той же

избравый

избравый и возлюбившій Евреовъ Господь, по искорененіи злѣйшихъ и беззаконнѣйшихъ народовъ, такою землею людей своихъ одарилъ, которыя плодородію всѣ окрестныя язычники удивлялись и завидовали. Сей въ палестинѣ [обѣтованная земля] живущей божій народъ, попеременно награждается и на зывается смотря потому, какъ онъ при своей простой и не поколебимой во единаго истиннаго бога вѣрѣ, и въ добродѣтеляхъ отъ отца своего Авраама твердо пребывалъ. Когда уже злость его умножившись преодолѣла, то отъ пути истинный заблудившей Израиль, частыми отъ бога посланными тѣлесными наказаніи, отъ вѣчной погибели предохраняется, а напослѣдокъ за крайнее ожесточеніе разсѣянъ бываетъ во языки; дабы невѣрнымъ и беззаконнымъ Евреомъ не избѣжное правосудіе божіе еще напомянуть, что имъ чрезъ посланныхъ отъ бога Пророковъ многажды и возвѣщено. Но понеже на конецъ и между народомъ Израильскимъ правосудіе погасло, а умножающееся зло отчасу умаляющееся добро поглотить хотѣло, то надлежало Христу Спасителю нашему, солнцу правды, и свѣту мира отъ пречистыя и благословенныя дѣвы Маріи, всѣмъ народамъ и повселенной живущимъ языкомъ плотскимъ рождествомъ возсіять; дабы сердца всего заблуждьшаго рода человѣча, ко Господу богу ихъ паки обратить. Хотя бы ты сердце свое въ камень обратилъ, а уши твои такъ власно, какъ ехидна отъ голосу заклинателя пальцами обѣихъ рукъ своихъ заткнулъ, однако милосердый богъ и объ отступникахъ такъ печется, что сихъ окамененныхъ людей равными участниками даровъ своихъ творитъ, по божественному слову Спасителя нашего: солнце свое сіяетъ на злыя и благія, а дождитъ на праведныя и на не праведныя. Всѣ сіи ежедневные намъ дары суть безпорные свидѣтели промысла и попеченія божія о родѣ человѣческомъ. Хотя они язнымъ своимъ свидѣтельствомъ всякую печаль съ сумнѣніемъ человѣка и упражняютъ, однокожъ бога слугою грѣха отнюдь не творятъ. Приставай же другъ мой къ такой компаніи, куда самъ желаешъ. Всемогущій богъ вездѣ тебя видитъ, знаетъ и всеконечно по всюду найдетъ. Хотя ты разумнымъ человѣкомъ, или безумнымъ скотомъ здѣлаешся, однако въ бозѣ живешъ, и о немъ движешся. Буде ты въ звѣря обратишся, такъ Творецъ хранитъ дыханіе твое. Ежели львомъ и тигромъ себя здѣлаешъ, такъ создатель и о нихъ печется. А когда уже онъ о всѣхъ тварѣхъ промышляетъ, то какъ о томъ разумномъ созданіи своемъ не попе-

 чется

чется, которое о божественномъ величии его съ кротостію и смиреніемъ, со страхомъ и благоговѣніемъ всякъ день напоминаетъ? Сіе разумное твореніе, вѣрою, любовію и надеждою съ его превѣчною красотою соединиться не престанно желаетъ. А святую его волю узнать, и рачительно исполнять всегда усердствуетъ. Не больше ли богъ о тебѣ попечется маловѣрной Христіянинъ? Стыдись же о семъ, и вѣдай, что всякое сумнительство приходитъ отъ діявола, которому отъ вышняго ни милости, ни прощенія нѣтъ. богъ мнѣ хранитель, милосердый отецъ, и крѣпкое прибѣжище; ежели я вѣрнымъ ему сыномъ и рабомъ пребуду, то его промыслъ и о мнѣ попечется сего дня, за утро и во вѣкъ. Око божіе никогда не дремлетъ, а сердце его всегда милосердно. Самъ я сіе знаю, и несуменно ему вѣрую. богъ все исполняетъ, что ни обѣщалъ. Кто своему рожденію тогда грозитъ бичемъ, когда оно у отца кусъ хлѣба себѣ проситъ? Кто на помощь божію крѣпко уповаетъ, тотъ никогда не гибнетъ, и посрамленъ не бываетъ: но самъ со временемъ радуясь увидитъ, что богъ его желаніи во благихъ исполняетъ.

5.

Особливой промыслъ божій о людяхъ.

Развѣ ты еще вѣрить не хочешъ? По смотри на теченіе краткой твоей жизни! И въ ней столько же доказательствъ божія о тебѣ промысла найдешъ, сколько дней и часовъ въ году. Какъ только ты родился, то другіе люди на тебя посмотрѣвши, ложно сказали, будто ты не живущей будешъ. Родители и сродники тебя какъ сухую траву съ презрѣніемъ бросили, а божіе попеченіе на свои Святыя руки взяло. Оно укрѣпило тебя въ такой крайней слабости, когда многіе припадки нѣжнаго младенчества, съ жесточайшими болѣзньми на то соединились, дабы у тебя умъ и всю жизнь отнять, которую ты едва только получилъ. Ктожъ тебя въ тѣ поры рукою своею содержалъ, какъ одна болѣзнь за другую не ослабно тебя мучила, а лѣкари единогласно сказали, что ты конечно умрешъ? Кто тебя со смертной постѣли поднявши, опять на ноги поставилъ, когда уже гробъ и саванъ нѣсколько разъ тебѣ готовили? Кто тебя бѣдной человѣкъ отъ той очевидной смерти милосердо избавилъ [можетъ быть, что Авторъ о себѣ сіе пишетъ,] какъ

какъ ты по девятому году отъ рожденія своего, мимо новаго строенія шолъ, а превеликой камень съ кровли свалившись, передъ ногами твоими упалъ? А ежели бы ты на поларшина ближе подошелъ, тобъ сею страшною тягостію въ мѣлкія крошки разбитъ и раздавленъ былъ? Кто тебѣ въ то время голову и шею твою такъ искусно обвилъ, когда ты съ площадки изъ третьяго жилья, въ крѣпкомъ снѣ на землю слетелъ, а досмерти не ушибся, и ни одного члена не переломилъ? Кто тебѣ тогда зрѣніе даровалъ, когда у тебя глаза такъ болѣли, что ты нѣсколько недѣль свѣта не видалъ, и всѣ тебѣ слѣпому быть обрѣкли? Кто тебѣ умъ и разумъ твой послѣ того возвратилъ, когда ты сперьва въ такой жестокой горячкѣ лѣжалъ, а потомъ въ такой глубокой меланколіи былъ, что всѣ единогласно сказали, будто тебѣ никогда не образумливаться? Кто тебѣ далъ здоровые члены въ толь многихъ болѣзняхъ? Кто тебѣ смыслъ съ разумѣніемъ послѣ того просвѣтилъ, какъ многіе люди съ собою несправясь, напрасно прорекли, будто тебѣ во вѣки дуракомъ оставаться? Хотя далъ тебѣ друзей, а въ одинъ годъ труды рукъ и ума твоего такъ благословилъ, что всѣ знакомые тому удивлялись? Кто тебя почти отъ самаго младенчества за руку взявши, по чужимъ землямъ безпечно и безбѣдно водилъ? Кто въ чужихъ краяхъ поилъ и кормилъ, одѣвалъ и обувалъ, а послѣ того призиралъ, какъ ты во отечествѣ всего движимаго и не движимаго лишившись, не зналъ куды тебѣ голову свою приклонить, и не вѣдалъ, гдѣ тебѣ кусъ хлѣба взять? Какой доброй человѣкъ ту дорогу рукою тебѣ указалъ, въ которую тебѣ надежно и безопасно итти; а потомъ тебя въ изрядной и честной домъ привелъ? Кто тому причиною, что многіе люди не только къ тебѣ добры, но имилостивы были, кто тебя въ нещастій хранилъ, отъ страху берегъ; а ноги твои часто на такіе пути обращалъ, окоторыхъ ты и не думалъ? Кто тебя наказывалъ о невѣдомомъ грѣхѣ, и тѣхъ людей къ милости о тебѣ склонялъ, отъ которыхъ ты о себѣ нималаго сожалѣнія не чаялъ? Кто [напослѣдокъ] по званію труды рукъ твоихъ благословилъ; а по среди гоненія неблагодарныхъ и завистливыхъ людей, веселой нравъ и всемъ довольное сердце тебѣ даровалъ? По истиннѣ! Все сіе было отеческое о тебѣ попеченіе всеблагаго и всещедраго бога, съ очевиднымъ руководствомъ премудрѣйшаго Творца, водящаго человѣка и глаголющаго

ему

ему [у Исаіи въ главѣ 43] не бойся! Яко азъ избавихъ тя, прозвахъ имя твое, мой еси ты. Всеблагій и милосердый боже! Коль любезны стопы благости твоея, на пути смертныхъ человѣкъ. блаженъ внемляй и разумѣваяй сія! Таковы дѣла твоя Господи! Отъ начала свѣта были, нынѣ суть, и таковы же власно до скончанія вѣка будутъ. Какъ ты со отцы нашими творилъ, такъ нынѣ и дѣтей ихъ своею десницею водишъ. Превѣчный и щедротнѣйшій боже нашъ! Кто отъ насъ не уповаетъ на тя? непремѣнный и всемогущій Творче! Кто дерзнетъ помыслить сіе, будто власть твоя нынѣ умалилась? Человѣколюбче Господи! Для чего тебѣ о людѣхъ твоихъ меньше, нежели о безумныхъ тварехъ попеченія имѣть? Милосердый отче, всѣхъ вѣрующихъ во Святѣйшее имя возлюбленнаго сына твоего, Господа и бога нашего Іисуса Христа! За что изсякнуть вѣрности и любви твоей, къ намъ званнымъ дѣтямъ твоимъ? Вѣруемъ Господи! Помози нашему невѣрію. Ты насъ силою твоею укрѣпи; да не сумнимся
Іезекіл: глава 33. сихъ словесехъ клятвы твоея. Живу азъ глаголетъ Адонай Господь; яко хотѣніемъ не хощу смерти грѣшника; но еже обратитися отъ пути неправды своея, и живу быти ему! Даждь же благоутробный отче нашъ! Да благодаримъ тя присно за отчую милость и помощь твою. Даруй намъ крѣпкую вѣру и надежду на сіе непреложное обѣщаніе твое:
Исаій гл: 43. Аще минуеши по водѣ, съ тобою есмь азъ, и рѣки непокрыютъ тебе. Аще сквозь огнь пойдеши, не сожжешися и пламень не опалитъ тебе. Тако сотвори богъ Седраху, Мисаху и Авденаго. Такъ миловалъ всемогущій Господь, дѣтей Израилевыхъ; а сіе писано во утѣшеніе всѣмъ чадомъ божіимъ, на которыхъ власно такія же бѣды и гоненіи были. На что много словъ плодить? богъ всегда, и во всѣхъ обѣщаніяхъ своихъ вѣренъ. Когда къ нему Давидъ посреди печалей своихъ воззвалъ, спаси мя боже, яко внидоша воды до души моей! Углѣбогъ во глубины тимѣнія, и нѣсть постоянія; то милосердый богъ молитву его услышавъ, а свое обѣщаніе вѣрно исполня, сего страждущаго помазанника своего отъ всѣхъ бѣдъ избавилъ. Богомъ спасенный Давидъ слѣдующее благодареніе избавителю своему возсылаетъ. Благослови душе моя Господа! И не забывай всѣхъ воздаяній его. Аще не Господь помоглъ бы ми, въ малѣ вселилася бы во адъ душа моя. Милость твоя Господи помогаше ми. По множеству болѣзней

ней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія твоя возвеселиша душу мою. Сему то попеченію и особливому промыслу божію Аврамъ, Исаакъ, Іяковъ, Моисей, Исусъ Навинъ и другіе угодники божія, олтари всесожженія благодарныхъ жертвъ на премногихъ мѣстахъ построили. Сію то во вѣкъ непобѣдимую вѣрность всесильнаго хранителя всѣхъ любящихъ его, и божественныя заповѣди его соблюдающихъ, напоминаетъ богодухновенный Давидъ, не только сынамъ Израилевымъ, но всѣмъ чадомъ божіимъ во время избавленія ихъ отъ бѣдъ и напастей, слѣдующими словами. Восходятъ до небесъ, и низходятъ до безднъ. Душа ихъ въ злыхъ таяше. Смутишася, подвигошася яко піяни, и вся мудрость ихъ поглощена бысть. Воззваша ко Господу, внегда скорбѣти имъ, и отъ нуждъ ихъ изведе я; повелѣ бури, и ста въ тишину, и умолкоша волны его. И возвеселишася, яко умолкоша, и настави я въ пристанище хотѣнія своего. Да исповѣдятся Господеви о милости его, и да восвѣстятъ чудеса его сыновомъ человѣческимъ. Да вознесутъ его въ церькви людстѣй, и насѣдалищи старецъ да возхвалятъ его. Узрятъ правіи, и возвеселятся, и всяко беззаконіе заградитъ уста своя. Кто премудръ, и сохранитъ сія, и уразумѣетъ милости Господни. Пожары и наводненіи, грабежи отъ разбойниковъ, нападки и обиды отъ сосѣдей, зависть и гоненіе отъ сродниковъ, суть тѣ самыя бѣды и напасти, отъ которыхъ всесильный промыслъ божій, избранныхъ своихъ собственною десницею избавлять обѣщалъ, и дѣйствительно спасаетъ. Аще сквозь огнь пойдеши, азъ буду съ тобою. Симъ разумѣется вся сила темная, огненныя стрѣлы діявола, жаръ и пламень того плотскаго разжиганія, когда чада божія съ невѣріемъ, съ сумнительствомъ, со страхомъ, съ нетерпѣливостью, съ самолюбіемъ, съ отчаяніемъ и со всѣми сатанинскими козньми бороться принуждены. Всесильный богъ, на сію крайнюю нужду и бѣду Христіянскихъ душъ, съ небеси Святаго своего милосердо призирая, всемогущую помощь отъ горняго жилища, и особливую крѣпость отъ Сіона Святаго своего, страждущимъ Христіянамъ человѣколюбно низпосылаетъ. Онъ въ этомъ жестокомъ бореніи нечаянно и не видимо намъ помогаетъ, а божественный промыслъ его отъ истинныхъ Христіянъ то отвращаетъ, дабы этѣ разжденныя стрѣлы лукаваго, душъ нашихъ не повредили; но только бы тѣ путы и сатанинскія узы разрывали, которыми безсмертной духъ связанъ, и отъ истинной свободы чадъ

Псалом 106.

божїихъ отвлеченъ быть можетъ. Мнѣнїе, послѣдованїе худымъ людямъ, и свѣтской обычай съ не осторожностью, все это, дрова, сѣно и такое отрепье, которому по особливой судьбѣ, и по милосердому о насъ промыслу божїю, въ жестокомъ жару искушенїя горѣть надлежало: а когда духъ отъ суетныхъ скверенъ очистится, то бы онъ ко Творцу своему, толь легче возлѣтеть, а потомъ его узнавши, искреннѣе хвалить могъ. богъ желаетъ отъ насъ истиннаго и чистаго сердца. А понеже мы чистительнаго пламени бѣдъ и напастей естественно боимся, то премудрый вседержитель насильно насъ въ сей огонь вгоняетъ. Аще не обратитеся, оружїе свое очиститъ, лукъ свой напряже и уготова, и въ немъ уготова сосуды смертные, стрѣлы своя згараемымъ содѣла. Сїе милосердое намѣренїе Отца небеснаго облегчаетъ нужды и бѣды дѣтей его. Имъ за бога единаго, помощника своего, тѣмъ крѣпче держаться должно, что въ этой огненной пещи разнаго искушенїя, собственною силою, на подобїе Седраха, Мисаха и Авденаго человѣку содержаться не возможно. Скорбь и бѣда сихъ богоугодныхъ отроковъ, радостною пѣснью окончалась. Въ такомъ пожарѣ внутренняго искушенїя, Царь и Пророкъ Давидъ, особливую и сильнѣйшую помощь божїю ощутя, сими словами прославляетъ. Искусилъ ны еси боже, и разжеглъ ны еси, якоже разжигается сребро. Ввелъ ны еси въ сѣть. Положилъ еси скорьби на хребтѣ нашемъ, и возведъ человѣки на главы наша. Произвелъ еси насъ сквозь огнь и воду, и ввелъ ны еси въ покой. Всемогущїй богъ, не постижимыя судьбы его надъ избранными своими не только легчитъ, но и отеческимъ милосердїемъ растворяетъ, по словамъ того же самымъ дѣломъ искусившагося богоотца и Пророка: въ разныхъ псалмѣхъ особливое попеченїе божїе о избранныхъ чадѣхъ его въ томъ заключается, что онъ ко всякому изъ нихъ Ангела хранителя приставилъ. Ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ. На рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою. Весь сей псаломъ о особливомъ самого бога храненїи праведныхъ и добродѣтельныхъ людей пишетъ. Тайнаго и весьма изъ далече идущаго къ себѣ не щастїя, ни одинъ человѣкъ не видитъ, и никто изъ насъ напредь усмотрѣть не можетъ: а хранящїй Израиля никогда не дремлетъ. Этѣ на избранныхъ божїихъ натянутыя стрѣлы дїявольскїя, самъ всемогущїй Господь все-

сильною десницею своею не видимо отвращаетъ. Се боле неправдою зачатъ болѣзнь, и роди беззаконіе. Ровъ изры, ископа, и паде въ яму, юже содѣла. Хотя злоба лукавнующихъ [по видимому] отчасу въ жесточайшую силу приходитъ, но божія премудрость и сила подъ горы и холмы сей ухищренной злобы тайнѣйшіе свои подкопы невидимо подводитъ, и всегда противъ нечестивыхъ вооружаяся, коварными дѣлами рукъ ихъ, ихъ же не постижимо истребляетъ. Злые люди по неволѣ и противу чаянія своего принуждены бываютъ добродѣтельнымъ людямъ пользу приносить: а сами убѣжденныхъ себя находятъ, сердца свои отъ нечистотъ злобы и лукавствѣ ихъ очищая, молитву свою къ богу небесному возсылать. Хотя свирѣпые волны тотъ корабль съ великимъ шумомъ окружали, въ которомъ Спаситель мира со ученики и Апостолы своими былъ; однакожъ его на себѣ нося, къ желанному мѣсту и пристанищу скоро препровождали. Хотя враги Христовы противъ Святой церькви его, многіе вѣки воевали; однако чрезъ то самое гоненіе свое, орудіемъ разпространенія сей невѣсты Спасителя нашего, во языцѣхъ по неволѣ учинились. Злость иногда усилившись, верьхъ беретъ. Она свирѣпымъ своимъ шумомъ на сиротъ, на вдовицъ и на добродѣтельныхъ людей сильно востаетъ: но потомъ въ крайнѣе безпокойство пришедши, такъ злословитъ, будто богъ дѣлъ человѣческихъ не вѣдаетъ, и объ нихъ не печется. Хотя праведные въ такъ зломъ времени сильно гонимы и утѣснены бываютъ, однако вовсе не погибаютъ. Помощь и сила божія не постижимыми способы на избавленіе къ нимъ приходитъ. беззаконный въ собственную сѣть свою упадаетъ, а кроткій и добродѣтельный человѣкъ, особливымъ милосердіемъ божіимъ отъ сего рва не видимо избавляется. Кроткій въ Монархахъ Давидъ, самъ въ сихъ гоненіяхъ бывши, такъ пишетъ. Кто востанетъ ми на дѣлающія беззаконіе? Аще не Господь помоглъ бы ми, въ малѣ вселилася бы во адъ душа моя. По множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ утѣшенія твоя, возвеселиша душу мою. Уловятъ на душу Праведничу, и кровь не повинную осудятъ, и бысть мнѣ Господь въ прибѣжище, и богъ мой въ помощь упованія моего. И воздастъ имъ Господь беззаконіе ихъ, и по лукавству начинанія ихъ, погубитъ я Господь богъ. Всемогущій Творецъ, сію силу

Псалом 93.

свою

свою съ непрерывнымъ попеченіемъ о родѣ нашемъ, не только храненіемъ Ангеловъ явственно кажетъ, но собственною любовію, Отчею милостію, божественнымъ утѣшеніемъ, Святымъ своимъ словомъ, единороднымъ сыномъ и Святымъ духомъ всегда насъ спасаетъ. И то о Христіянѣхъ не малое попеченіе божіе, когда премудрѣйшій Творецъ, малымъ нещастіемъ великую бѣду, отъ избранныхъ своихъ человѣколюбно отвращаетъ. Я будучи въ Амстердамѣ, такой примѣръ сему божію посѣщенію, [о которомъ Еліусъ Іову въ главѣ 33 говоритъ,] надъ старымъ человѣкомъ видѣлъ. Пропитаніе у сего старичка очень было не велико, большой его сынъ въ крайнія невоздержности впалъ, другіе дѣти еще малы, а жена великая пьяница была. Внутреннее искушеніе, невѣріе съ сумнительствомъ, страхъ съ недостаткомъ хотя нужду его и умножали; однако страждующей старикъ, [какъ самъ онъ мнѣ сказывалъ] жесточайшей пламень печали и болѣзни своей теплою молитвою, горестными слезами и глубокимъ отъ всего сердца къ богу воздыханіемъ, обыкновенно утолялъ. Послѣ сего такое облегченіе всей скорьби своей чувствовалъ, которое душу его въ тихость приведши, совершенно успокоивало. Милосердый промыслъ божій о дѣлахъ его, въ томъ на и болѣе открывается, что богъ всесильную помощь свою весьма нечаянно имъ подаетъ. Кто всю жизнь свою мыслію пройдетъ, тотъ ясно увидитъ, что на и большія перемѣны житія его, весьма нечаянно и безъ его старанія здѣлались. Не явноель сіе доказательство всесильной воли, и милосердаго о насъ попеченія бога и Отца небеснаго? Человѣкъ много думая, разныя намѣреніи принимаетъ, только въ дѣлахъ своихъ ни мало успѣху не видитъ. А о чемъ не думаетъ, то скоро и противъ его чаянія, со всякимъ успѣхомъ дѣлается. На кого мы больше надѣемся, отъ тѣхъ то намъ и помочи нѣтъ; а кого боимся, тѣ намъ помогать принуждены. Малые припадки такъ важную перемѣну въ жизни нашей производятъ, которая человѣку и на умъ не приходила. Царь и Пророкъ Давидъ, самъ о себѣ слѣдующими словами сіе засвидѣтельствуетъ. благословенъ Господь! Яко удиви милость свою на мнѣ. Азъ рѣхъ во изступленіи моемъ, отверженъ есмь отъ лица очію твоею. Сего ради услышалъ еси гласъ молитвы моея, внегда возвахъ къ тебѣ. А дабы мы сію божественную правду въ крайнѣй своей нуждѣ вѣчно помнили, и

надежды

надежды своей на бога никогда не оставляли; то благодухновенный Монархъ, сей тридесятои псаломъ свой, такимъ ободренiемъ заключилъ. Мужайтеся, и дакрѣпится сердце ваше, вси уповающiй на Господа. Персидской Царь Дарiй, по язычеству своему вѣдалъ, что Данiилу одною своею естественною силою, голодныхъ львовъ укротить не возможно было, то надъ львиной ровъ пришедши, жалостнымъ и сумнительнымъ голосомъ Святаго Пророка спросилъ. Данiиле! Рабе бога живаго! богъ твой, ему же ты служиши присно, возможетъ ли тя избавити отъ устъ львовыхъ? богомъ спасенный Пророкъ, божественнымъ и веселымъ гласомъ Царю отвѣчалъ. богъ мой посла Ангела своего, и затвори уста львовъ, и не разсыпаша мене. Когда уже богъ духъ сый, такiя чудеса въ тѣлеси живущихъ слугъ и угодниковъ своихъ, при крайнѣй нуждѣ ихъ всесильною рукою своею творитъ; то не дастъ ли той же всемогущей помощи своей, такому печальнаго человѣка духу, которой въ крайнѣй скорьби и бѣдѣ своей, къ нему Творцу и единому богу своему всеусердно прибѣгаетъ? Возложимъ же на сего помощника и покровителя нашего, всю надежду свою, по слову того же Царя и Пророка. По что убо прискорбна еси душе моя? Уповай на бога, яко той есть спасенiе лица моего, и богъ мой.

6.

Сiи самыя искушенiи, которыя самъ богъ преодолѣвать намъ помогаетъ; этѣ огненныя стрѣлы дiяволи, которыя всемогущая власть превѣчной правды, сама погашаетъ; это невѣрiе съ сумнительствомъ, кое всемощнѣйшая сила вышняго своею десницою искореняетъ; сiи огнѣнныя страсти, что роса небесной благодати въ душахъ терпящихъ искушенiе, всесильно утоляетъ; Сiе увѣренiе о усыновленiи божiемъ, сiя бодрость и сила душевная, сiе великодушiе въ печалѣхъ, сiи лучи небеснаго веселiя, сiе воздержанiе и пророческое наказанiе духа Святаго, есть любовь божiя, истинное веселiе, и неизреченная радость сердцу человѣческому. Другъ можетъ друга своего любить, служить ему помощiю и совѣтомъ; а въ нуждахъ его возможными способы помогать, мыслiю и желанiемъ своимъ, всегда съ нимъ быть. Все сiе весьма изрядно, и всякому изъ насъ полезно; только душа въ от-

А наипаче о избранныхъ его,

отдаленіи находящагося друга, ничего изъ сихъ обстоятельствъ не чувствуетъ; а божія любовь есть вездѣ сущая, и повсюды разливающаяся сила изъ сего живоноснаго источника произходящія рѣки благодати и милости божія, въ самое сердце человѣку втекая, наполняютъ онсе божественнымъ утѣшеніемъ. Вкусите и видите, яко благъ Господь. Когда Іезекія Царь Іудинъ, спокойства желалъ, то приводилъ себѣ въ память, многократно бывшую надъ нимъ милость божію и страхъ той погибѣли, отъ которой милосердіе божіе оставленіемъ грѣховъ сего Царя человѣколюбно избавляло. Сіе набожное размышленіе производитъ въ человѣкѣ то радостнѣйшее признаніе, о которомъ Пророкъ Исаія въ 78 главѣ книги своей, такъ пишетъ. Господи! Отай бо совѣстися тебѣ, и воздвиглъ еси дыханіе мое, и утѣшився ожихъ. Воздвиглъ бо еси духъ мой, да не погибнетъ, и завергл еси за тя вся грѣхи моя. Здѣсь видимъ безсмертные стопы, превѣчной любви Отца небеснаго. Онъ намъ чрезъ Пророка своего Іеремію [въ главѣ 30,] такое непреложное обѣщаніе учинилъ. Любовію вѣчною возлюбилъ тя; а нынѣ на всякъ день, самыми дѣлы своими исполненіе сего обѣщанія отечески засвидѣтельствуетъ. Богъ насъ прежде сложенія мира возлюбилъ, и въ бесконечныя времена послѣдующихъ вѣковъ любить будетъ. Какъ богу насъ чрезъ краткое время жизни нашей въ свѣтѣ не любить, когда онъ человѣка къ любленію себя и къ единой службѣ своей, съ дѣлы благими нарочно создалъ? Толькожъ вся сила въ томъ, какъ разумное созданіе [человѣкъ] Творца своего возлюбитъ, и тою мѣрою Святую любовь его къ себѣ привлечетъ. Господь и Спаситель нашъ глаголетъ. Аще кто любитъ мя, слово свое соблюдетъ, а Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ. Однако сія Святая любовь ни мало тому не мѣшаетъ, что бы чада божія временныхъ бѣдъ и печалей на свѣтѣ не имѣли. Котораго сына отецъ любитъ, того и наказуетъ. Давидъ Святый по приличности къ сему пишетъ. Яко же щедритъ отецъ сыны, тако ущедри Господь боящихся его. Для чего Царь и Пророкъ сего не говоритъ; яко матерь чады, но яко же ущедряетъ отецъ сыны своя? Для того что матерня любовь къ дѣтямъ слѣпа и безъ разсудна. Отецъ дѣтей своихъ нѣжитъ, и всякими способы потворовать никогда не

не станетъ. Но богъ суету нашу видя, лутче вѣдаетъ, что людямъ полезно и надобно. Ему Творцу нашему извѣстно, что мысли съ намѣреніями всякаго человѣка отъ юности его, ко всякому злу клонятся. А дабы ему за непокоривость и жестокосердіе наше вовсе насъ не погубить, то милосердый богъ правосудное наказаніе свое милостію и любовію разтворяетъ. Всемогущій Создатель непрестанно помнитъ, что всѣ мы прахъ и такой пепелъ, которой вѣтромъ праведнаго гнѣва его возвѣянъ быть долженъ, и всечасно разсыпанъ быть можетъ, ежелибъ превѣчная милость и любовь его насъ не сохраняла. Человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ сельный, тако оцвѣтетъ, яко духъ пройдетъ въ немъ и не будетъ, и не познаетъ къ тому мѣста своего. Милость же Господня отъ вѣка и до вѣкъ на боящихся его, и напомнящихъ творити заповѣди его. Въ томъ вся сила, дабы мы прелюбезнаго Отца своего на небесѣхъ сыновски боясь, всею душею, всѣмъ сердцемъ и всемъ помышленіемъ нашимъ преискренно любили, ежели участниками божественной любви его быть желаемъ. Отъ всеправедной стороны божіей, ни малаго въ томъ препятствія, ни помѣшательства нѣтъ, и во вѣки не будетъ. Онъ во всѣхъ своихъ обѣщаніяхъ отъ вѣка вѣренъ былъ, есть, и во вѣки вѣренъ пребудетъ. Богъ въ самомъ дѣлѣ кажетъ, что отча и небесная любовь его къ намъ несравненно больше, и непостижимою мѣрою сильнѣе той любви, которую плотскіе родители къ дѣтямъ своимъ имѣть могутъ. Аще забудетъ матерь плачущее отроча свое, и аще не помилуетъ доящая рожденія чрева своего, ноазъ незабуду тебе глаголетъ Господь Вседержитель. Во вѣки живо и всесильно слово твое боже нашъ! Рука Господня есть оная власть его, чрезъ которую Всемогущій великое и чудное дѣло спасенія нашего самъ исполнилъ. Сія власть и сила божія, есть предвѣчный и единородный сынъ слово его, котораго богъ Отецъ на спасеніе рода человѣча, прежде сложенія мира опредѣлилъ, а на конецъ вѣковъ святѣйшимъ воплощеніемъ отъ пренепорочныя дѣвы Маріи, въ миръ послалъ. Сей свѣтъ присносущныя славы, и бесмертный образъ не видимаго и непостижимаго существа божія, раждается отъ пречистыя дѣвы, и пріемлетъ на ся плоть нашу съ немощми ея. Образомъ убо обрѣтеся яко же человѣкъ. Смирилъ себе, послушливъ бывъ

даже до смерти, смерти же крестныя. На семъ Святомъ древѣ распростертыми руками собралъ Христосъ сынъ божій погибшихъ овецъ, для примиренія богу и Отцу своему, собственно святѣйшею своею кровію. Какъ было сыну божію любовь свою къ намъ лутче того показать, кромѣ отверженія и утаенія превѣчной своей славы, а послѣ того страданіемъ и смертію своею? О сей неизреченной и божественной любви увѣряетъ насъ Спаситель нашъ Святымъ своимъ словомъ. Яко же возлюби мя Отецъ, и азъ возлюбихъ вы. Сіе Святое слово объявлено на утѣшеніе всѣмъ скорьбящимъ и бѣдами отягощеннымъ, дабы они отнюдь не думали, будто богъ ихъ забылъ. Настоящая жизнь наша, есть время опыта, или искуса. Когда уже богъ родъ человѣческой въ то время любилъ, какъ мы враги ему были, то коль болѣе насъ во время сего искуса возлюбитъ, когда мы ему крестомъ сына его примирились? Сіе весьма утѣшительное слово Апостола и Евангелиста Святаго Іоанна богослова. О семъ явися любы божія въ насъ; яко сына своего единороднаго посла богъ въ миръ, да живы будемъ имъ. Съ небеси на землю сошедый превѣчный сынъ божій, представилъ себя престоломъ благодати, для всѣхъ грѣшниковъ свѣтомъ разума, для всѣхъ лишенныхъ ума, путемъ къ небеси, ради всѣхъ заблуждающихъ, превѣчною истинною всѣмъ не праведнымъ, а небеснымъ свѣтомъ, вѣчно безсмертною жизнію и воскресеніемъ, для всѣхъ умирающихъ. Когда онъ милость и любовь свою на насъ изливая, яко же Кокошъ птенцы подъ крылѣ свои человѣколюбно собираетъ. Когда Святыя руцѣ и нозѣ свои на гвоздинныя язвы ради того предаетъ, дабы Святою и примирительною кровію своею, святѣйшее имя свое на чадѣхъ божіихъ, въ вѣчную память безсмертнаго усыновленія ихъ, пріипостасному богу духомъ своимъ написать: то какъ уже Христіанамъ о промыслѣ и попеченіи бога нашего обо всемъ родѣ человѣческомъ сумнѣваться? Сею не сумненною надеждою ободрясь, должны мы веселымъ и радостнымъ сердцемъ къ небесному Отцу своему приступая, со Апостоломъ Павломъ возвать. Аще убо богъ сына своего не пощадѣ, но за ны предалъ есть его, како убо не съ нимъ и вся намъ дарствуетъ? Изъ сего видна непреложная во вѣкъ истинна слова божія; азъ же не забуду тебе, глаголетъ Господь. Сія вѣчная правда доводлеваетъ намъ отъ любви божіей всякихъ щедротъ

не сумнѣнно уповать. Ежели человѣкъ сей небесной благодати вкуситъ, то вся горесть земныхъ бѣдъ и печалей исчезнувъ, въ семъ морѣ сладости и любве божія, такъ уничтожится, что всякой Христіянинъ съ тѣмъ же Святымъ языковъ учителемъ, радостно къ богу воззоветъ. Кто ны разлучитъ отъ любве божія? Скорбь ли, или тѣснота, гоненіе, или гладъ, нагота, или бѣда, или мечь? Но о сихъ всѣхъ препобѣждаемъ за возлюбльшаго ны. Извѣстихбося яко ни смерть, ни животъ, ни Ангели, ни начала, ни силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни инакая тварь возможетъ насъ разлучити отъ любве божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

7.

Сіе то есть собственное право чадъ божіихъ, къ небесному Отцу своему со благоговеніемъ и со Святымъ страхомъ. Отъ сего права и преимущества нашего произходитъ богобоязливость въ приближающихся ко Господу. А кто любовію его согрѣться, и въ движеніе притти не можетъ, тѣ люди отъ сего изобилія любве божія, никакого участія получить не въ состояніи. беззаконнымъ сей дражайшей и духовной участокъ потому не надобенъ, что они мира божія въ себѣ не имѣютъ. Вы любезные Христіянѣ благосклонно мнѣ сіе оставите, а читатели на меня за то не прогнѣваются, что я дерзновеніе приму между словами Святыхъ Апостолъ и богодухновенныхъ Пророковъ, не многія слова разумнаго язычника сюда вмѣстить. Я всегда спокоемъ. [Пишетъ Эпиктетъ.] Меня ни что не тѣснитъ и не принуждаетъ, для чего? Для того что я желаніи свои благоволенію бога моего покорилъ. Ежели ему угодно, что бы я болѣнъ былъ, то и я болѣзни себѣ желаю. Что онъ изволитъ, то и я хочу. Буде богу угодно, чтобъ желаніе мое исполнилось, и я тѣмъ доволенъ, а буде онъ не изволитъ, и я не желаю. Ежели Господу богу смерть моя угодна, то я и умереть готовъ. Что же мнѣ скучно, препятственно быть можетъ? Ежели въ путь шествующей осторожной человѣкъ услышитъ, что на той дорогѣ страшно, по которой ему ѣхать, то онъ въ этотъ опасной путь одинъ не отважится, да станетъ того ждать, чтобъ ему при Послѣ, при Генералѣ, съ гражданскимъ начальникомъ,

Любовь божія.

 или

или съ другою знатною особою безопасно проѣхать. Такъ должно поступать мудрому человѣку въ свѣтѣ подлинно вѣдая, что на семъ театрѣ много разбойниковъ, тирановъ, убожества и разныхъ родовъ бѣдности. Куды же мнѣ дѣваться? Къ кому пристать, и съ кѣмъ безопаснѣе проѣхать? Съ Генераломъ, или съ Губернаторомъ? Самаго его не только ограбить, но и убить могутъ; а въ тѣ поры что уже мнѣ дѣлать будетъ, какъ въ одной со мною дорогѣ ѣдущей товарищъ, злодѣйски меня ограбитъ? Тогда стану Цесаря просить. Кто мнѣ что здѣлаетъ? Ежели сей великій Монархъ милости и обороны своей меня удостоитъ? Но какъ много надобно мнѣ будетъ до тѣхъ поръ терпѣть, пока я къ Императору допущенъ буду? А можетъ статься, что меня до того времени нѣсколько разъ и ограбятъ. Что моей бѣдной головѣ дѣлать, и куда будетъ въ такомъ горестномъ случаѣ дѣваться, ежели смерти подлежащей Цесарь тѣмъ временемъ умретъ? А хотя и не скончается, да сильной соперникъ мой происками своими, меня въ немилость у Императора приведетъ; въ которой край свѣта мнѣ тогда бѣжать? да не сыщутъ ли меня тамъ звѣри, змѣи и болѣзни? развѣ уже ни гдѣ такъ добраго спутника и товарища нѣтъ, которой бы вѣренъ, постояненъ и не лукавъ былъ? Премудрой человѣкъ такъ думаетъ. Я себя единому богу вручу, и все мое упованіе на него возложивши, съ нимъ создателемъ моимъ безопаснѣе всѣхъ пройду. Чтожъ это значитъ богу себя вручить? Симъ словомъ разумѣется, дабы человѣкъ то единое желалъ, что богу угодно, а тогобъ никогда не требовалъ, что создателю это противно. Исусъ Сираховъ самую

Глава 34. истинну написалъ. Духъ боящихся Господа, живъ будетъ. Надежда бо ихъ на спасающаго я. Боящися Господа ни чимъ же постыдится и не устрашится, той бо надежда ему. Боящемуся Господа блаженна есть душа. Чимъ ся одержитъ, и кто ему бысть утвержденіе? Очи Господни на боящіяся его, защищеніе силы и утвержденіе крѣпости, Покровъ отъ препяканія и помощь отъ паденія. Воздвизаяй душу и просвѣщаяй очи, даяй очищеніе животъ и благословеніе.

8.

Отвѣтъ на предложеніе о благополучіи злыхъ.

Между симъ находятся такіе люди, которые противъ сей вѣчной правды споря, и временное благополучіе беззаконныхъ вопреки

преки сему представляя, такой вопросъ задаютъ. Для чего [де] нечестивыя живутъ въ благополучіи. Достигаютъ глубокой старости, преуспѣваютъ въ богатствѣ, домы ихъ всякимъ изобиліемъ преисполнены, страха ни откуды не имѣютъ, все по ихъ желанію дѣлается, и для того бога забывши вовсе не признаваютъ? Сей сумнительство наводящей вопросъ, столь большаго изъясненія требуетъ, когда уже и Святые мужи о сей камень запинались. Іовъ съ Елифасомъ темной о семъ дѣлѣ разговоръ имѣлъ. Царь Асавъ признавается, что это же дѣло ему камень претыканія и соблазна было. Царь и Пророкъ Давидъ пишетъ. Мнѣ же въ малѣ неподвизастеся нозѣ, егда видѣхъ изобиліе грѣшниковъ, донде же внидохъ во святилище божіе, и видѣхъ кончину ихъ. Хотя богодухновенный Монархъ, о камень сего претыканія и запнулся, однакожъ не упалъ; но во святилищи божій неизбежному концу нечестивыхъ совершенное изъясненіе нашелъ. Пойдемъ же и мы за симъ Святымъ Царемъ во святилище божіе, то есть: разсмотримъ благополучіе нечестивыхъ. 1. По любви божіей. 2. По святыни Господни. 3. По вѣчной правдѣ. 4. По правосудію божію. 5. По премудрости его, а напослѣдокъ о бещастномъ концѣ ихъ разсудимъ. Сіе учиня, конечно того не скажемъ, будто нечестивой щастливъ, а беззаконникъ благополученъ. 1. Любовь божія нечестиваго хранитъ, а солнце Господне сіяетъ на благія и злыя равно. Долготерпѣніе создателя удерживаетъ фіялы гнѣва его. благоутробный Творецъ даруетъ имъ жизнь а они ему покою не даютъ. богъ имъ долго терпитъ; а мы на нихъ и смотрѣть не можемъ. 2. Святынѣ божіей всякое нечестіе мерзко. Небесная мудрость въ злую душу не вселяется; а въ такомъ тѣлѣ никогда не живетъ, которое грѣхамъ подвержено. 3. Лутче ты сожалей о щастіи беззаконныхъ, нежели завидуй благополучію ихъ. Они богатѣе, славнѣе, честнѣе, роскошнѣе и во всѣмъ щастливѣе меня. Почему? развѣ они добродѣтельныхъ людей честію, скромностію, воздержаніемъ и богобоязностію превосходятъ? Ни какъ! Да чѣмъ же лутче ихъ? богатствомъ, силою, изобиліемъ, роскошьми и забавами. Развѣ этѣ вещи лутче правды, выше добродѣтели, превосходнѣе человѣколюбія, или лутче терпѣнія? Тебѣ это сказать стыдно будетъ. Для чегожъ ты нечестивыхъ по такимъ вещамъ щастливыми признаваешъ, которую самъ ты за крайнюю суету и за ложное имѣніе праведно почиталъ? Развѣ думаешъ, будто

то провидѣніе божіе въ томъ погрѣшило, что злымъ людямъ лутчее даровало? Дѣтямъ сего свѣта то принадлежитъ, что имъ равно и подобно. Суетнымъ людямъ суеты и тлѣнныя вещи всегда надобны, а кроткимъ и добродѣтельнымъ дары душевные и небесныя сокровища свойственны, то есть: благодать божія, миръ душевный и вѣчное блаженство имъ принадлежитъ. Войди далѣе во святилище божіе, и разсмотри видимое благополучіе злыхъ. По превѣчной правдѣ божіей вспомни то, что о прелѣсти мечтанія сказано. Не забудь ложнаго мнѣнія о благихъ свѣта сего прелѣстной видъ на себѣ имѣющихъ. Разсуждай по основаніямъ правды. Увидишъ, что вся слава злыхъ отнюдь не тля, и весьма не такова, какъ ты объ ней думаешъ. Того стяжанія истиннымъ добромъ назвать не можно, которое человѣка въ лутчее состояніе не приводитъ; а вопреки сему то не подлинное зло, отъ котораго человѣкъ лутчимъ и слѣдственно благополучнѣйшимъ бываетъ. Потому увидишъ, что сіе не благополучіе, но великое нещастіе злымъ, что они такъ называемаго щастія своего во внѣшнихъ и въ такихъ тлѣнныхъ вещахъ ищутъ, которыя не въ человѣческой власти, да притомъ еще тлѣнны и маловременны. Злые люди въ самой срединѣ безумства своего, о суетномъ изобиліи и неправедно собранномъ богатствѣ своемъ, такими словами раскаиваются. Какъ щастливъ тотъ человѣкъ, которой малымъ довольствуючись сего излишества не требуетъ, но безъ всѣхъ этѣхъ суетъ и безпокойствъ пробавиться можетъ! Ежели сердечныя очи разума ихъ подлинно отворятся, то они для облегченія отъ этой суеты въ тихое мѣсто удаляются. Ктожъ подлинно щастливъ? Тотъ, кто дѣла свои по правдѣ, и по доброй совѣсти исправляетъ. Нѣкто спросилъ, въ чѣмъ благополучіе великихъ состоитъ? Въ томъ [отвѣчали ему,] что Вельможи болше другихъ людей власти и силы къ тому имѣютъ, что бы роду человѣчу добро дѣлать. Царствующій Пророкъ Давидъ въ самомъ искусствѣ усмотрѣвши, весьма премудро различаетъ праведное имѣніе добродѣтельныхъ людей отъ великаго и неправеднаго богатства злыхъ слѣдующими словами. Лутче малое праведнику, паче богатства грѣшныхъ многа. Въ другомъ мѣстѣ пишетъ. Господи! Отъ малыхъ, отъ земли раздѣли я въ животѣ ихъ. Насытишася, и сновъ своихъ, и оставиша останки младенцемъ своимъ; азъ же правдою явлюся

лицу твоему. Насыщуся, внегда явитимися славѣ твоей. Примѣтитѣ бласклонный читатель, вѣ сихѣ Святыхѣ богодухновеннаго Пророка словахѣ пятеричное различіе. 1. Кѣ земли прильнувшіе злые люди имѣютѣ по внѣшнему виду участіе свое вѣ тлѣніи; а сѣ богомѣ соединившіяся, добродѣтельныя души, смотрятѣ не тлѣнныхѣ и вѣчныхѣ благѣ. 2. Злые имѣютѣ [по наружнему виду] веселую жизнь; а вѣ недостаткахѣ и вѣ печалѣхѣ живущіе добродѣтельные люди чувствуютѣ внутрь себя всегдашнее утѣшеніе присудствія благодати и лица божія вѣ душѣ своей. 3 Удовольствіе злыхѣ вѣ ежедневномѣ пресыщеніи желудка; а добродѣтельные полагаютѣ свое удовольствіе вѣ совершенномѣ удовольствіи души. 4. Удовольствіе злыхѣ печалію растворенная забава, а спокойство добродѣтельныхѣ всегда веселой и доброй духѣ правды. 5. Желаніе злыхѣ насыщаться богатствомѣ и различнымѣ имѣніемѣ: а добродѣтельныхѣ желаніе довольствуется веселіемѣ надежды вѣчнаго блаженства, новаго рожденія и обновленнаго вѣ нихѣ образа божія. По сему можешѣ самѣ разсудить, кому лутчая часть достанется? Кѣ сему еще то прибавь, что богоотецѣ и Пророкѣ Давидѣ, о цѣлой ихѣ славѣ и обо всемѣ концѣ говоритѣ. Обаче за льщенія ихѣ, положилѣ еси имѣ злая. Низложилѣ еси я, внегда разгордѣтися имѣ. По сему все имѣніе ихѣ такой гладкой синецѣ, или чистой ледѣ, на которомѣ они не только поскользнувшись упадаютѣ, но и со всемѣ проломившись очень часто тонутѣ. Ежелибѣ злые люди чрезѣ временное благополучіе внутреннее спокойство имѣть могли, то бы ихѣ на нѣкоторое время щастливыми назвать можно было. Но понеже я до сѣхѣ порѣ ни одного такова злаго не нашелѣ, которому бы роскошь и забава его нечаянной и скорой притчины кѣ скукѣ и ко внутренней печали не подавала; того ради весьма не праведно мы дѣлаемѣ, что о сихѣ людяхѣ по внѣшнему виду разсуждаемѣ. Они вѣ себѣ не такѣ спокойны, какѣ намѣ кажется. Поди за ними во внутренніе ихѣ покои. Войди вѣ сердце и вѣ душу ихѣ. Разсмотри совѣсть ихѣ. Тебѣ стыдно будетѣ, что ты сихѣ бѣдныхѣ людей щастливыми называлѣ. Нечестивый во всю жизнь свою трепещетѣ и трясется. День теменѣ [по слову Іовлю] устрашитѣ его бѣда же и скорбь обыметѣ его. Самое искусство [практика] тебѣ покажетѣ, что злые люди, ни мира, ни спокой-

спокойства не имѣютъ. Хотя они въ себѣ естественно чувствуютъ различїе добра и зла съ природною склонностїю къ страху божїю; однако всегда того смотрятъ, какъ бы имъ сїю доброй природы склонность въ себѣ искоренить. Во всю жизнь свою ревностное о томъ старанїе прилагаютъ, чтобъ иногда ужаснѣйшими злостьми, а иногда не воздержнѣйшими роскошами и страстьми сїю благую склонность въ себѣ погасить. Только непремѣнное состоянїе вещей безпрестанно въ лицо имъ бросается, и всѣ ихъ труды сильнымъ безпокойствомъ ежечасно наполняетъ. Узналъ ли ты теперь благополучїе и спокойство тaихъ людей, которые противъ сильнѣйшей быстроты разумной природы напрасно текутъ? Или думаешъ, будто у того человѣка изъ сердца, да изъ языка безпрестанно кровь не течетъ, которой по бритвовному вострѣю языкомъ лижетъ; то есть: противу рожна праетъ? Они стараются внутреннее свое безпокойство и скуку во внѣшней, и притворной забавѣ какъ можно утопить. Иные запасомъ своимъ такъ не довольны, что ничѣмъ ненасытное желанїе ихъ всего того жаднѣйше алчетъ, что ко мнимому содержанїю ихъ надобно. Другїе на гору чести всходятъ, третїе ползутъ; четвертые бѣгутъ, пятые на дорогѣ упадаютъ, а шестые всегда на лѣсницу идутъ, только ни одиножды не отдохнутъ. Но при всемъ томъ въ намѣренїяхъ своихъ никогда успѣху не видятъ. Ежели одно получатъ, то другова у нихъ нѣтъ. Сего то ради не процвѣтутъ [по слову праведнаго Iова] благая его, и егда уже мнитъ исполнь себѣ быти, тогда оскорбляется. Всяка бѣда придетъ нань, аще исполнитъ чрево свое, напуститъ нань вышнїи гнѣвъ свой, и не уцѣлѣетъ. Ярость гнѣва божїя убудитъ его на болѣзнь. Всяка же тьма нань пребуди, и да поястъ его огнь неразженный. Поди за сими щастливыми въ человѣческое собранїе, и умилосердись по смотря на ихъ несказанное властолюбїе. Погляди какимъ гордымъ и лукавымъ окомъ они на противляющихся себѣ добрыхъ и честныхъ людей, изъ подлобья взираютъ? Какое къ привлеченїю сихъ праведныхъ и неповинныхъ душъ, въ сѣти своя ухищренное старанїе прилагаютъ? Какъ на тебя напрягаютъ лукъ свой, ежели ты имъ не послѣдуешъ, какъ стрѣлу погибѣли на него налагаютъ, когда имъ попротивишися? Какою силою основанїе всей набожности и добродѣтели за то опровергнуть хотятъ, что она имъ не покаряется, и противъ злой воли ихъ идетъ?

идетъ? Загляни хотя на часъ въ сердцѣ ихъ, тутъ найдешь столько злыхъ духовъ, сколько дней въ году. Давидъ Святый пишетъ. Одождитъ на ня сѣти, огнь и жупелъ. Какъ сходствуетъ очевидное искусство, или ежедневная практика съ сими пророческими словами! Углїе огненное, суть жестокїя и свирѣпыя страсти ихъ возгарающейся отъ того, жупелъ, [горючая сѣра] есть жажда властолюбїя ихъ, со всѣми роскошьми и съ происходящимъ отъ нихъ сердечнымъ страхомъ. Сей душевредной паръ обращается напослѣдокъ въ громовыя облака и въ такой вихорь, которой ихъ непрестаннымъ безпокойствомъ власно какъ пьяныхъ кругомъ вертитъ. Боже сохрани всякаго Христїянина отъ такъ страшнаго благополучїя. 4. Поступя еще далѣе во святилище Божїе, разсмотримъ такихъ злыхъ, которыхъ свѣтъ сей щасливыми называетъ. Сїе учинимъ по строгой правдѣ, по благости и по премудрости Божїей. Вся ихъ компанїя на три части раздѣлена. Въ первомъ раздѣлѣ такїе отборные плуты, всесвѣтные мучители, разбойники и душегубцы, какъ Неронъ, Ферей, Агатоклъ, Бортїасъ и Картушъ. О ихъ благополучїи потому никто не сумнѣвается, что они по маловременномъ бѣшенствѣ на свѣтѣ, отъ народа выгнаны или убиты, ядомъ уморены, четвертованы и разными смертьми истреблены. Великаго примѣчанїя достойное дѣло, что сихъ злыхъ сосудовъ на свѣтѣ очень мало. Они такое свойство въ себѣ имѣютъ, которое ихъ до того не допускаетъ, чтобъ живущихъ на земли долго вредить. Они съ такъ злою и ядовитою натурою родятся, которая ихъ скоро съ свѣта згоняетъ. Этѣ злые люди и расплываются въ собственной своей злобѣ наподобїе яду, ползающей жабы скорпїона и другой вредительной гадины, изъ которыя пущенной ядъ земля немедлѣнно поглощаетъ. Этѣ же скверные гады отъ безмѣрной власти своей, въ первомъ пламени бѣшенства ихъ згорѣвши, немедлѣнно изщезаютъ. Другой классъ злыхъ многолюднѣе перваго. Въ немъ люди смѣшанныхъ нравовъ. Хотя доброе, отъ находящагося въ нихъ злова, и побѣждается; однако часть добра еще въ нихъ есть. Въ одномъ природное сожалѣнїе о бѣдныхъ и страждущихъ, въ другомъ податливость и снизхожденїе, въ третьемъ порядокъ и домостроительство, въ четвертомъ прїязнь и обходительство, пятой любитъ трезвость и художества, шестой склоненъ

къ

къ правосудію, въ седьмомъ военные таланты, и такъ далѣе. Хотя все сіе доброе въ нихъ вѣчнаго блаженства и недостойно; однако всеблагій и всеправеднѣйшій богъ ни малѣйшаго добра безъ воздаянія не оставляетъ. Сего ради всѣ эти различнаго нрава и состоянія люди, благая своя въ животѣ ихъ для того получаютъ, дабы напослѣдокъ ни чѣмъ уже извиниться и оправдать себя не могли. Для сихъ то причинъ многіе добродѣтельные язычники въ животѣ своемъ, временными благими одарены. Богъ Римляномъ Царства небеснаго за тѣмъ не далъ, что они идолопоклонствомъ ослѣпли; а власть почти надъ цѣлою вселенною за то имъ даровалъ, что добродѣтельнѣе и великодушнѣе ихъ ни одного народа во всемъ свѣтѣ не было. Когда ты не только въ исторіяхъ, да въ самомъ Святомъ писаніи находишъ, что всемогущій богъ природные таланты или дарованіи злыхъ людей непостижимою глубиною мудрости своей, на пользу всему роду человѣчу весьма часто употребляетъ; то для чего премудрость божію за то порицаешъ, будто она ихъ во временномъ благополучіи всегда оставляетъ? развѣ того не вѣдаешъ, что благость божія злыхъ людей на покаяніе ведетъ? Или ты пьяницѣ, да роскошному для того завидуешъ, что мотовствомъ ихъ многіе бѣдные люди живутъ? О благоденствіи нѣкоторыхъ злыхъ людей до тѣхъ поръ не ропщи, пока неиспытанныя намѣреніи и тайнѣйшія судьбы божія отъ глазъ твоихъ скрыты. Верьховный во Пророцѣхъ Моисей написалъ. Всемогущій богъ Амморѣевъ, Ферезѣевъ, Евусѣевъ и другихъ беззаконнѣйшихъ въ палѣстинѣ народовъ изъ обѣтованныя земли для того не скоро выгналъ, и со всемъ не искоренилъ, что еще мѣра грѣховъ ихъ въ то время несовершенно полна была. Гордому и злому Царю Фараону для того надлежало долго живу быть, дабы ему вѣчнымъ примѣромъ быть благости и гнѣва, правосудія и любви божія, во всемъ родѣ человѣческомъ остаться. Послушай, что великій Моисей сему гордому Царю именемъ божіимъ въ глаза говоритъ. Нынѣ убо пущу руку мою на тя, и побію тя. Люди твоя изморю моромъ, и потребишися отъ земли. Сего бо ради пощадеся доселѣ, да покажу тобою крѣпость мою, и да проповѣстся имя мое по всей земли. Такъ точно и внѣшнимъ благоденствіемъ тѣхъ злыхъ людей; правда обѣтованей божіихъ исполниться и подтверждена быть долженствуетъ, которые обѣты вышняго [можетъ статься] дѣду, прадѣду, или дру-

тому предку сихъ злыхъ людей учинены были. Всеправедный богъ непреложное слово и обѣщаніе свое вѣрно содержитъ, и никому ни чѣмъ долженъ не остается. Для сей причины много такихъ злыхъ людей на свѣтѣ, которые за добродѣтели родителей и предковъ своихъ въ благоденствіи живутъ, а кто до тысячи родовъ человѣческихъ обстоятельствъ не знаетъ, тотъ заранѣе отъ сего отставай, чтобъ ему на видимое благополучіе злыхъ людей смотря, отнюдь не соблажняться и оному не завидовать. Въ третьемъ классѣ по большей части притворные, то есть лицемѣрные, злые. Этѣ лукавцы епанчою добродѣтелей для того одѣваются, что бы имъ сею харею часть временнаго щастія къ себѣ притянуть. Но понеже сіе всегда у нихъ въ памяти, что имъ суда и мщенія божія не миновать, то симъ страшнымъ напоминаніемъ природной изъ злости крѣпкой муштукъ налагается. Они въ этомъ мѣстѣ до тѣхъ поръ стоятъ, пока къ полученію желанія ихъ, основательная надежда есть. Ежели между тѣмъ всякими происки честь, чины, или богатство получатъ, то сіе внѣшнее щастіе новую неволю на злость ихъ возлагаетъ; а они злость свою до тѣхъ поръ на свѣтъ выпускать не хотятъ, пока всего желаемаго не получатъ. Но понеже сего никогда не бываетъ, то надлежитъ удивлятися благости, правосудію и непостижимой премудрости всемогущаго Творца въ томъ, что онъ и единой видъ добраго, мнимыми и ложной видъ на себѣ имѣющими благими, справедливо награждаетъ, а ядовитую злость не праведныхъ сердецъ человѣческихъ внѣшнимъ замедлѣніемъ по неволѣ обуздоваетъ. По сему добро и зло къ содержанію цѣлаго свѣта безъ раздѣла смѣшано. А понеже окамененные беззаконники на пути своемъ къ щастію только сто человѣкъ повредятъ; то божія премудрость временнымъ благоденствіемъ отъ того ихъ удерживаетъ, дабы они въ такомъ случаѣ многихъ тысячь людей не погубили, ежелибъ въ отчаяніе пришедши всенародными разбойниками здѣлались. Всевидящее око божіе на всякое дѣло со всѣми слѣдствы его, то есть съ минувшимъ и съ будущимъ; вообще смотритъ а мы изо всякаго дѣла по малѣйшей частицѣ выбравши, полуслѣпыми глазами на нѣе такъ власно, какъ на одну крошку отъ цѣлого хлѣба, очень худо смотримъ. Для того должно намъ подлинно вѣрить, что самъ Творецъ и вседержитель свѣтъ сей хранитъ

E и не

и не постижимо содержитъ. Хотя иной добродѣтельной человѣкъ, [по нашему суетному мнѣнію] много бѣдъ и не щастія терпитъ, но праведнѣйшій богъ лутче насъ вѣдаетъ, что творитъ. Легко можетъ статься, что сей терпящей добродѣтельной хотя въ невѣдѣніи, однако за старые грѣхи предковъ своихъ страждетъ. Только въ этомъ приговорѣ и опредѣленіи суда божія, ни малѣйшей не справедливости, ниже гнѣва нѣтъ. Для сего то праведный Іовъ въ вѣчное намъ наставленіе написалъ, дабы мы о видимыхъ добродѣтельнымъ людямъ горькихъ случаяхъ отнюдь не печалились. Въ сихъ бѣдахъ такія обстоятельства скрыты, которыхъ ни умъ человѣческой понять, ни языкъ изрѣщи не можетъ. Предаде мя Господь въ руки не праведныхъ, и емше мя за власы, оборваша. Такъ утѣшается праведный сей мужъ о будущемъ исправленіи своемъ. Веселится доброю совѣстію, а больше величественною силою и всемогущею властію бога своего. Ободряется благодарнымъ напоминаніемъ полученныхъ отъ руки Господня благихъ. Радуется о томъ, что болѣзнь его съ бѣдами ежедневно минуетъ, а кончина отчасу приближается. Въ сихъ богомысленныхъ разсужденіяхъ седьмую надесять главу книги своей, такимъ ободреніемъ начинаетъ. Тлѣю духомъ носимъ. Прошу же гроба, и не улучаю. Молю болѣзнуя, и что сотворю, украдоша ми имѣніе чуждіи. Кто есть сей? рукою моею связанъ будетъ. Яко сердце ихъ сокрылъ еси отъ мудрости. Сего ради части возвѣститъ злоба, очи же на сынѣхъ истаяста. Положилъ же мя еси въ притчу во языцѣхъ, смѣхъ же быхъ имъ. Ослѣпостѣ бо отъ гнѣва очи мои, и повоеванъ былъ вельми отъ всѣхъ. Чудо объя истинныхъ о семъ. Праведникъ же на беззаконника да востанетъ. Да содержитъ же вѣрный путь свой, чистый же рукама да пріиметъ дерзость. Какъ изъ сей, такъ еще изъ восьмой надесять главы Іовлей книги, видно что печаль съ бѣдами въ добродѣтельныхъ людяхъ веселіе съ бодростію, и такое великодушіе причиняетъ, что они всю болѣзнь и печаль свою забывши, поспѣшествованіемъ добраго къ разпространенію правды, въ родѣ человѣческомъ усердно приготовляются; а ложъ и суету такъ возненавидятъ, что къ обявленію оныя всею возможностію помогаютъ. Симъ способомъ сами въ добромъ утверждаются, а другимъ людямъ въ примѣръ терпѣнія и утѣхи быть должны. Отчасти заслуженымъ наказа-

ніемъ

нïемъ, къ поспѣшествованïю блага сами способъ получаютъ, и другимъ подаютъ. Они своими добродѣтельми, какъ соль землю осоляютъ. А понеже нашимъ съ тобою дорогой читатель глазамъ, въ росправной палатѣ страшнаго суда божïя, весьма темно: то не лутче ли намъ при сихъ столь важныхъ обстоятельствахъ, съ Апостоломъ Святымъ Павломъ возвать. О глубина богатства, премудрости и разума божïя, яко не изслѣдимы суть путïе, и не испытаны судьбы его. Развѣ мы ползающïе по землѣ черви, для того на судьбы божïя ропщемъ, что онѣ намъ не понятны? Не лутчель и не пристойнѣе ли полно бѣдной твари, о не вѣдѣнïи своемъ со смиренïемъ признаться? Или ты о премудрости божïей во всемъ творенïи его для того сумнѣваешся, что тебѣ не понятно, какъ всемогущïй Творецъ все сïе съ такою премудростïю создалъ, что Iовъ о не заслуженомъ своемъ терпенïи жаловаться, и о притчинахъ тому спрашивать хотѣлъ? Но всемогущïй создатель страждущаго праведника, власно какъ за руку взявъ и по всѣмъ тварямъ видимаго свѣта поведши, сталъ печальнаго мужа спрашивать о притчинахъ, съ состоянïемъ всѣхъ тварей, дабы разумной Iовъ лутче руку на уста положивши молчалъ, нежели бы о такихъ приключенïяхъ жаловался, которымъ онъ какъ притчины, такъ и начала съ концомъ знать не можетъ. Ежели по прилѣжномъ чтенïи Давидовыхъ псалмовъ то разсудить, какъ многïя судьбы и наказанïи божïя за малые грѣхи юности и невѣдѣнïя нашего, также за тайную злобу и ухищренную злость, до третьяго и дочетвертаго рода на насъ и на дѣтяхъ нашихъ оставаться могутъ; то еще и меньше удивленïя о томъ будетъ, что добродѣтельные и праведные люди во временной жизни своей много терпѣть принуждены. Сего ради Iовъ слѣдующими словами себя утѣшаетъ. Господь онедужилъ сердце мое. Вседержитель подка мя. Не вѣдѣхъ бо, яко найдетъ ми тьма. Предъ лицѣмъ же моимъ покры мракомъ. Почто же Господи таишася мене часи злïи, и предѣлы нечистивѣйшïи прïидоша на мя? Развѣ мы потому бещастны, что не вѣдаемъ того, какъ богъ свѣтъ сей сотворилъ? О томъ ли намъ себя безпокоить, что богъ такими же тайными путями весь миръ управляетъ, какими оной создалъ? Когда уже мы несумѣнно вѣруемъ, что богъ есть самая безконечная и не постижимая премудрость; то весьма безумно будетъ, ежели того не признаемъ, что всесильный Творецъ все то дѣлать можетъ, что намъ

не понятно, а уму нашему не постижимо. Которой человѣкъ не знаетъ того, какъ богъ свѣтъ сотворилъ, тому какъ вѣдать то, какими способы всемогущїй жиздитель весь миръ управляетъ? Какъ тому человѣку что нибудь добромъ или зломъ, щастьемъ или не щастїемъ въ вещахъ человѣческихъ назвать, кто тайныхъ притчинъ со внутреннимъ порядкомъ всѣхъ вещей не знаетъ. Сверьхъ того свѣтъ сей не мѣсто суда, или совершеннаго воздаянїя, да одинъ только проходъ, и такой же искусъ человѣку, какъ проба серебру и другимъ металламъ. Ежелибъ богу за все, и тогожъ часа людей наказывать, какъ зло здѣлаютъ, то бы всему свѣту на всякой день по сту разъ погибать надлежало. Но милосердый Творецъ отнюдь сего не опредѣлилъ. Оставь же сїе всемогущему зиждителю, чтобъ не постижимою премудростїю его, въ часахъ цѣлаго свѣта поставленныя колеса и пружины, въ верхъ и въ низъ, около и кругомъ, въ доль и поперегъ вертелись, да только на нѣкоторыхъ мѣстахъ тому удивляйся, какъ порядочно указательная стрѣла судебъ божїихъ въ наказанїи злыхъ людей, время и часы сокровенныхъ путей не постижимаго движенїя и Святой воли всемогущаго Творца исправно и вѣрно показываетъ. Не ревнуй лукавнующимъ, [пишетъ Царь Давидъ] ниже завиди творящимъ беззаконїе, за не яко трава скоро изшутъ, и яко зелїе злака скоро отпадутъ. Мы хожденїемъ во святилище божїе у человѣческой слабости всякое сумнѣнїе о маловременномъ благополучїи злыхъ, по крайней возможности хотя и отняли, однакожъ ихъ во гробъ положить не хотимъ. Когда приближающейся конецъ ихъ устрашитъ, когда совѣсть мучить и обвинять ихъ начнетъ, когда они съ отчаянїемъ, съ горестїю и съ болѣзнїю въ вѣчность пойдутъ, [Іова глава 2] яко же сонъ вне тѣла обрящется, отлѣтѣ же яко мечтанїе нощное, яко презрѣ и не приложитъ, и къ тому не приближится мѣсто его. Тогда всѣ увидѣвъ ясно уразумѣютъ, какое различїе между тѣми людьми, кто богу усердно служилъ и кто ему служить не хотѣлъ. Между вѣчнымъ блаженствомъ, и между вѣчною мукою утвердившаяся пропасть, причиняетъ Евангельскому всю жизнь свою въ роскошахъ положившему богачу, такїя печальныя мысли, что онъ уже въ мукахъ будучи усердно того желаетъ, дабы на свѣтѣ живущїя братья его, на мѣсто сїе мученїя, къ нему въ товарищи не пришли; но заблаговременно бы о сей ужасной правдѣ вѣдали,

кимъ крикомъ безъ отступно у него просятъ. Гордой и лукавой Аманъ на гору честолюбія съ великою скоростію въ збѣжалъ ; но богъ видѣлъ и вѣдалъ, что Аману на сей высотѣ голова своя потерять. богатствомъ преизобилующей Крезъ при собранныхъ сокровищахъ своихъ щастливымъ себя почиталъ, не вѣдая бѣдной человѣкъ того, что симъ способомъ Персіянъ въ свою землю привлечетъ, для забранія сего великаго богатства, и ради отведенія въ плѣнъ владѣющаго ими Царя. Рахиль о неплодствѣ своемъ крайнюю нетерпѣливость имѣя, Іякову мужу своему сказала. даждь ми чада, или умру. Но за сіе нетерпеливѣйшее и безъ разсудное желаніе свое, родивши втораго сына Веніамина, скоро умерла. Мы думаемъ сами себя чрезъ собственное попеченіе во всемъ удовольствовать; а того бѣдныя люди не знаемъ, что симъ безъ разсуднымъ и хитровальнымъ стараніемъ сами себя погубимъ. Ежелибъ правосудный богъ въ поданіяхъ своихъ таковъ же скоръ былъ, каковы мы въ требованіяхъ своихъ поспѣшны, тобъ люди отъ многова исполненія прозьбъ своихъ очень скоро погибали. Признайсяжъ теперь дорогой читатель! Не радовался ль и ты тогда, какъ божія премудрость то отъ тебя отвратила, чего ты предъ нѣсколько годами столь ревностно желавши, это мнимое добро за крайнѣе себѣ благополучіе почиталъ? Не такоежъ ли бы и ты отъ полученія желаней своихъ омерзѣніе получилъ, какъ прихотливой народъ Израильской отъ пресыщенія манною да коростелями въ пустынѣ? Исповѣдай же свое неразуміе, и предай себя промыслу божію. Онъ о тебѣ лутче тебя попечется. Для чего ты хочешъ своей волѣ послѣдовать, когда самъ не знаешъ, что тебѣ полѣзно? Ты ввѣряешъ другу своему домъ и пожитки, повереному приказные дѣла, лѣкарю тѣло свое, а богу и Творцу твоему въ благополучіи своемъ для чего повѣрить не хочешъ? Самъ вѣдаешъ и признаваешся, что онъ не только тѣлу, но и душѣ твоей Творецъ, за чѣмъ же сему создателю ввѣряться не хочешъ? По сему видно, что ты еще бога прямо не знаешъ, или ему истинно не вѣруешъ. Ты до тѣхъ поръ всемъ сердцемъ вѣрить ему не будешъ, пока въ срединѣ признанія вѣчной его премудрости, безъ конечной любви и вѣрности божія, такъ не довольнымъ показыватъ себя станешъ. Ты сему въ жизни твоей премногіе опыты имѣешъ; а помнишъ осемъ такъ мало, какъ бы тебѣ позволено было благодѣяніи Господа бога своего

на водѣ писать, вѣдаешь ли, что сія благость божія человѣка не къ роптанію но ко исправленію жизни, и напокаяніе приводить долженствуетъ? Милосердый богъ продолжаетъ жизнь, и хранитъ душу твою не для того, что бы ты житье свое оханьемъ да вздыханьемъ продолжалъ, но дабы сіе дыханіе себѣ на исправленіе, а душу твою на славу и честь Творцу своему употреблялъ. Апостолъ Павелъ [къ Филипписеомъ въ главѣ 2] приказываетъ намъ спасеніе свое со страхомъ содѣловать; а ты свое время для того напрасно теряешь, что бы тебѣ самому себя безщастнымъ учинить. Хотя бы жизнь твоя и подлинно всякими нещастіями наполнена была; однако благость божія къ тому тебѣ время даровала, что бы ты все доброе дѣлалъ. Въ саду жизни твоей не всегда крапива, да терновникъ сыщутся, на нѣкоторыхъ мѣстахъ и розены съ лилѣями. Ежели тебѣ сего дня худо, такъ завтре лутче будетъ. Буде жена твоя не такъ прекрасна какъ Рахиль; такъ можетъ быть, что онаЛіинымъ плодородіемъ одарена. Буде у тебя такихъ садовъ, виноградовъ и овчарныхъ заводовъ нѣтъ, какъ у Лавана, такъ ты на противъ того не таковъ скупъ и безуменъ, какъ онъ. Тебѣ отъ своихъ семи лошадей, отъ десяти коровъ, да отъ пятидесятъ овецъ такоежъ пропитаніе имѣть можно, какъ Лавану отъ многихъ тысячь, и отъ великихъ стадъ помянутой животины. Тѣлесную нужду съ содержаніемъ жизни, [на сущной хлѣбъ] богъ и тварь его, [натура] всякому человѣку изобилно даетъ, а отъ человѣка то зависитъ, дабы пищею и одеждою довольну быть. Это надобно особливымъ прилѣжаніемъ расмотрѣть, какъ изрядно и равно все къ житью человѣческому нужное въ цѣломъ свѣтѣ раздѣлено. Въ какомъ изрядномъ размѣрѣ наличныя или ходячія въ Европѣ деньги, по числу жителей такъ разумно въ ходъ, или въ обращеніе пущены, что бы всякъ свою нужду, а временемъ и довольство имѣть могъ, ежелибъ деньги всегда въ равномъ обращеніи ходили. Возмемъ для примѣру такой купецкой городъ, въ которомъ жителей сто пятдесятъ тысячь душъ, а ходячихъ во всемъ городѣ денегъ, положимъ на послѣднюю мѣру, два миліона ефимковъ. Ежели эти деньги по ровну раздѣлить, то на богатова и убогова, на старова и молодова, на мала и велика, не безъ многова по двадцети по пяти ефимковъ на душу всѣмъ равно достанется. Но понеже деньги никогда даромъ не лѣжатъ

да раз-

да разными собраніями, и посостоянію нужды людей безпрестанно обращаются, и ежедневно ходятъ, то надлежитъ щитать, что всѣ ходячія деньги на каждой годъ по крайнѣй мѣрѣ четырижды оборотятся. По сему щисленію въ порядочномъ обращеніи всякая душа четырежды по двадцети по пяти, то есть: по сту ефимковъ въ годъ получитъ. Мужу съ женою, да съ шестерыми дѣтьми, изо всей суммы по восьми сотъ битыхъ талеровъ [рубли] достанется. Сего числа денегъ на пропитаніе, на одежду и на всякія домашнія нужды цѣлой семье; [фамилія] очень довольно будетъ. Но понеже сіе порядочное обращеніе денегъ человѣческою не правдою, насильствомъ, злостью, скупостью, лѣностью и мотовствомъ, обыкновенно пресѣкается; то воистинну не божіе попеченіе тому притчиною, что на свѣтѣ нищихъ и бѣдныхъ людей много. божія премудрость и въ томъ видна, что ея правленіемъ всегдашняя у добра со зломъ война, къ цѣлому содержанію всего свѣта много способствуетъ; а доброе изъ злова такъ вынимаетъ, что благое всегда зло преодолѣваетъ. За зломъ слѣдуетъ скука, трудъ и печаль; печаль причиняетъ размышленіе; отъ размышленія приходитъ раскаяніе; отъ жаленія родится покаяніе; а за покаяніемъ слѣдуетъ на конецъ исправленіе; за исправленіемъ идущее прощеніе съ оставленіемъ грѣховъ приноситъ отъ бога благословеніе и вѣчное блаженство. Провидѣніе божіе съ неизслѣдимою его премудростію, всѣ припадки и случаи свѣтскія по состоянію сердецъ человѣческихъ премудро учреждаетъ. Сердце наше временемъ гордо, а иногда пужливо; для того и припадки въ житье человѣческомъ по особливой волѣ предвѣдѣнія премудрости и любви божія, такъ чудно между собою смѣшиваются, что добрые и злые часы безпрестанно другъ друга смѣняютъ, на содержаніе не постояннаго сердца въ такомъ состояніи, дабы оно добрыми временами ободрялось, а худыми бы въ смиреніе приходило. По сему должно намъ меньше возноситься и меньше упадать, дабы мы божію премудрость съ провидѣніемъ непрестанно признавая, на промыслъ и любовь его несумѣнную надежду возлагали. Сей ради притчины богодухновенный Давидъ дивится утаенной премудрости божіей, которая зломъ и добромъ, щастьемъ и не щастьемъ пользы человѣческой ищетъ. Кто яко Господь богъ нашъ, [псаломъ 112] на высокихъ живый, и на смиренныя призираяй. Воздвизаяй

двизаяй отъ земли убога и отъ гноища. Хотя намъ и кажется, будто сїе Святому провидѣнїю божїю противно, когда добродѣтельной человѣкъ болѣзньми, недостатками, или старостью въ крайнѣе изнеможенїе приведенъ, однако всеблагое попеченїе божїе о человѣкѣ, и въ этой крайности явно оказывается. Человѣколюбивый Творецъ почти всѣхъ пропитанїя лишающихся людей, милостивому призрѣнїю знатныхъ и всякимъ изобилїемъ благословенныхъ особъ вручая, и сихъ милосердыхъ людей намѣстниками своими опредѣливши, у Евангелиста Матвея въ главѣ 25. такъ о нихъ объявляетъ. Взалкахъ бо ся и дасте ми ясти, возжадахъ ся и напоисте мене, страненъ бѣхъ и введосте мене, нагъ и одѣясте мя, боленъ и посѣтисте мене, въ темницѣ бѣхъ и прїидосте ко мнѣ; понеже сотвористе единому сихъ братїи моихъ меншихъ, мнѣ сотвористе. И такъ этѣ бѣдные братїи Христовы отъ бога къ знатнымъ и достаточнымъ людямъ, вмѣсто вѣксельныхъ писемъ нарочно посылаются. богатые по симъ вѣкселямъ бѣдныхъ и неимущихъ людей, на божїй щетъ пищею и одеждою содержать обязаны; а милосердый Творецъ за такое ихъ человѣколюбїе, невидимымъ благословенїемъ своимъ стократно награждаетъ. Хотя въ нынѣшнїя любовїю и милосердїемъ къ ближнему весьма бѣдныя времена, многїе люди этѣ вѣксели протестуютъ; однако всещедрый богъ такїя сердца къ милосердїю о бѣдныхъ и неимущихъ людяхъ склоняетъ, которые то крѣпко помнятъ, съ какимъ договоромъ они сїе изобилїе временныхъ благъ отъ руки божїя получили. Христосъ Спаситель нашъ вопрошаетъ учениковъ своихъ [Еван: Луки глава 22.] Егда послахъ вы безъ влагалища, и безъ мѣха и безъ сапогъ, егда что лишени бысте? Они же рѣша, ни чесо же Господи! Ежелибъ сей вопросъ въ добродѣтеляхъ живущимъ бѣднымъ людямъ предложить, тобъ и они на сїе власно такой же отвѣтъ дали. Хотя число милостивыхъ людей не такъ велико, какъ было онаго желать надлежало; однако бѣдные при крайней своей нуждѣ такїя убѣжища въ свѣтѣ находятъ, гдѣ бы своему болѣзньми измученному тѣлу, и отъ скорбей его стенящей душѣ покой, съ тѣмъ отдохновенїемъ получить, которое имъ всевидящее око божїе усмотря, такъ премудро опредѣляетъ, что бѣдные люди сей нимало не ожиданной помощи, и умъ ихъ превосходящему о себѣ

 промы-

промыслу и попеченію божію со изумленіемъ надивиться не могутъ. Намъ о сихъ бѣдныхъ людяхъ по обстоятельствамъ тѣла ихъ, для того разсуждать не должно, что въ растерзанномъ тѣлѣ Іова, и въ гніющихъ ранахъ Лазаря, толь великіе добродѣтели съ душевнымъ спокойствомъ скрыты, котораго никакое перо описать не можетъ. По истиннѣ сей верьховный даръ божій такъ великъ и высокъ, что многіе Герцоги и Принцы, со всѣми ихъ сокровищи и честьми сего дарованія не имѣютъ. Многимъ скорбящимъ особливая помощь божія, по среди жесточайшихъ болѣзней страждущіе члены тѣла ихъ такъ укрѣпила, что они вмѣсто крику и стенанія благодарные богу стихи пѣли. Святый великомученикъ Ігнатій, передъ честною кончиною своею услышавъ, о томъ радовался, что блаженное тѣло его зубами львовъ съѣдено, и какъ чистой хлѣбъ Христу богу въ жертву принѣстися имѣетъ. Сіе сердечное спокойство всю свѣтящуюся славу свѣта, и маловременнаго житія сего превосходитъ. Всемогущій богъ, не постижимую глубину премудрости своей, тѣмъ болѣе оказываетъ, что душевное спокойство ни къ какимъ тѣлеснымъ и тлѣннымъ вещамъ не пріобязавши, выше всѣхъ ихъ праведно поставилъ. Та же премудрость божія въ страждущихъ, тѣмъ яснѣе открываетъся, что сихъ скорбящихъ и десятой доли противъ тѣхъ людей не будетъ, которые безчисленными способы и степеньми отъ щедрости десницы божія, полученное изобиліе прославлять долженствуютъ. Ежели нѣсколько такихъ людей сыщется, кои съ одра болѣзни своей встать немогши, дневной пищи лишаются, то противъ ихъ великіе тысячи такихъ людей найдутся, изъ которыхъ одинъ щастливѣе другова. Кто одною ступенью выше нищаго, тотъ уже дневную пищу имѣетъ. Кто въ пріумноженіи временныхъ благъ по малу возрастаетъ, тотъ уже больше требованія своего имѣетъ. Такъ прибываетъ имѣніе сперьва до изобилія, а потомъ до развѣянія. За тѣмъ дойдетъ до печали о томъ, что человѣку со излишествомъ своимъ дѣлать? Хотя эти послѣдніе господа того отрещись и сказать не могутъ, чтобъ они отъ десницы божія всякихъ благъ не получили, только они временемъ не довольнѣе убогихъ бываютъ; наявное свидѣтельство тому, что человѣческая бѣдность не отъ убожества, но больше отъ того происходитъ, что человѣкъ

лѣкъ сердцемъ своимъ отъ бога и Творца своего удаляется.

10.

Какое же то отъ бога удаляющееся сердце, которое безщастнымъ орудіемъ печали, и злою притчиною человѣческаго не удовольства бываетъ? То нечестивыхъ людей сердце, имъ же нѣсть мира, [по слову Пророческому.] Эпѣ люди такъ отъ бога удаляются, что его ни въ сердце ни передъ глазами у себя не имѣя, должную у Творца любовь и благодарность отнимаютъ. Этѣ безумцы на семъ свѣтѣ безъ бога прожить хотятъ, весьма ложно думая, будто они жизнь свою со всемъ на свѣтѣ благополучіемъ не отъ бога, но отъ однихъ себя получили. Сіе грѣшное мнѣніе приводитъ этѣхъ бѣдныхъ людей ко грѣшному невѣрію, а за нимъ уже ко всякому безпокойству и къ нещастію влечетъ. Притчина сему та, что они цѣнтръ мира, то есть: средину всякаго блага и спокойства, сирѣчь бога, такъ потеряли, что уже имъ на свѣтѣ ничего кромѣ безпокойнаго и печальми наполненнаго сердца не осталось. Тогда несовершенство естества человѣческаго по природнымъ склонностямъ его, начнетъ къ содержанію себя разные способы, подпоры и мнимыя помощи искать. Одинъ сего удовольства въ собственномъ лицѣ, также въ чести, въ трудѣ и въ искуствѣ своемъ ищетъ. Другой въ силѣ и во власти своей. Третей думаетъ его внѣ себя и въ другихъ тваряхъ, а больше всего въ богатствѣ да въ человѣческой помощи найти. Первое исканіе происходитъ отъ безмѣрнаго самолюбія, а другое отъ суетнаго любленія свѣта сего. Только оба этѣ старанія проистекаютъ изъ невѣроятнаго удаленія сердецъ отъ бога, да еще изъ отнятія у Творца своего, должной создателю нашему любви и присяжной вѣрности. Невѣріе жестокая страсть. Оно есть сильное вождѣленіе чувственнаго и видимаго: а слѣдственно грѣшное отвращеніе сердца отъ всего не видимаго и духовнаго. Симъ пагубнымъ путемъ и страшнымъ способомъ начнетъ бѣдной человѣкъ отъ вѣчнаго къ тлѣнному и временному, отъ внутреннаго ко внѣшнему, а отъ душевнаго и духовнаго къ мечтательному безъ замедленія обращаться. При семъ ясно видитъ и чувствуетъ, что все его существо и бытіе изъ двухъ неравныхъ между собою частей, то есть;

Невѣріе, начало всему безпокойству.

изъ души да изъ тѣла состоитъ; а всякая изъ сихъ вещей своего требуетъ. Тѣло хочетъ пить, есть и въ чувственномъ веселиться, а душа подобной себѣ пищи требуетъ. Умъ ея желаетъ познанія правды, а воля равнаго себѣ вѣчнаго блаженства ищетъ. Тѣлесныя нужды отъ природы нашей внѣшни и чувственны будучи, послѣ грѣхопаденія Адамля тяжки, трудны, проницательны и жестоки учинилис. Какъ скоро человѣкъ отъ бога отступитъ, то сердце ево тогожъ часа симъ безпокойствомъ преодолѣваться начнетъ. Въ то время человѣкъ ни на что не смотритъ, ничево не любитъ, не ищетъ и ни на что не уповаетъ, кромѣ того что видѣть, слышать, вкушать или осязать можетъ. Потомъ начнетъ спокойства желать, когда уже сердцу его весьма сіе тяжко покажется, чтобъ съ мѣста тѣлесной чувственности къ небѣси подняться. Только онъ на сей долинѣ того совершеннаго удовольствія не находитъ, котораго душа ево по своему вѣчности алчущему и жаждущему желанію, внутреннимъ вожделѣніемъ безпрестанно требуетъ и всечасно ищетъ. Отъ того раждается въ человѣкѣ великая нужда, не извѣстность, страхъ, сумнѣніе, тоска, печаль и ужасъ по среди всѣхъ радостей и забавъ. Сему страшному безпокойству то главнѣйшая притчина, что все это внѣшнее и чувственное, въ чемъ человѣкъ удовольствія себѣ искалъ. Оно же весьма не совершенно, тлѣнно и скоро преходитъ. Сіе то есть самое и не избѣжное безпокойство нечестивыхъ, которое имъ невѣріе или удаленіе ихъ отъ бога не минуемо причиняетъ. Когда человѣкъ одного тѣлеснаго ищетъ, то душа ево между тѣмъ праздна и со всемъ пуста остается. Чѣмъ больше сіе продолжается, тѣмъ голоднѣе душа бываетъ, а разумныя требованіи ея отчасу жесточае становятся. Душа человѣку напоминаетъ неправду его къ единому истинному богу, а не милосердіе къ самому себѣ. Она желаетъ питаться вѣчнымъ; а жестокость чувственности препятствуетъ ослабленному желанію ея. Тягость обычая всегда человѣка на лѣвую сторону тянетъ. Онъ старается о томъ, чтобъ ему внѣшними забавы и веселіями внутреннее безпокойство свое какъ можно прогнать; но симъ самымъ способомъ оное умножаетъ. Потомъ требованіе побуждающей совѣсти, хочетъ внѣшнею церемоніею въ службѣ божіей утолить; но сего важнаго дѣла безъ истиннаго обращенія

сердца

сердца и духа въ дѣйство произвести не можетъ. Чувственность всегда властвовать хочетъ. Отъ сего у тѣла съ духомъ родится внутренняя война, а совѣсть нечестивому покою не даетъ. Сего внутренняго врага ни чѣмъ, кромѣ мира божія одолѣть не возможно; а сіе душевное спокойство чрезъ единое обращеніе ко Творцу своему, молитвою, вѣрою и любовію обратно получается. Кой часъ тѣлесная нужда, а особливо роскошь и забава человѣка подстрѣканіемъ своимъ возбудитъ, то суета съ прелестью покажется тебѣ дражайшимъ идоломъ, только на конецъ тебѣ же въ горчайшую болѣзнь и во угрызеніе совѣсти твоей обратится. Невѣріе соединено съ подозрѣніемъ. Тотъ нечестивецъ тайно начнетъ бога ненавидѣть, которому совѣсть его скажетъ, что онъ бога и создателя по истиннѣ и по должности своей не любитъ. Сіе производитъ въ человѣкѣ омерзеніе отъ всякихъ благихъ увѣщаней, и страхъ съ боязнію всякой правды. Единожды отступившее сердце, ко Творцу своему обратиться не хочетъ. Оно лутче желаетъ сперва въ упрямствѣ задеревенеть, а за тѣмъ уже въ отчаяніи вѣчно пропасть, нежели въ злостномъ удаленіи своемъ отъ бога искренно и смиренно признаться. Какъ же тому человѣку мирну и въ себѣ спокойну быть, кто нарочно и умышленно въ погибель бѣжитъ? Теперь суетное и тлѣнное сердце однимъ собою наполнившись, ни о чѣмъ кромѣ себя не думаетъ. Слѣпотою обьюродившей человѣкъ, Творца и Господа своего презрѣвши, самъ себя за бога почтетъ. Но всемогущій Творецъ, за сіе безуміе человѣка праведно накажетъ. Кто создателя за истиннаго бога себѣ не признаваетъ, тотъ самъ себя вѣчно губитъ. Невѣрной человѣкъ въ такомъ бѣдственномъ состояніи живучи, ни чего больше себя не любитъ, и кромѣ ево одного не почитаетъ. Только будущимъ болѣе всего за тѣмъ мучится, что вмѣсто бога о себѣ одномъ попеченіе имѣть хочетъ. Но изъ сего труда власно, какъ изъ навозной кучи разныя гадины родятся. Челoловѣкъ чрезъ сіе въ пустоту уничтоженія отчасу болѣе погружаючись такими вещми себя мучитъ, которыхъ никогда не бывало и во вѣки не будетъ. Да онъ же еще въ такое бѣдное состояніе приходитъ, что при внутреннемъ своемъ смятеніи, обо всемъ сумнѣваться хочетъ, и чрезъ то къ совершенному окаменeнію самъ спѣшитъ, ежели богъ особливымъ милосердіемъ своимъ отъ сего рва вѣчной погибѣли, заслуж-

 дающаго

лающщаго человѣка, милосердіемъ своимъ не избавитъ. Сію естественную слабость въ человѣкѣ совершенно знающей вседержитель, людей Израилевыхъ цѣлую сорокъ лѣтъ, для такого усмотрѣнія по пустынѣ водилъ; пожелаетъ ли сей народъ въ такомъ искушеніи надежду свою на бога возложить? Но почти всѣ изъ Египта выведенныя Евреи, по среди пустыни въ невѣріи своемъ померли. Всемогущій боже помози! Какъ силенъ во всѣхъ насъ сей прародительскій грѣхъ! Мы бѣдная тварь Творца оставя, а бога своего забывши, сами себя спасти думаемъ. Спокойства ищемъ въ смятеніи, а мира въ суетѣ и волнахъ. Сами себя любимъ, да сами же себя уязвляя и губимъ.

11.

Пагубное Самолюбіе.

Отъ сего невѣрія произходитъ безумное самолюбіе. Оно наполняетъ то сердце великимъ безпокойствомъ, которое отъ бога и Творца своего удалилось. Понеже суетной человѣкъ мира своего въ мятѣжѣ спокойства, въ волненіи, удовольства, въ суетѣ и тлѣнности, радости съ веселіемъ, въ печали, то есть: внѣ бога и Творца своего въ самомъ себѣ какъ въ такомъ мѣстѣ ищетъ, гдѣ кромѣ суеты, безпокойства и кромѣ страстей ничего добраго нѣтъ, то и не дивно, что сей искатель въ самомъ себѣ о пчасу болѣе обезпокоивается. Кроткій Царь и Пророкъ Давидъ, сіе внутреннее волненіе усмотря, самъ къ себѣ говоритъ. Вскую прискорбна еси душе моя, и вскую смущаеши мя? Сей мудрый Монархъ довольно вѣдалъ, что въ естественномъ, то есть: въ натуральномъ человѣкѣ, кромѣ пустоты и грѣховъ, кромѣ заблужденія и суеты, также кромѣ пагубы какъ источника, всегдашнему безпокойству никакого добра нѣтъ. Для того благочестивый Царь честную душу свою сими словами ободряетъ. Уповай на бога и спасешися, яко той есть спасеніе мое и богъ мой! Сіе облегченіе сердца, тогда безъ мѣры велико бываетъ, когда человѣкъ изъ себя выступивши, все свое упованіе на всесильнаго, премудраго, всеблагаго и милосердаго бога возложитъ. Какъ сладко и безопасно спать, подъ кровомъ крылъ божіихъ? Какъ покойно и весело лѣжитъ младенецъ во объятіяхъ родительскихъ? И какъ радостно сидитъ дитя на рукахъ у отца своего. Изыдемъ же съ Авраамомъ изъ Ура; [земля]

Удалимся отъ возженія безумнаго самолюбія! Убѣжимъ грѣшнаго идолопоклоненія самимъ себѣ! Поспѣшимъ отъ суеты Халдейской, и отъ смѣшенія столпа Вавилонскаго! Поживемъ Отцу нашему вѣрою, любовію и надеждою. Построимъ себѣ Іерусалимъ, то есть: городъ мира на основаніи обѣтовъ любви и милости божія. Какое благо будетъ намъ въ семъ жилищѣ Господни! Коль пребольшее и всѣ земныя радости съ веселіями превосходящее удовольство найдемъ мы въ бозѣ Спасителѣ нашемъ, паче нежели въ самихъ себе!

12.

А тѣхъ людей сердца великую напротивъ того претерпятъ муку, которые къ богу обратитися не похотѣвши, въ самихъ себе для того окаменеваютъ, что облегченія суетному сердцу своему въ глубинѣ суеты, тлѣнія и пагубы ищутъ, а храмину вѣтреной надежды своей, на сыпучемъ пескѣ строятъ. Злѣйшее нещастіе гордыхъ въ томъ, что они внутрь себя великое безпокойство находятъ. Два знатнѣйшие въ писаніи гордѣливцы, Аманъ да Навходоносоръ, выше всякой мѣры въ самихъ себя влюбились. Для того жестокія злобы или фуріи, обоихъ до тѣхъ поръ справедливо мучили, пока одинъ изъ нихъ [Новходоносоръ] взбѣсился; а другова [Амана] повѣсили. Эти бѣдные люди до пресыщенія наѣвшись, непрестанно алчутъ, а сверьхъ жажды упившись, днемъ и ночью жаждутъ. Душа ихъ за тѣмъ никогда неспокойна, что они себѣ покоя въ безпокойствѣ благополучія, въ тлѣнности удовольствія, въ развращенномъ самовольствѣ, также во исполненіи страстей и прихотей своихъ, въ рабскомъ служеніи подданныхъ и въ приношеніи себѣ даровъ не праведно ищутъ. Для сего то увѣщаваетъ насъ помазанникъ Господень Давидъ, дабы мы отъ смятенія Вавилонскаго, то есть: отъ внутренняго мятежа и безпокойства немедленно вышедши, а затмѣняющее умъ нашъ самолюбіе отложа, предъ богомъ смирились. Потомъ бы въ ничтожество самихъ себя завернувшись, всякъ умъ превосходящаго мира божія насладились. Сей кроткій Монархъ довольно вѣдалъ, какъ великое безпокойство отъ злова корени гордости и высокоумія родится. Для того бога больше всего о томъ просилъ, дабы

И гордость.

сіе

сїе безумство отъ него удалено было. Отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждихъ пощади раба твоего. Аще не одолѣютъ ми, тогда непороченъ буду, и сохраню ся отъ грѣха велика. Ежели душа человѣча такъ худыми вещми наполнена, то уже тамъ никакому добру быть не льзя. Человѣкъ въ самомъ себѣ ничто иное, какъ бѣдность, нагота, болѣзнь, грѣхъ, омерзенїе, зло, непостоянство, несовершенность, горе и сынъ смерти. Какой же твердой радости, или истиннаго сердцу своему удовольствїя можетъ человѣкъ въ такомъ бѣдномъ сложенїи самого себя найти? А пока онъ удовольствїя своего въ самомъ себѣ искать станетъ, до тѣхъ поръ ничего кромѣ бѣдности и безпокойства не найдетъ. Для сей то притчины Давидъ Святый пишетъ. Уповай на бога. Ни одинъ горделивецъ и высокоумной туды не хочетъ, да лутче въ самомъ себе остаться желаетъ. Для сего такимъ людямъ въ себе спокойнымъ быть не льзя, что они отъ цѣнтра всего мира, и отъ средины всякаго спокойства [богъ] сами себя насильно оторвавши, собственными себѣ идолами учинили. За тѣмъ послѣдуетъ тайное у нихъ отнятїе духа благодати и милости божїя того ради, что этѣ нечестивцы плотянымъ духомъ наполнились. Сїе называетъ Апостолъ Святый Павелъ, преданїемъ въ похоти сердецъ ихъ. Такой человѣкъ наполненъ всякїя неправды, заблужденїя, лукавства, лихоиманїя, злобы, зависти, рвенїя, ненависти, убїйства, лести и всякаго злонравїя. Всѣ этѣ люди [по слову тогожъ Святаго Апостола,] шепотники, клеветники, богомерзски, досадители, величавы, горды, обретатели злымъ родителямъ, не покоривы, не разумны, не примирительны, не любовны, не клятвохранители и не милостивы. Злые плоды невоздержнаго самолюбїя въ томъ состоятъ, что человѣкъ самъ себя вредитъ и тѣмъ бесчестить принужденъ, что богу должную честь себѣ похищая, въ сердцѣ своемъ выше всего возноситтся, что праведно и благо. Такъ бестыднымъ учинился напослѣдокъ своевольной и гордой Фараонъ, что не усумнѣлся сказать Моисею. Кто то есть Господь, егоже азъ послушаю гласа? О сихъ то буйственникахъ кроткїй въ Монархахъ Давидъ пишетъ. Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ, нѣсть богъ. Чемужъ и дивиться, что гордые да высокомышленные люди не только сами мира не имѣютъ, но и другимъ покою не даютъ. Могутъ ли они роду человѣчу кромѣ того иное удѣлить, что

что сами имѣютъ? Все ихъ имѣнiе злость и мятежъ. Какого же добра тамъ ждать, гдѣ такiе люди верьхъ и власть имѣютъ? Пока стремленiе жизни ихъ безъ супротивленiя течетъ, до тѣхъ поръ они гордостью въ мысляхъ своихъ, отчасу выше подымаются, на точное подобiе превознесшагося Новходоносора, когда онъ въ на и большей о самомъ себѣ радости по стѣнамъ Вавилонскимъ ходя говорилъ: Не се ли есть Вавилонъ великiй, его же азъ сoградихъ, домъ Царству моему, въ державѣ крѣпости моей и въ честь славы моея? бѣдной ты человѣкъ! Тебѣ гараздо лутче было то подумать, сколь великой мятежъ гордое самовольство твое въ родѣ человѣческомъ здѣлало! Ежелибъ ты сiе здраво разсудилъ, тобъ ни малой притчины къ такому буйственному самохвальству не имѣлъ. Тебѣ кажется, будто все это одинъ ты здѣлалъ; а богъ уже [по твоему безумному мнѣнiю,] ничего не помогъ? Полно не отъ него ли ты душу, тѣло, жизнь, разумъ и все Царство свое получилъ? Чѣмъ же гордишся пребѣдная и глупая тварь? Противъ когожъ ты востаешъ ползающей червь, земля и пепелъ? Умомъ ли своимъ гордишся? Вспомни что всяко даянiе благо, и всякъ даръ совершенъ низходитъ съ выше отъ бога и Отца свѣтовъ. Ежели бы ты по особливой волѣ божiей отъ жестокой горячки съ ума сошелъ, такъ бы малыя дѣти по улицамъ за тобою бѣгая, грязью въ тебя бросали. Тѣлесными ли дарами гордишся? Многiе лошади и звѣри пригожее и сильнѣе тебя. Убранствомъ ли одеждъ твоихъ величаешся? Одинъ на корени своемъ стоящей тюльпанъ или розенъ, лутче всѣхъ твоихъ порфиръ. Та земля несравненно богатѣе тебя, которую ты ногами топчешъ, а пищу и все богатство отъ неѣ получилъ. Добродѣтелвнѣйшiй въ Римскихъ Цесаряхъ Маркъ Аврелiй Антонинъ, съ веселiемъ обьявляетъ то благо, которое отъ другихъ получилъ сими словами. Увѣда моего Веруса, научился я кротости и не злобiю. Мать моя научила меня страху божiю и щедрости. Гофмейстеръ [дядька] мой, научилъ меня воздержанiю. Рустикъ обучалъ меня прилѣжанiю и трудамъ, а Дiогнетъ къ истинной богобоязности приводилъ. Видишъ ли какъ велико смиренiе языческаго Цесаря? А гордой Христiянинъ и самое благодѣянiе божiе забываетъ. Что бы такое другъ мой на свѣтѣ было, которое бы ты не отъ руки Господни получилъ; а ты имъ такъ гордишся, какъ бы оно собственно твое было. Отъ кудыжъ это приходитъ, что ты при всей

мнимой славѣ своей, при всемъ золотѣ и серебрѣ, и при такъ ужасномъ высокоуміи твоемъ, кроткаго нрава и спокойной души не имѣешь? Не лутче ли тебѣ въ долинѣ смиренія жить? Не полезнѣе ли ждать помощи отъ Господа сотворившаго небо и землю, нежели отъ безсильной воли своей? Ты не можешь ни одной крупины песку здѣлать, и не единой травки изъ земли произрастить не въ состояніи. Гордой за тѣмъ мира имѣть не можетъ, что богъ и вся тварь войну ему объявляетъ. Гордымъ богъ противится, люди ихъ ненавидятъ, а спѣсивые сами себя мучатъ. Кто гордаго щасливымъ назоветъ, тотъ противъ бога и противъ самого себя погрѣшитъ. Гордой человѣкъ подобенъ скрыпячей двери, которая съ крюка соскочила, или вывихнутому члену человѣческаго общества; для того гордой себя и другихъ людей безпрестанно вредитъ. Всечасно превозносится чиномъ своимъ, а того бѣднякъ не подумаетъ, что онъ и того не исправляетъ, что ему дѣлать надлежитъ. Природа на гордаго во вѣки такоежъ требованіе имѣетъ, какъ заимодавецъ на вѣроломнаго должника своего, которой долгу его заимодателю никогда не платитъ, а для того отъ кредитора безпрестанно бѣгаетъ и кроется. Онъ у Творца своего честь отнявши, на себя положилъ; у ближняго должную ему любовь похищаетъ, а всякую должность по изволенію упрямства своего не праведно размѣряетъ. По сему и недивно, что вся натура его мучитъ. Гордой самимъ собою такъ наполнился, что ни чему истинное удовольство причинить могущему, мѣста у него нѣтъ. Самолюбіе такъ имъ овладѣло, что любви и милости божіей, нималаго мѣста въ немъ не осталось. Горделивецъ ихъ для того не требуетъ, что [по своему мнѣнію] самимъ собою, своевольствомъ, честію и богатствомъ своимъ доволенъ. Богъ по существу и по правосудію своему всѣмъ надменнымъ супротивляться долженъ. Гдѣ любви, благодати и милости божія нѣтъ тамъ гнѣву и мщенію его быть надлежитъ. Въ непреложное исполненіе Святыхъ словъ воплощеннаго бога и Спаса нашего, всякъ возносяйся смирится. Пребѣдной тотъ человѣкъ, которому всемогущій Творецъ его супротивляется. Эта злощастная тварь никуды больше не годится, какъ въ тѣмную область тѣхъ не чистыхъ духовъ, во которыхъ написано. Взыщутъ мира и не обрящутъ его. Въ томъ все нещастіе Люцифера и Аггеловъ его, что они по разгордѣніи начали самихъ себя и одних искать. По-

томъ уже отъ бога, какъ отъ средины всего мира и спокойства душевнаго, самовольно отвратилися. Съ того времени Творца своего ищутъ; но во вѣки найти не возмогутъ. Сей образъ отца злобы и тьмы, всѣ его дѣти всегда, и за тѣмъ на себѣ носятъ, что бога почитать забывши, одной только своей чести ищутъ, но кромѣ вѣчнаго безпокойства ничего не получатъ и не найдутъ.

13.

Сіе пророчество въ священномъ писаніи видно, что въ послѣднія времена будетъ множество самолюбцовъ. Выше мѣры себя любящіе, въ неизбѣжное наказаніе должны самихъ себя обманывать; для того они прелестное и весьма ложное мнѣніе сами о себѣ составили. Добродѣтельнѣйшей у Римлянъ изъ языческихъ Цесарей Императоръ Маркъ Аврелій, на опроверженіе ложнаго сихъ людей мнѣнія, во 12. Книгѣ своей слѣдующее пишетъ: часто я тому дивился, что хотя люди самихъ себя гораздо больше, нежели другихъ любятъ, однако они чужое о себѣ мнѣніе несравненно въ высочайшемъ почтеніи содержатъ, нежели похвалу или осужденіе собственной совѣсти. Этѣ бѣдные люди удаленіемъ отъ бога, превѣчнаго свѣта и Творца своего, познаніе съ любленіемъ правды потеряли; а суетное сердце ихъ получило великую склонность ко лжи, къ утаенію и къ обману. Человѣкъ симъ удаленіемъ отъ бога, самъ себя обманувъ, такъ осуетился, что самаго себя больше любить, почитать и бояться началъ, нежели бога. Хотя совѣсть пороки съ погрѣшеніями человѣку временемъ и представляетъ, но преодолѣвающее самолюбіе недаетъ сему внутреннему свидѣтелю повиноваться. Тогда уже самъ себя прельстившей человѣкъ, на прикрытіе тайнаго стыда своего, употребляетъ притворство и обманъ. Пророкъ Исаія написалъ, что сіе притворство заставливаетъ человѣка всякой лжи болѣе, нежели самой правдѣ вѣрить. Прельстившей себя человѣкъ весьма ложно вздумалъ, будто у него съ адомъ и смертію союзъ заключенъ. Такъ безопасенъ былъ суетной Израиль, и до тѣхъ поръ симъ ложнымъ мнѣніемъ себя прельщалъ, пока волны судебъ божіихъ, скверну сей прелести съ него омыли а проповѣдь правды внутреннее его смятеніе предъ глаза ему поставила. Отъ сего времяни

Притворство.

мяни та постѣля узка ему стала, на которой Израиль до сихъ поръ крылся, а одѣяло такъ коротко здѣлалось, что уже заблуждающимъ людямъ Израилевымъ, во оное завернуться ни коимъ способомъ не возможно было. Богодухновенный Исаїя, пророческимъ увѣщаніемъ своимъ отъ сего пути вѣчной погибѣли, для того ихъ отводитъ, что при такомъ внутреннемъ мятежѣ, непрестанно волнующемуся сердцу заблуждающаго человѣка, кромѣ жестокаго страха и всегдашняго мученія ни малѣйшей пользы нѣтъ. При всегдашнемъ лаѣ, то есть: при непрестанномъ обличеніи совѣсти, какому миру и спокойству быть? богатой Ефремъ съ роскошнымъ Манассіею, питается вѣтромъ. Оба эти колѣна Израилевы обьюродѣвши, весьма ложно думали, будто человѣку внѣшнею церемоніею и принесеніемъ многихъ жертвъ богу о всякихъ грѣхахъ своихъ удовлетворить, а собственную совѣсть успокоить можно. До тѣхъ поръ человѣку въ совѣсти успокоиться не льзя, пока отъ беззаконей своихъ преставъ, и о нихъ покаявшись, сокрушеннаго, смиреннаго и чистаго сердца имѣть не будетъ. Это богу истинная и пріятная жертва. Двоедушному человѣку однимъ глазомъ на небо, а другимъ на землю глядѣть, то есть: одною половиною сердца богу, а другою свѣту служить, отнюдь не возможно. Никакая страсть столь много коварственныхъ увертокъ не ищетъ; а человѣка самого отъ себя столько не удаляетъ, какъ самолюбіе. Оно то пагубною притчиною и началомъ всему удаленію нашему отъ превѣчнаго свѣта правды, то есть: отъ бога учинилось. Люди отъ свѣта для того бѣгаютъ и прячутся, что дѣла ихъ темны, сирѣчь лукавы. Правдою никто такъ не мерзитъ и отъ неѣ не удаляется какъ гордой. Одна литера праведнаго слова горделивца озлобляетъ. Онъ думаетъ, будто люди того и не видятъ, какъ гордой подъ притворное и весьма ложное смиреніе коварно прячется. Тѣмъ то самолюбіе себя питаетъ и тѣшитъ, что бы люди про ханжу говорили, будто онъ кроткой, набожной, смиренной и добродѣтельной человѣкъ. Сими то бѣлилы да румянами лицемѣръ красную маску, то есть: накладную харю свою, а не прямое и природное лицо для того себѣ мажетъ, дабы людямъ чрезъ сей способъ до тѣхъ поръ угождать, пока въ состояніе придетъ многихъ погубить. Кто съ молоду ко лжи привыкнетъ, тотъ на конецъ подумаетъ, будто всякая его ложь самая правда. Которые ханжи

лицемѣрїемъ живутъ и питаются, тѣ весьма крѣпкое о себѣ мнѣнїе имѣютъ, будто они добрые люди и прямые богу слуги. Сей самого себя обманъ, Фарисейскія души такъ прельщаетъ, что онѣ не только другихъ людей презираютъ; но и предъ самымъ престоломъ божїимъ мнимою своею святостью хвалятся. Царь и Пророкъ давидъ весьма премудро усмотрѣлъ, что всѣ такїе люди огнемъ внутренней печали съѣдаются и сохнутъ; а слѣдовательно при всемъ великомъ богатствѣ и благополучїи своемъ для того бещастны, что истинное признанїе сей бѣдности, прямой путь къ миру и спокойству душевному.

14.

Это подлинной знакъ великой и весьма углубившейся погибели, кто правду въ неправдѣ удерживаетъ, а яснѣе сказать: когда человѣкъ злость сердца своего, всякими неправды, выкрутки и увертками прикрывать старается. Вѣра Христїянская есть обьявленїе правды; а гдѣ притворство защищается, тамъ Христїянства нѣтъ. богъ требуетъ отъ насъ вѣры, то есть: искренности сердца, а уста льстивыя, мерзость предъ нимъ. Все притворное лестно, а богу и людямъ весьма противно. Кто притворствомъ живетъ, тотъ самъ себѣ не милъ, а собственную душу ненавидитъ. Фальшивою монетою, то есть: воровскими деньгами торговать никому не прибыльно, но весьма страшно и погибельно. Съ доброю совѣстїю гораздо долѣ проживешъ, хотя и тише пойдешъ, ежели только въ самомъ дѣлѣ таковъ будешъ, за какого отъ людей признанъ быть желаешъ. Истинное и чистое сердце какъ предъ бога, такъ предъ людей смѣло идетъ. Для чего суетной человѣкъ собственнымъ обманомъ въ бѣдность себя приводитъ? развѣ ему притомъ спокойно, какъ совѣсть его безпрестанно мучитъ и обличаетъ? Что вы дорогой читатель думаете! Спокойналь въ тѣ поры Їудина душа была, когда скверной его ротъ Пречистыя Спасителя нашего уста облобызалъ, а злодѣйствомъ дышущее сердце его, на преданїе Господа своего готовилось? Какойже сему предателю конецъ былъ? И шедъ удавися. Однако только чистота сердечная богу за тѣмъ прїятна, что плодъ правды производитъ; для сего псаломникъ святый пишетъ. Ублажи

Истинна прямой путь къ спокойству.

Господи благія и правыя сердцемъ. Уклоняющіяся же въ развращеніе отведетъ Господь съ дѣлающими беззаконіе. Миръ на Израиля! то есть: на такихъ людей, которые во всѣхъ путехъ и дѣлахъ своихъ всевидящее око божіе помнятъ. Всемогущественное его вездѣ присудствіе, на всякъ часъ передъ глазами и въ сердцѣ своемъ имѣютъ. Свѣтъ возсіяетъ праведнику, и правымъ сердцемъ веселіе. О сей правости сердца должно обьявить прежде показанія о знаніи себя, о покаяніи и о истинной вѣрѣ. Ежели при всѣхъ такихъ трудахъ сей искренности и чистоты сердечной нѣтъ, то всегда мы такіе повапленые гробы пребудемъ, которые съ наружи выкрашены и раззолочены, а внутри полны мертвыхъ костей, смраду и всякой нечистоты.

15.

Познаніе себя.

Какъ же бы намъ изъ сего страшнаго мятежа, къ освященному мѣсту спокойства душевнаго достигнуть? Познаніемъ природной бѣдности нашей, и происходящимъ отъ того смиреніемъ. блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть Царство небесное. За духовнымъ убожествомъ слѣдуетъ успокоеніе духа и души. Кто пустъ собою, тотъ нищъ духомъ. Христіянину должно пагубной и развращенной духъ изъ себя выгнать, дабы кроткій и всеблагій духъ божій въ насъ вселился. Сему должно учиниться истиннымъ разсмотрѣніемъ самихъ себя. Кто хочетъ лицо свое видѣть, тому надобно въ зеркало поглядѣть. божіе слово и умное разсмотреніе самого себя, скоро намъ покажетъ, кто и что мы; только не должно намъ такъ легкомышленнымъ быть, какъ [соборн: посла: и Якова? Гла: 1] мужу смотрящему лице бытія своего въ зерцалѣ, усмотри бо себѣ и отыде, и абіе забы, каковъ бѣ. Человѣкъ за положеніе на сію работу труда и времени, великимъ спокойствомъ награждается. Мы можемъ щастливы быть, не вѣдая того, что у другихъ въ сердцѣ есть. А тотъ человѣкъ крайне уже бещастенъ, кто не вѣдаетъ и не чувствуетъ того, что въ его сердцѣ дѣлается. Гдѣ ты въ тѣ поры, какъ тебя дома, то есть: въ самомъ тебѣ нѣтъ? Какая тебѣ отъ того прибыль, когда ты все на свѣтѣ осмотрѣвши, знаешъ и помнишъ, а себя не вѣдая забываешъ? Пожалуйка здѣлай самому себѣ такой допросъ. Что и кто я таковъ?

Что

Что сїе не разумное и всякую мѣру превозходящее благоволенїе о самомъ себѣ имѣю. Тѣло мое земля, прахъ, пепелъ, тлѣнїе, болѣзнь, всегдашняя мнѣ тюрьма, тягость и живой гробъ. Жизнь моя скорѣе бѣгущаго колеса вертится. Все житье мое вѣтръ и скоро проходящей облакъ. Человѣкъ рожденный отъ жены [Іова гл: 14.] малолѣтенъ исполнь гнѣва, или яко цвѣтъ процвѣтый отпаде, отбѣжа яко стѣнь и не постоитъ. Душа моя малая искра въ великомъ туманѣ. Въ темницу посаженой духъ наполненъ склонностїю ко всякому злу. Мысли мои не чисты, суетны и не постоянны. Страсти мои слѣпы жестоки и мятежны. Жизнь моя вседневная суета, мука и гибель, а смерть разсыпанїе всего меня. Нагъ я на свѣтъ пришелъ, нагъ изъ него и вонъ пойду. Не помню того, откуды я? Мучусь о тлѣнномъ, о временномъ забочусь, а вѣчное забываю. Хотя мнѣ это заблужденїе и трудно, однакожъ отъ него не отстаю. Чувства мои помрачаютъ разумъ, и отвращая отъ человѣчества скотомъ меня творятъ. Скотъ и животина во многомъ естественнаго человѣка лутче; а протчїе твари силою испокойствомъ его превозходятъ. Голубь цѣлостїю, агнецъ кротостїю, муравей трудами, а птица пеликанъ любовїю дѣтей своихъ, журавль бодростїю, горлица любовїю и вѣрностїю супружества, песъ люблeнїемъ человѣка, вѣрностїю къ нему и непамятованїемъ озлобленія, волъ и оселъ познанїемъ господина своего, левъ великодушїемъ, петухъ бдѣнїемъ, змѣя мудростїю, а естественной человѣкъ злѣе всѣхъ тварей на земли. Золъ и кровожелателенъ какъ волкъ, лукавъ какъ лисица, спѣсивъ какъ павлинъ, прожорливъ какъ свинья, ядовитъ какъ выдра, а не примирителенъ какъ тигръ. Сколько злостей въ разныхъ зверяхъ ни есть, тѣ въ натуральномъ или въ естественномъ человѣкѣ всѣ собраны. Но каковъ бы которой человѣкъ золъ нибылъ, однако къ чему нибудь годится. Лисица, волкъ, рысь, медвѣдь, барсъ и другїе звѣри на шубы и одѣялы годны бываютъ, а въ естественномъ человѣкѣ потому никакого добра нѣтъ, что сердце его отъ младенчества ко всякому злу склонно. Разумъ свой употребляетъ на сплѣтанїе лжей и неправдъ, умъ на развращенїе истинны и законовъ. Языкъ нахулы и лщенїи, тѣло свое на гордость и нечистоту; а всѣ члены свои къ неправдѣ вооружаетъ. Нѣсть во устѣхъ ихъ истинны. Гробъ отверстъ гортань

ихъ, языки своими льщаху. Сею злостiю естественной человѣкъ, [котораго нынѣшней свѣтъ натуральнымъ прозвалъ] всѣхъ тварей превосходитъ. Ни одинъ звѣрь своего рода звѣрей не гонитъ, но добръ и ласковъ къ нимъ. Одна человѣческая ложъ съ самолюбiемъ, горше всѣхъ звѣрскихъ злостей. Она прiязнь ложью, а любовь неблагодарностiю награждаетъ. Ни одного такого звѣря нѣтъ, которой бы благодѣтелю своему жизни желалъ. Одному только натуральному человѣку то скучно, что отецъ его долго не умретъ, а лутчей другъ скоро отъ него не отступитъ. боже Всемогущiй! Что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣкъ, яко посещаеши его? Что въ этомъ натуральномъ человѣкѣ, ежели ты Милосердый Творче! Щедрое лицѣ твое и милость свою отъ него отвратишъ? А какая уже тварь въ то время лутче и преславнѣе человѣка быть можетъ, когда ты небесный Отче! Твоею славою и честiю его вѣнчаешъ? Ниспосли же Господи! Свѣтъ правды твоея, да увижу ничтожество и бѣдность свою. Просвѣти очи раба твоего, да процвѣту во смиренiи моемъ, яко цвѣтъ красный предъ тобою Создателемъ моимъ. Вѣмъ бо, [къ Римлян: глава 7] яко не живетъ во мнѣ, [то есть, въ плоти моей] добро. Еже бо хотѣти прилѣжитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю. Вижду же инъ законъ во удѣсехъ моихъ, воюющъ противу закону ума моего. Законъ божiй люблю, а исполнить его лѣнюсь. Противъ страстей воюю, а побѣждать имъ себя допускаю. Хотя и бѣгу, однако всѣ на зади остаюсь. Кажется мнѣ, будто я воленъ, а роскошь меня плѣняетъ. Окаяненъ есмь азъ человѣкъ. Кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?

16.

Смиренiе.

Кто такимъ образомъ себя осмотритъ, тотъ ни малой притчины къ гордости и надмѣнiю имѣть не будетъ. Въ немъ надменнаго самолюбiя не останется; но познанiе себя съ раскаянiемъ и Христiянскимъ исправленiемъ верьхъ возметъ. Исправленiе выгнавши человѣка изъ самого себя, поведетъ къ богу, а богъ въ сердце смиреннаго человѣка скоро снидетъ. Когда мы себя чрезъ истинное смиренiе унизивши, прахомъ и пепломъ сами здѣлаемся; въ то время Всемогущiй Творецъ всемъ милосердiемъ къ намъ обратится. Въ вихрѣ и въ бурѣ

жестокихъ страстей бога нѣтъ; но богъ духъ сый, въ тонкомъ и тихомъ дусѣ живетъ. Онъ превѣчная любы, а Святое его присудствіе самая милость, миръ, покой и сладость душамъ нашимъ. Царь и Пророкъ Давидъ къ полученію спокойства душевнаго двухъ вещей требуетъ. Во первыхъ, дабы человѣкъ такъ смирился, что бы въ этомъ смиреніи душу свою къ богу власно какъ младенецъ къ объятіямъ матери своей возводилъ. Ко успокоенію души, то на и лутчей способъ, дабы оную отъ самой себя по малу отучая, къ богу возводитъ; дабы душа наша въ этомъ природномъ своемъ мѣстѣ подлинной миръ и надежное себѣ спокойство имѣть могла. Сего дражайшаго душамъ нашимъ покоя, ни гдѣ кромѣ того мѣста найти не можно, отъ куда мы произошли. На цѣломъ свѣтѣ и въ самихъ насъ ничего кромѣ бѣдности и погибѣли нѣтъ. Чѣмъ больше мы предъ богомъ смиримся, тѣмъ болѣе мира и спокойства душевнаго получимъ. Глаза наши свѣтомъ божіимъ такъ просвѣтятся, что мы въ глубинѣ пагубою грѣха развращеной природы нашей, всякой день новое омерзѣніе увидимъ. Какъ бы мы ни старались угодное богу дѣлать, однако пагубное самолюбіе за тѣмъ сему препятствовать станетъ, что оно человѣка безпрестанно къ тому понуждаетъ, дабы онъ себя больше, нежели все доброе любилъ. Сверьхъ того премногія безумныя мысли противъ человѣческой воли, между моленіемъ и набожествомъ нашимъ весьма часто лѣпаютъ. Премногія не возможности доброй волѣ нашей такъ противятся, что естественной человѣкъ безъ божіей силы и помощи, самъ собою ничего зделать не можетъ. И самой лутчей изъ насъ, не малую отъ того пользу получитъ, когда во смиреніи своемъ одумается, чѣмъ онъ богу и людямъ долженъ. Самое искуство насъ учитъ, что на за слуги свои безъ мѣры полагающейся, отъ людей столько же зависти и бѣдъ, какъ худыми дѣлами на себя привлечетъ. Смиреніе есть самовольное признаніе собственной немощи или слабости своей; а сіе признаніе производитъ во умѣ нашемъ самоохотное униженіе. Къ сему великому и высокому спокойства нашего зданію надобно такое основаніе положить. 1. Что бы человѣкъ естественную свою бѣдность призналъ а 2. благое бы все приписывалъ богу. Сіе униженіе приноситъ душѣ нашей истинное возвышеніе. Признаніемъ естественныхъ немощей душа наша дѣлается вели-

кою, а призыванїемъ на помощь Всемогущаго бога, спокойна бываетъ. Хотя она чрезъ отрѣченїе выше всего земнаго становится, однако пороками другихъ людей отнюдь не мерзитъ. Ихъ погрѣшении тѣрпеливно сноситъ, а о искоренении своихъ грѣховъ усердно бога молитъ. Гордой человѣкъ со всею своею надмѣнностїю въ тинѣ, а съ превозношенїемъ и спѣсью въ грязи лѣжитъ. Онъ въ своихъ глазахъ очень высокъ, а въ божїихъ очахъ весьма низокъ. буде гордѣливецъ въ самомъ дѣлѣ тѣмъ быть хочетъ, чѣмъ суетное и ложное мнѣнїе его жалуетъ, то ему мысли свои не на себя въ низъ обращать, но къ богу въ верхъ возводить должно. Какъ мало мы тогда къ возгордѣнїю притчины получимъ, когда себя съ чады божїими сравняемъ. Лутчее руководство къ добродѣтели, дабы человѣку о грѣхахъ своихъ стыдиться и усердно жалѣть. Когда пречистѣйшїй богъ, и во Святыхъ своихъ нѣчто порицанїя достойнаго находитъ, то уже во мнѣ первомъ грѣшникѣ, какїя злости и беззаконїи найдетъ? Сыщетсяль такой человѣкъ на цѣломъ свѣтѣ, которои бы черезъ цѣлую недѣлю одного состоянїя во нравѣ своемъ быть могъ? Мы не только въ одномъ дни, да на одномъ часу, то веселы, то печальны. Къ набожности и молитвѣ вдругъ здѣлаемся горячи, но послѣ того вдругъ и холодны станемъ. На одной минутѣ добры, а обернувшись злы здѣлаемся. Милостью и того меньше возносись. Она не твоя, и во мгновении ока отъ тебя уходитъ. Какъ безумнѣе того человѣка, которой чужимъ уборомъ или выпрошеннымъ платьемъ щеголяетъ? Не обьюродѣлъ ли тотъ нищей, которой подумаетъ, будто изъ окна поданной ему кусъ хлѣба его собственное добро? Царь Давидъ, въ нѣкоторое время особливою къ себѣ божескою милостїю, въ такое великое спокойство души своей пришелъ, что самъ о себѣ сказалъ. рѣхъ во обилїи моемъ не подвижуся во вѣкъ. Только сею отважностью все свое удовольствїе потерявши, къ наставленїю нашему слѣдующїя слова богу говоритъ. Скрылъ еси лице твое отъ мене, и смутихся. Кто свой долгъ охотно платитъ, тотъ тайную и внутреннюю радость чувствуетъ. Смиренный человѣкъ, божїя чести отнюдь себѣ не похищаетъ, но тому еѣ приноситъ, кому оная принадлежитъ. Хотя онъ доброе что и здѣлаетъ, однако и при такомъ случаѣ въ должное природному самолюбїю своему сопротивленїе, такъ говоритъ. Не намъ Господи не намъ, но имени твоему даждь славу. Сїя

Сїя слава для того единому богу принадлежитъ, что и самые добродѣтельнѣйшїе люди отъ стыда краснѣются, когда ихъ похвалятъ. Они совѣсти и природѣ своей часто напоминаютъ, дабы обѣ ничего чужова себѣ не брали. Одесную Христа Господа стоящїе праведники, и благословенїи Отца его, сами того не вѣдаютъ и не помнятъ, чтобъ они когда нибудь добро кому здѣлали. Господи! Когда тя видѣхомъ алчуща и на питахомъ, или жаждуща и на поихомъ? По сему честь такой вѣнецъ, которой не на мою голову надѣвать, но тому принадлежитъ чья сїя Корона. Господи! Единъ еси достоинъ прїяти славу, и честь и силу. Когда уже святыя въ вѣчномъ блаженствѣ сїе исповѣдуя, вѣнцы свои предъ божїимъ Престоломъ низполагаютъ, то намъ грѣшнымъ, какъ сего въ маловременной жизни не учинить? Кто чужова не захватываетъ, тотъ и безпокойства такихъ людей не чувствуетъ. Кои отъ владѣнїя чужимъ, въ совѣсти своей снѣдаются, отъ сего произходитъ во смиренныхъ душахъ такое спокойство, котораго въ гордыхъ сердцахъ никогда не бываетъ и быть не можетъ. Отъ сей же душевной кротости родится внутренняя празность, или опустѣнїе того, чему въ насъ быть не должно. Сїя же кротость привлекаетъ въ человѣка даръ божїй. Гнилость самолюбїя, производитъ опухоль гордости со всѣми къ сему чирью принадлежащими болѣзньми: а смиренїе со уничтоженїемъ себя, суть такїе живучїе пластыри, которые сердце наше отъ пагубнаго самолюбїя вылѣчиваютъ. Благодать божїя приноситъ душамъ радость и облегченїе. Алчущїя исполни благъ, и богатящїяся отпусти тщи. Наполненїе благими, значитъ то дарованїе веселаго нрава, которое все благополучїе временной жизни въ себѣ заключаетъ. Святое писанїе не въ томъ разумѣ о семъ говоритъ, дабы смиреннымъ и добродѣтельнымъ людямъ временныхъ благъ, то есть: чести, чиновъ и богатства не имѣть. Исполненїе души божїею благодатїю, кротостїю и спокойствомъ, не только уже отъ Христїянъ, но еще отъ самыхъ язычниковъ, за такїе совершенные дары божїя почитались, которые сердце человѣческое проницая, внутреннею утѣхою, радостью и вѣчнымъ спокойствомъ насыщаютъ. Богатые напротивъ того тщи или тощи, то есть: порожни и пусты остаются, хотя они самалюбїемъ своимъ выше всякой мѣры преисполнены. Область гордыхъ ни малаго добра въ себѣ не

 имѣетъ

имѣетъ. Она кромѣ пѣны и пыли, также кромѣ лжи, суеты и кромѣ прелести, ничего полезнаго въ себѣ не содержитъ, и въ самомъ дѣлѣ весьма не то, чѣмъ снаружи въ блескѣ своемъ кажется. Велико сіе поспѣшествованіе спокойству и смиренныхъ, что богъ ихъ отъ безпокойнаго попеченія самихъ себе невидимо избавляетъ. Царь и Пророкъ Давидъ, самыми дѣлы въ томъ искусясь, такъ о семъ пишетъ. Возверзи на Господа печаль твою, и той тя препитаетъ, не дастъ во вѣкъ молвы праведнику. Велика сія премудрость со всемогуществомъ промысла божія, что всесильный Творецъ смиренныхъ своихъ самъ учитъ, и за руку водитъ. Чего имъ больше? богъ всеправедный сей милости ни одному гордому за тѣмъ не кажетъ, что гордой самому себѣ умнѣе всего свѣта кажется, и ничьего совѣта не принимаетъ. Но премудрости источникъ богъ, лутчія намѣренiи и хитрейшіе замыслы гордаго праведно опроверьгая, всей гордости лукавыхъ и надмѣнныхъ людей праведно противится. Имъ этотъ мятежъ крайнѣ великъ, и всѣхъ гордѣливцовъ несказанно мучитъ, что всемогущественнѣйшій Творецъ малѣйшими, а въ глазахъ человѣческихъ подлыми и презрѣнными случаями всѣ совѣты, и отъ многихъ лѣтъ составленные замыслы гордаго, однимъ мгновеніемъ ока въ прахъ разсыпаетъ. А смиренный между тѣмъ, для того въ покоѣ и въ кротости живетъ, что никакого проэкта будущему щастію своему здѣлать не смѣетъ, но тому все попеченіе свое вручаетъ, кто премудрѣе всѣхъ живущихъ на земли. О немъ то Царь и псалмистъ взываетъ: Кто богъ велій, яко богъ нашъ, ты еси богъ творяй чудеса. Которой человѣкъ природную свою немощь знаетъ, тотъ сильнѣйшія помощи ищетъ, а сіе смиреніе кроткаго привлекаетъ благодать и помощь отъ бога. Славной въ Англій Вельможа, Милордъ Честефильтъ, такъ о себѣ пишетъ. Я могу собственнымъ примѣромъ засвидѣтельствовать, что мнѣ между всѣми припадки моими въ милосердомъ руководствѣ божій, никогда недостатку не было, когда я природнымъ моимъ силамъ не повѣря, но все упованіе мое на бога возложивши, о его Святомъ и всесильномъ руководствѣ смиренно молилъ. Мнѣ въ этой важности и на другихъ людей искуство сослаться можно: всякъ изъ нихъ то желаніе свое получилъ, о чѣмъ всѣхъ сильнѣйшаго бога, кроткимъ духомъ и смиреннымъ сердцемъ молилъ. Почтожъ мнѣ одному о себѣ печалиться? Для чего

мнѣ

мнѣ надежды своей лутче на Творца и бога моего, нежели на свое слабое искуство невозлагать? Я лутче стану въ низу со смиренными сидѣть. Тутъ вѣтры страстей души человѣческой не трогаютъ, а на горахъ самолюбія и гордости ужасныя бури. Тамъ надмѣніе, зависть, тайное гоненіе, ссоры, вражда, гнѣвъ, ненависть, рвеніе, не терпѣливость и мщеніе живетъ. Этѣ страшные вихри сердце и душу у человѣка власно какъ челнокъ, или малую лодку въ верьхъ и въ низъ безпрестанно мечутъ. Между тѣмъ въ долинахъ смиренія разпространяется великой миръ. Солнце небесной благости разбиваетъ темны облака печальныхъ мыслей, и разгоняетъ душепагубную бурю страстей нашихъ. Потомъ душа Христіянская успокоившись, Творцу своему во всякой тихости такъ говоритъ. Отче небесный! Да будетъ воля твоя. Вѣдаю что мнѣ безъ твоей Святой воли ничего не здѣлается; а что отъ тебѣ бога моего приходитъ, тому ни по какимъ притчинамъ и обстоятельствамъ злому быть не возможно. Кто я таковъ, что бы мнѣ люди не ругались, и непризирали меня? бѣдной и смерти подверженной грѣшникъ! Мнѣ ни въ чьихъ глазахъ бѣднѣе того быть не льзя, каковъ я самъ себѣ гнусенъ и мерзокъ. Ежели меня презираютъ, такъ я грѣхами моими у бога и больше того заслужилъ. буде меня безчестятъ и облыгаютъ, такъ я про себя въ сотеро больше того вѣдаю, чѣмъ они меня попрекаютъ: и для того ругательство ихъ весьма легко снести могу. Иной въ жалобахъ своихъ говоритъ: я щастія не имѣю. Да знаешъ ли полно другъ мой, что щастіемъ, и что не щастіемъ въ свѣтѣ называть. Я во преки тебѣ даннымъ мнѣ отъ бога чиномъ, житьемъ и состояніемъ моимъ весьма доволенъ. буде оно не знатно, такъ не страшно. Ежели я не высоко сижу, такъ не глыбоко упаду. развѣбъ я подумалъ судьбѣ и воли божіей противиться? Ни какъ! Спокойство души моей всѣмъ злополучіямъ противиться, и у сего хищника весь ядъ отнимать долженствуютъ. бѣденъ ли я? Такъ еще у меня доброе имя есть. Хотя и на меня разныя мученіи, также какъ на Іова согласились, однако я слава богу живъ и со всѣмъ здоровъ. Не лутче ли мнѣ себя передъ Создателемъ моимъ смирить, и восплакаться передъ сотворшимъ насъ? Поучуся совершенству въ законѣ божіи, и пріиму прибѣжище свое къ милосердію создателя моего.

Я такой утѣхи не желаю, которая сокрушенїе сердца отнимаетъ, а и такихъ мыслей не хочу, которые меня въ умѣ моемъ возвышаютъ. Всякая высота опасна, а сладость свѣтская страшна. Никакое плотское желанїе совершенной чистоты не имѣетъ. Что мнѣ прїятно, то богу противно. Начнужъ я той единой милости бога моего искать, которою человѣкъ отчасу смиреннѣе и осторожнѣе бываетъ. Подобное сему воздержанїе страстей, такое смиренїе въ душѣ человѣческой производитъ, что имѣющей оное въ щастїи и въ нещастьѣ своемъ, равнодушенъ будетъ. Въ благоденствїи таковъ же кротокъ, какъ Іовъ глаголющей къ богу. Не достоинъ есмь Господи всей милости и всея истинны, юже сотворилъ еси рабу твоему. А въ нещастїи непоколебимъ и великодушенъ, какъ Давидъ зовущей. Не убоимся, внегда смущается земля, и прелагаются горы въ сердца морская. Освятилъ есть селенїе свое вышнїй. богъ по среди его и неподвижется. Поможетъ ему богъ утро и за утра. По сему кроткой человѣкъ за тѣмъ во всякихъ случаяхъ не погибнетъ, что на бога крѣпко уповая, себя съ немощми своими обстоятельно знаетъ. Себя потому, что въ естественномъ человѣкѣ никакого добра нѣтъ, а бога въ томъ познаваетъ, что отъ него никакова зла не происходитъ и произойти не можетъ. Отъ сихъ смиренныхъ мыслей родится покаянїе. Отверженїе себя, вѣра, надѣжда, любовь и кротость; а всѣ сїи верьховныя добродѣтели, суть родныя сестры и вѣрныя помощницы спокойству душевному.

17.

Покаянїе. богъ человѣка въ спокойномъ состоянїи сотворилъ; но человѣкъ сїе спокойство тогда потерялъ, какъ отъ Создателя своего отвратясь, себя болѣе, нежели Творца возлюбилъ. Всѣ Адамли дѣти въ этомъ случаѣ по отцѣ своемъ пошли. Къ нимъ то [Апокалипсиса въ главѣ 3] сказано: поминай убо како прїятъ, и слыша соблюдай и покайся. Какъ отступленїе отъ бога въ сему безпокойству нашему притчина, такъ обращенїе къ создавшему насъ, источникъ всему спокойству и миру душевному. Сему должно происходить путемъ покаянїя, возрожденїя и обновленїя. Начало сему великому дѣлу тогда бываетъ, когда человѣкъ вѣтхую ризу грѣховъ

ѿ себя сложивши, вЪ новую одежду правды и высокой святыни облечется. Сему обращенїю кЪ богу должно отЪ всѣхЪ силЪ нашихЪ быть, а имянно: разумомЪ, волею и желанїемЪ обновленїя, а притомЪ искреннимЪ и сокрушеннымЪ сердцемЪ жалѣть, печалиться и плакать о прежнихЪ грѣхахЪ своихЪ, по слову Святаго Апостола Павла [кЪ Коринф: втораго послан: глава 7.] Печаль бо яже по бозѣ, покаянїе не раскаянно во спасенїе содѣваетЪ. блажени плачущїи, яко ти утѣшатся. Утѣхи и отрады всякЪ изЪ насЪ желаетЪ, а поплакать никто не хочетЪ. блаженство сЪ утѣшенїемЪ и сЪ миромЪ душевнымЪ всѣмЪ намЪ любезно, а печаль сЪ терпѣнїемЪ рѣдко кому нравится. Сему разлученїю любви отЪ суеты, чрезЪ покаянїе произходить должно, ежели человѣкЪ истиннаго спокойства душѣ своей желаетЪ. буде сладчайшему плоду мира духовнаго созрѣвши, совершенно насЪ утѣшить, то должно сердцу человѣческому по Святому примѣру Царя и Пророка Давида, истиннымЪ покаянїемЪ, икреннимЪ жалѣнїемЪ и теплыми слезами воздѣлану быть. ВЪ то время надобно разуму человѣческому сЪ суетою и заблужденїемЪ вовсе разлучиться; а человѣку о томЪ печалиться и плакать, что ложная благая, то есть: суеты и мечтанїи столь долго его обманывая, такЪ сильно имЪ владѣли, что онЪ истиннаго и совершеннаго блага, то есть: бога своего, такЪ многое время не зналЪ. ОтЪ сего приходитЪ прямая и такЪ важная перемѣна мыслей, что человѣкЪ вмѣсто суетнаго, ложнаго, злова и вмѣсто упрямаго нрава, кроткой, тихой, спокойной и правой духЪ отЪ бога получитЪ. Обновляйтеся же духомЪ ума вашего, и облецытеся вЪ новаго человѣка, созданнаго вЪ божїю правду и вЪ преподобїе истинны. [КЪ ЕфесеомЪ глава 4] то есть: вЪ такого человѣка, которой прелестью, суетою, ложнымЪ мнѣнїемЪ, мечтанїемЪ и самолюбїемЪ себя необманываетЪ; а другихЪ людей притворною своею святостью нимало не прельщаетЪ. Сколько прїятности сїя вѣчная правда вЪ себѣ заключаетЪ, столь много радости и веселїя тотЪ человѣкЪ отЪ нѣе чувствуетЪ, кто вЪ такомЪ покаянїи мысль и мнѣнїе свое отчасу больше перемѣняетЪ. Когда вѣчному благу противящееся упрямство и злая воля начнетЪ склоняться кЪ добру, а за тѣмЪ уже ко стинному и признанному благу обращаясь, начнетЪ его искренно и усердно искать, а самЪ человѣкЪ отЪ любленїя суеты рачи-

тельно удаляться начнетъ. Всѣ мудрые послѣдователи сему благу, честь и пользу за обращенie свое къ богу истиннымъ покаянieмъ, въ слѣдующихъ словахъ найдутъ. Насладися Господеви, и дастъ ти прошенie сердца твоего. Открый ко Господу путь твой, и уповай на него, и той сотворивъ, изведетъ яко свѣтъ правду твою, и судьбу твою яко полудне. Сердце наше ищетъ веселiя въ вещахъ свѣтскихъ, а найдетъ его въ томъ, что все свое упованie на бога возложитъ. Оно ищетъ чести и хвалы отъ мира сего; а неувядаемой вѣнецъ безсмертной славы, находитъ въ Господѣ бозѣ своемъ, которой намъ солнце и щитъ. Онъ единый даруетъ намъ истинную честь и милость. Сердце человѣческое ищетъ на земли богатства, а во истинномъ обращенiи ко Творцу и богу своему, обрящетъ такое вѣчное сокровище на небесѣхъ, котораго моль не есть, тля не тлитъ, а воры украсть не могутъ. Естественное сердце натуральнаго Адама, то есть; плотскаго человѣка, ищетъ всегдашняго удовольства въ роскошахъ и въ чувственныхъ забавахъ; а обновленной покаянieмъ Христiянинъ чрезъ истинное обращенie ко Господу своему, тотъ самой радостной духъ обрѣтаетъ, о которомъ Царь и Псалмопѣвецъ болѣе, нежели о всѣхъ сокровищахъ у бога просилъ. Сердце чисто созижди во мнѣ боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей. Не отвержи мене отъ лица твоего, и духа твоего Святаго не отыми отъ мене. Воздаждь ми радость, спасенiя твоего, и духомъ владычнимъ утверди мя. По естеству своему грѣшной, а по состоянiю всего сложенiя весьма тяжелой натурѣ нашей всесильная помощь и милость божiя потому не обходима, дабы паденieмъ на дмѣру отяготѣвшему естеству человѣчу, всемогущею подпорою небесной помощи и подкрѣпленieмъ силы божiя отъ земли поднявшисъ къ богу возлѣтеть. Тѣлесныя нужды такъ насъ къ землѣ привязываютъ, что человѣкъ всегда за чувственнымъ и видимымъ гоняется. Сie то натуральному или плотскому человѣку столь мило, дорого, и таково же прекрасно кажется, каково прелестно Еввѣ въ раю, пагубное яблоко было. Мы все сie излишество не только за нужнѣйшее, но для того за лѣгчайшее почитаемъ, что оно почти безо всякаго труда въ глаза, въ ротъ, въ осязанie и въ уши намъ мечется. Отъ сего небреженiя чрезъ злой обычай сперва родится развращенное мнѣнie, за нимъ совершенное ожесточенie, а на конецъ и ослѣ-

ослѣпленіе временными вещми. Симъ то видимымъ и тлѣннымъ человѣкъ прельстившись, самъ себя власно какъ сонным ядомъ толь сильно заражаетъ, что ему рубль денегъ лутче Царства небеснаго кажется. бѣдному человѣку очень уже тежело стало, мысль свою къ небу возвести, да лутче желаетъ ушми, глазами, сердцемъ и всемъ тѣломъ своимъ къ землѣ прилѣпиться. Но понеже сіе не прямое и не природное мѣсто покоя безсмертному духу его, то надлежало премудрѣйшему богу такой огонь въ человѣкѣ зажечь, которой бы душу натуральнаго Адама отъ земли отвлекая, къ настоящему мѣсту спокойства его, то есть: къ небеси безпрестанно гналъ.

18.

Видишъ ли богосклонный читатель, что сердцу не обходимо надлежитъ возвратиться къ богу нашему, ежели оно истиннаго себѣ спокойства искренно желаетъ. Сего обращенія къ богу усердствующимъ Христіянамъ, должно сердца и души свои отъ любленія всего временнаго и тлѣннаго на свѣтѣ крайнею возможностію отвлекать. Ежели миру божію въ душѣ человѣческой жить, то дверямъ чувственности запертымъ быть надлежитъ, дабы шумъ суеты во оные ворвавшись, всего мира и душевнаго спокойства не испровергъ. Сіе упреждается праведнымъ мнѣніемъ обо всемъ, что на свѣтѣ бываетъ и приключится должно. Это удерживаетъ насъ отъ того, дабы человѣкъ на другихъ людей отнюдь не смотрѣлъ, что бы онѣ ни говорили и ни дѣлали, да пріучаетъ къ тому, что бы мы по истинной правдѣ и по чистой совѣсти всегда поступали. Объ этой прямой и большой дорогѣ къ истинному спокойству, Пророкъ Исаія въ главѣ 8. такъ пишетъ. Все бо, иже аще рѣку людямъ симъ, жестоко есть. Страха же ихъ не убоишися, Господа силъ того освящайте, и той да будетъ вамъ въ боязнь. Сіе то есть истинное руководство къ побѣжденію суеты и всего страха ея. Кто о плоти своей воздержно печется, тотъ о домѣ, о имѣніи, о чести и обо всемъ внутреннемъ убранствѣ этой тлѣнной хоромины, много печалиться не станетъ. Съ небесъ во плоти пришедшая къ намъ божія сила и премудрость, даровала намъ сіе Святое повелѣніе свое. Ищите прежде Царствія божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ. Христосъ Спаситель, Отрѣченіе свѣта.

 яко

яко истинный богъ нашъ совершенно вѣдалъ, что естественной [натуральной] человѣкъ, ко всему внѣшнему, то есть: къ видимому на свѣтѣ семъ безъ мѣры и безъ разума прилѣпившись, внутренней миръ и спокойство души своей теряетъ. Для того Спаситель намъ глаголетъ. Царствіе божіе въ васъ есть. Сими божественными словами побуждаетъ насъ сынъ божій къ тому, дабы мы больше о не видимомъ старались, которое не само собою приходитъ, но отъ бога намъ даруется, а о видимомъ бы для того меньше попеченія имѣли, что оно за не видимымъ неизбѣжно слѣдуетъ. Ежели въ части тѣла человѣческаго, что нибудь чужова и къ нимъ не принадлежащаго войдетъ, то отъ сего не только безпокойство, но и болѣзнь человѣку здѣлается. Отъ занозы тѣло наше пухнетъ и нарываетъ; а какъ занозу вынутъ, то и вся болѣзнь утишится. Неплѣнной душѣ всякое плѣніе таково, какъ заноза члену тѣла человѣческаго. Уязвленной человѣкъ до тѣхъ поръ спокоенъ быть не можетъ, пока сердца своего въ естественную его простоту не приведетъ, а яснѣе сказать: пока мы оное отъ такихъ вещей силою не отвлечемъ, которыя разумной природѣ нашей не свойственны, но только съ злѣйшею и безпокойнѣйшею, да притомъ еще страхомъ и отчаяніемъ погруженною творятъ. Спаситель мира на сіе пользованіе хотя по видимому жестокія, только временно и вѣчно полезныя лекарства предписалъ. Аще око твое соблажняетъ тя, истекни е, и верьзи отъ себе. Не забудь же притомъ хотя краткаго, но отъ добродѣтельнаго человѣка даннаго, а спокойству душевному весьма полезнаго совѣта. Оставь все, такъ все найдешъ; когда страсти свои одолѣешъ, тогда великое спокойство получишъ. Сіе мудрое, а душѣ весьма полезное правило, плоти и крови нашей на нѣсколько времени крайне прискорбно. Вѣтхой Адамъ, то есть: плотской, а по нынѣшнему натуральной человѣкъ, сего полезненнаго ему дѣйства сильно боится. Онъ эту страшную себѣ операцію, какъ можно до завтрѣе откладываетъ, и разные къ тому способы съ выдумками находитъ, какъ бы ему у цѣлителя души своей изъ рукъ уйти. Иногда хочетъ симъ лѣченіемъ на время обождать, а въ другую пору говоритъ, будто эта болѣзнь и сама минется. Между тѣмъ сіе повѣтріе отчасу опаснѣе, а безпокойство души его день отъ дня больше

разга-

разгарается. Бѣдной человѣкъ отъ сего изнемогши, простираетъ уже руку свою къ самому дѣйству. Между тѣмъ нѣсколько ослабнувъ, самъ себѣ говоритъ; съ какимъ я тогда великимъ усердїемъ богу служить стану, когда сїе намѣренное мною великое дѣло дѣйствительно исполню. Это подумавъ, и опять за притчиною намѣренїя своего побѣжавши, блаженное намѣренїе объ отверженїи себя, еще на нѣсколько времени отсрочиваетъ. По среди всѣхъ суетъ возбудившаяся совѣсть часто человѣку напоминаетъ, для чего онъ обращенїемъ своимъ выше всякой мѣры, и столь долго мѣдлитъ. Но упрямой человѣкъ столь полезному увѣщанїю совѣсти своей не покаряючись, теченїе свое въ прежнихъ суетахъ съ жесточайшимъ стремленїемъ продолжаетъ: а какъ желанїе свое исполнитъ, то во владѣнїи полученной вещи гораздо больше безпокойства по чувствуетъ, нежели въ искачїи ея имѣлъ. Безъ мѣры ревностнымъ желанїемъ всего тлѣннаго, отъ должнаго люблѣнїя вѣчной нетлѣнности удалившись, путь къ сему безсмертїю такъ потерялъ, что болѣе отъ вѣчности удаляется, тѣмъ въ горьшую глубину безпокойства приходитъ. Тутъ уже вся нужда и опасность въ томъ, что человѣкъ намѣренным отверженїемъ себя, для того мѣшкаетъ, что бы ему болѣзнь души своей не исцѣльною учинитъ. Но божїя сила и премудрость, на спасенїе погибающему человѣку слѣдующей совѣтъ даруетъ. Выколи, вырви, и брось отъ себя. Скорое рѣшенїе и совершенная цѣльба. Маловременная болѣзнь вѣчное спасенїе приноситъ. Сїе отрѣченїе земнаго, а отверженїе тлѣннаго, есть начало небесному и вѣчному спокойству. Все это плоти и крови нашей, до тѣхъ поръ трудно и жестоко кажется, пока Господу богу угодно явится, по наложенїи Креста самымъ искуствомъ насъ тому на учитъ, сколь худая утѣшительница земля человѣку! Тогда самымъ дѣломъ окажется, что изо всѣхъ мнимыхъ прїятелей, тотъ лутчей другъ человѣку, кто въ нуждахъ и бѣдахъ его человѣколюбно не оставляетъ. А намъ уже всѣмъ довольно извѣстно, что богъ всемогущїй въ нужнѣйшихъ случаяхъ и въ горчайшемъ времени, вѣрнейшей намъ помощникъ, надѣжнейшей Спаситель и лутчее прибѣжище. Въ то время человѣкъ дѣйствительно узнаетъ, что вся слава и суета мира сего, единой капли любви, благодати и милости божїя отнюдь не достойна. Вкушенїе благости небесной

въ такомъ состоянiи всю свѣтскую сладость и утѣху горчайшею пелыни, желчью творитъ. Станетъ ли кто изъ умныхъ людей такую вещь постоянно любить, который злость, лукавство, ничтожество, стыдъ, тлѣнiя и вредъ ежедневно плачевнымъ искуствомъ разумной человѣкъ отчасу болѣе познаваетъ? По надѣется ли человѣкъ на притворную суету? Прилѣпитъ ли сердце свое къ тому, что между рукъ человѣческихъ всякой часъ проходитъ? Не соединится ли божественное веселiе съ тѣмъ вседневнымъ искуствомъ, которое мы познанiемъ великой правды, съ крайнимъ трудомъ получили? Не поможетъ ли оно намъ къ отверженiю всего свѣтскаго? Не укрѣпятся ли симъ чада божiя, и не скажутъ ли всякому злоключенiю въ лицо. Слава богу о томъ, что я и тебя видѣвши, на силу пережилъ? Сего дня я новую суету внѣ и внутрь себя дѣйствительно нашелъ, благодарю бога моего, что мнѣ сiе познанiе кромѣ маловременной печали, никакого зла не причинило. Нынѣ я узналъ, чего мнѣ отъ васъ сродники, ближнiя, друзья и враги мои, прiятели и непрiятели, знаемые и дружащiеся со мною, впредь ожидать! Всѣ вы безсильны, вѣтрены, лживы, непостоянны и смерти подвержены. Единъ только богъ вѣченъ, въ обѣтованiяхъ своихъ истиненъ, въ любви своей вѣренъ, а въ милости безконеченъ. Его единаго долженъ я всемъ сердцемъ, всею душею и всемъ помышленiемъ преискренно любить. Прелестное золото! Ржавѣющее серебро! Нехочу я тебя больше утѣхою своею называть! Ты не можешь ни головной у меня болѣзни вылѣчить, ни сердечнаго мнѣ веселiя принесть. Нѣтъ мнѣ забавы въ скотской роскоши, кромѣ въ восторгъ приводящаго безумiя, которое бы меня умертвить могло, ежели бы больше четверти часа продолжалось. Этотъ страшной часъ бѣшенства, не только долговременную, но и вѣчную печаль, безпокойную совѣсть, болѣзньми отягченное тѣло, убогое и бещестное житье, по себѣ оставляетъ. По сему великой бы я безумецъ былъ, ежели бы сладкое, постоянное, вѣчное и божественное веселiе духа, на тѣлесное и скотское угожденiе плоти, промѣнять подумалъ. Нынѣ я въ самомъ дѣлѣ вижу, что богъ на лица не смотритъ; а всякая честь на свѣтѣ безъ внутренней доброты фальшивая монета. Теперь я узналъ, какъ мудрые люди свѣтскую честь потому весьма праведно тѣни уподобляютъ, что честь и слава мира сего, въ самой часъ полученiя оныя, весьма не такова, какою она алчущему ея человѣку въ

мысли и въ надеждѣ мечтательно казалось. Да она же новыя страсти съ великими печальми раждаетъ. Нынѣ ясно вижу, какъ слѣпецъ слѣпца водитъ заблуждающей подобнаго себѣ, а суетной равныхъ ему суетою братей изо всѣй силы хвалитъ. Но сею ложною похвалою бѣдныхъ людей отчасу въ горшей мятежъ и въ заблужденіе влечетъ. Разумной человѣкъ очень скоро примѣтитъ, что всѣ хвальцы не знающіе люди, или уже лукавые, корыстей жаждущіе льстецы. Вижу, что человѣкъ сего дни великъ и славенъ, а за утра не только низокъ, но и мертвъ лѣжитъ. Какая ему отъ того польза, что его послѣ смерти хвалить станутъ? Ни какой прибыли не произойдетъ, ежели онъ не добродѣтельнѣе другихъ людей былъ. Теперь я искусившись, не сумнѣнно вѣрю, что человѣка въ крайней нуждѣ и при самой смерти его, ни что утѣшить не можетъ, кромѣ единаго напоминанія чистой совѣсти и добрыхъ дѣлъ. Притомъ и сіе разсужденіе весьма насъ подкрѣпляетъ, что человѣку безъ бога добрымъ быть, а безъ его Святой помощи добра здѣлать не возможно. Отъ сего, кромѣ той чести нѣтъ, которую человѣкъ единому богу воздаетъ, за его не изреченную милость. Сія честь ни чѣмъ человѣка не обезпокоиваетъ, но сердце наше тѣмъ прославленіемъ Творца наполняетъ, которое создателю нашему весь родъ человѣческій приноситъ, и во вѣки вѣковъ сіе похвальное Альлилуія; немолчно воспѣвать должествуетъ. Это уже давно примѣчено, что жиды о потѣряніи имѣнія больше всѣхъ народовъ печалятся. Причина сему та, что Авраамле семя о благословеніи всемогущаго бога надмѣру тѣлесное мнѣніе имѣетъ. Сей ради вины лучи небесной славы за тѣмъ въ души ихъ войти не могутъ, что плотской Израиль ко всему видимому и временному, безъ мѣры и безъ разсужденія прилѣпился. Я сидячи въ компаніи, слышалъ разговоры у Христіянина съ Португальскимъ жидомъ. Этотъ съ природы остроумной Евреянинъ хотѣлъ доказать, что холостые гораздо щастливѣе женатыхъ людей. Недавно женившейся Хрістіянинъ о правдѣ сего предложенія усумнѣвшись, сталъ жида спрашивать, по чему онъ холостыхъ щастливѣе, нежели женатыхъ почитаетъ? Жидъ ему отвѣчалъ, потому государь мой! Что холостые люди того безпрестаннаго безпокойства съ великими печальми головою не знаютъ, которое въ супружествѣ живущія, и другъ друга усердно любящія мужъ съ женою, чрезъ всю свою жизнь взаимно себѣ причиняютъ.

Съ другой стороны потому, что холостые люди той жестокой печали чувствовать не принуждены, которую смерть милой человѣку жены за неволю причиняетъ. Хотя я недавно сïе отвѣдалъ, однако за тѣмъ во вѣки жениться не хочу, что во всемъ моемъ супружескомъ житье почти ни одного спокойнаго часа не имѣлъ, а скорая смерть жены моей несказанную печаль и муку мнѣ причинила. Христïянинъ его спросилъ. развѣ ты женою своею не щастливъ былъ? Ни какъ! [Отвѣчалъ ему жидъ,] жена у меня прïятная и добродѣтельная была; только все мое безпокойство отъ того произошло, что я безъ мѣры и безъ памяти еѣ любилъ. Христïянинъ по этому ты щасливъ, что женнина смерть, отвлекла тебя отъ любви тлѣнïя и суеты. [Жидъ.] Я того передъ десятью недѣльми за тѣмъ не думалъ, что еще въ тѣ поры жена моя жива была. Христïянинъ, каковожъ тебѣ въ тѣ поры было, какъ она умерла? [Жидъ.] Мнѣ о томъ безъ страху и вспомнить не льзя. Я десять дней сряду, ни есть, ни спать не могши, власно какъ безумной ходилъ. [Христïянинъ;] самъ ты другъ мой видишъ, что не разумная и всякую мѣру преступившая любовь твоя, въ сей твоей мукѣ и печалѣ источникомъ была! [Жидъ.] Не только государь мой мнѣ, да никакому человѣку сего важнѣйшаго на свѣтѣ случая перемѣнить не возможно. Любовь есть жестокой и мучительной огонь. Христïянинъ,] ежелибъ ты господинъ мой, Создателя и бога своего побольше любилъ, то бы плотская любовь смерти подверженной твари, не такъ тебя безпокоила. Правосудный богъ для того жену у тебя взялъ, что ты эту тлѣнïю подверженную тварь, выше Творца и больше Создателя своего любилъ. [Жидъ,] Я того не знаю, что притчина всегдашнему моему безпокойству была, только то подлинно вѣдаю, что я теперь послѣ женниной смерти гораздо спокойнѣе прежняго сталъ, а отъ страху будущей печали, по смерть свою жениться не хочу. Я [издатель книги о себѣ говоритъ,] этотъ разговоръ дослушавъ самъ себѣ подумалъ. Какъ не благополучны тѣ Христïянѣ, которые воздержанïемъ страстей ихъ, и мудрымъ отвлеченïемъ души своей, отъ всего земнаго толь великое спокойство сами себѣ прïобрѣтаютъ.

19.

Война у добра со зломъ.

На высокихъ горахъ ходящіе люди, тумамъ и всякую непогодь подъ ногами у себя имѣютъ, а сами на спокойномъ и свѣтломъ мѣстѣ стоятъ. Но какъ имъ на гору всходить, а взошедши тамъ устоять и содержаться, то обое сіе труду и печалямъ подвержено. На точное сему подобіе при отверженіи себя и всего свѣтскаго у тѣла съ душею, безъ такой же брани и драки не пройдетъ, какъ у воды съ огнемъ, когда стихія на стихію найдетъ, а одна другой уступить не похочетъ? Какъ скоро человѣкъ [по особливой благодати и милости божіей,] всю суету вещей свѣтскихъ узнаетъ, то вся тварь внѣ и внутрь его, противу сего воставши, начнетъ тому противиться и препятствовать, дабы человѣкъ сего познанія въ дѣйство не произвелъ. Тогда то плоть на духъ, а духъ на плоть воставши, такъ сильное другъ другу супротивленіе учинятъ, что во удѣсехъ и членахъ нашихъ живущей законъ, начнетъ противиться закону божію. Что больше человѣкъ побѣдить себя хочетъ, то больше супротивленія себѣ видитъ. Самые просвѣщенные люди до нынѣ сіе чувствуютъ. Избранный сосудъ и званный Христовъ Апостолъ Павелъ, самъ въ этой войнѣ искусившись, чрезъ посланіе свое къ Римляномъ цѣлую главу объ ней написалъ. Нужда сего житія на свѣтѣ, худое воспитаніе, злой обычай, обхожденіе со всякими людьми безъ разбору, а притомъ великое различіе нравовъ, сію войну умножаютъ и умаляютъ. По истиннѣ! На одолѣніе зла одного добраго и твердаго намѣренія весьма не довольно. Поощреніи ко всему злому, толь жестоки и не отступны, что о приведеніи человѣка въ мятежъ денно и нощно стараючись, тогда къ нему подкрадываются, когда объ нихъ и недумаетъ. Бѣдной человѣкъ не успѣетъ безгрѣшнымъ дѣломъ своимъ повеселиться, а суета съ прелестьми на него уже нападаючи, одною мыслію сильно человѣка боретъ. Ежели къ нечаянному случаю хотя малая не осторожность придетъ, то по естеству своему слабой человѣкъ дѣйствительнымъ паденіемъ узнаетъ, какъ немощно доброе его намѣреніе безъ силы и помощи божія. О сей то естественной слабости или немощи человѣческой, Господь и Спаситель нашъ, не только ученикомъ своимъ, но и всѣмъ во Святое его имя вѣрующимъ Христіяномъ рекъ. Бдите и молитеся, да не внидите

внидите въ напасть. Духъ бо бодръ, плоть же немощна. Самое искуство [практика] намъ показало, что человѣку отъ нападковъ искушенія, кромѣ молитвы и богомыслія избавиться нечѣмъ. Симъ соединеніемъ разума съ благодатію, подъ непреоборимымъ и божественнымъ руководствомъ, Царя мира и Спаса душъ нашихъ, можетъ человѣкъ великимъ легіономъ суетъ да мечтаней бодро противиться, и всѣ этѣ чудища его всесильною помощію побѣждать въ состояніи. Человѣку при всякомъ случаѣ и при каждомъ соблазнѣ ко грѣху, должно себя спросить. Что ты передъ собою видишъ? Къ чему подходишъ, и что намѣряешся дѣлать? Ежели сія душѣ нашей полезнѣйшая, а по вся минуты нужная осторожность, соединится съ твердымъ познаніемъ себя, и природныхъ слабостей своихъ; то человѣкъ заранѣе узнаетъ, дабы ему въ томъ мѣстѣ болверокъ и батарею дѣлать, гдѣ крѣпость души его слабѣйшія мѣста имѣетъ. Особливою остротою разума отъ бога одаренный Царь Давидъ, сію глубокую мудрость вмѣсто цѣльбы на всякія искушеніи употребляя, самъ о себѣ богу глаголетъ. Душа же моя въ руку моею выну. Закона же твоего не забыхъ. Сими словами богодухновенный Монархъ, такъ хотѣлъ сказать. Я всѣхъ движеней души моей съ такимъ прилѣжаніемъ, и толь осторожно смотрю, дабы она ни о малѣйшую суету не разбилась; а самъ съ собою, какъ съ непостоянною и крайне оплошною тварью, на всякое время рачительно поступая, того смотрю, дабы свирѣпыя страсти изъ сердца моего не вырвались, и всего спокойства души моей не опровергли. Гдѣ сія осторожность со истиннымъ и твердымъ намѣреніемъ о исправленіи себя подлинно соединена, тамъ она великое руководство ко укрощенію внутри насъ родящагося, и на душу всегда воюющаго зла, изобильно подаетъ. Многіе люди природной слабости естества своего удивляючись, а войну съ самими собою мужественно продолжая, такъ говорятъ. Не чудноель это дѣло, что я добро дѣлать намѣряюсь, только дѣломъ исполнить его не могу. А злоба хотя дѣлать и не хочу, только самымъ дѣйствомъ оное исполняю. Просвѣщенный Христовъ Апостолъ Святый Павелъ, хотя отъ этой у духа съ плотію войны совершенно и не свободился, однако отъ неѣ побѣжденъ не былъ; да о томъ бога благодаритъ, что Христосъ силою Креста и воскресенія своего, грѣховную силу въ немъ умертвивши, отъ

неволи сей смерти, то есть: отъ плотскія немощи званнаго посланника своего избавя, а внутреннюю войну въ немъ утишивши, въ совершенной миръ обратилъ. Лутчее человѣческое намѣреніе ни что, ежели человѣкъ самъ непостояненъ. Сію твердость съ постоянствомъ вѣтреная природа наша, больше всего отъ сильнаго напоминанія Духа божія въ совѣсти, тайнымъ движеніемъ сердца неизреченно получаетъ. Хотя всякъ сіе чувствуетъ, только тотъ человѣкъ симъ способомъ исправляяся, въ подлинное спокойство приходитъ, кто такъ живетъ, и сіе самымъ дѣломъ исполняетъ; отъ твердаго и подлиннаго намѣренія, праведныя и добрыя дѣла происходятъ. Убѣгнутой случай, рачительное воздержаніе языка, укрощеніе очей, испытаніе страстей своихъ, разсмотрѣніе природныхъ склонностей и мудрое разсужденіе, все сіе содержитъ въ себѣ тѣ оружія божія на природнаго душамъ нашимъ врага діявола, о которыхъ Апостолъ Павелъ пишетъ. Но въ такомъ случаѣ помощи отъ нихъ мало, ежели человѣкъ на всякомъ приключеніи истиннаго намѣренія противъ самого себя не употребляетъ. Вѣтхой человѣкъ власно какъ цѣпьми и желѣзы окованной левъ, внутри насъ живучи, на всякъ часъ того смотритъ, какъ бы ему изъ сихъ оковъ вырваться, ежели люди за нимъ смотрѣть не станутъ. Отъ сихъ вражіихъ нападковъ бѣдному человѣку кромѣ единой благодати божіей никакого исцѣленія нѣтъ, по слову Царя и Пророка. Аще не Господь созиждетъ градъ, въ суе бдѣ стрегій. Сильнѣйшая на сего естеству нашему всечаснаго врага, помощь и оборона, получается тѣплою и смиренною молитвою ко Господу и Спасителю глаголющему намъ: бдите и молитеся, да не внидете въ напасть. Онъ вѣрный богъ, крѣпкій щитъ, и покровъ нашъ не до пускаетъ человѣка во искушеніе выше силы его; но всегда намъ такую помощь даруетъ, дабы мы искусительное насланіе его снести могли. О превѣчный и неприступный свѣтѣ! Освяти внутреннія силы души моей свѣтлостію мира твоего. Очисти, просвѣти и оживотвори духъ мой, да вознесется къ тебѣ съ пѣніемъ и хвалою божественныхъ чудесъ твоихъ. Насыти мя изобиліемъ твоимъ Царю мира и жизни подателю. Даждь покой страждущей душѣ моей, въ силѣ благодати и помощи твоея. безъ тебѣ всемогущій боже! Все мое спокойство не совершенно, а вѣтхій человѣкъ воюя, непрестанно во мнѣ колеблется. бренное тѣло мое, не-

непрерывно воюющее на духъ мой, по нынѣ еще не умерщвлено: а сія междоусобная брань ихъ наноситъ мнѣ всечасное препятствіе мира и спокойства душевнаго. Творче и вседержителю мира! Воставъ, запрети страшной бурѣ страстей моихъ, да будетъ во благую тишину! Помози ми всесильный владыко! Да разсыплю стремленіе жестокихъ страстей моихъ, и да сокрушу ихъ божественною силою твоею. Возсіяй ми свѣтъ лица твоего Господи, и да поберетъ по мнѣ десница твоя, иного бо прибѣжища и спасенія не знаю кромѣ тебе боже Спасенія моего.

20.

Разныя движеніи благодати божія и природы.

Всегдашняя бранъ у добра со зломъ, по разнымъ движеніямъ благодати божія и разумнаго естества человѣча ясно оказывается. Поврежденная природа падшаго Адама не только слѣпа, но въ различеніи добра со зломъ крайне лукава. Понеже она чувствами жесточае всего побуждается, то всегда и обо всемъ по страстямъ своимъ разсуждаетъ. Безумное самолюбіе волнуетъ человѣка страстьми и вождѣленіями, а сими похотьми зажженное мнѣніе такія мечты въ человѣкѣ производитъ, которыя на видъ подобны правдѣ, а въ самомъ дѣлѣ всякой истиннѣ противны. Благодать божія [на противъ того,] проста, праведна, цѣломудренна и благочестива сущи, какъ въ праведномъ началѣ своемъ, такъ и въ подлинномъ состояніи вещей, всегда и отъ всякаго зла удаляяся, съ единою истинною соединяется. Обмана, лести и лицѣмерія терпѣть не можетъ. Во всѣхъ намѣреніяхъ и дѣлахъ своихъ единаго бога смотритъ, и въ немъ истинное себѣ спокойство находитъ. Упрямая, злая и лукавая природа вѣтхаго человѣка, отнюдь туды не думаетъ, и ноги тронуть не хочетъ, да замышляетъ въ тлѣнной чувственности рай себѣ построить. Къ сему ложному добру такъ сильно прилѣпился, что безъ неволи и принужденія отстать отъ него не хочетъ. Притомъ же не только самой смерти, но и напоминанія о ней боится. Отъ сего натурѣ великое безпокойство дѣлается, ежели у неѣ то отымутъ, что плоть и кровь вѣтхаго Адама, къ содержанію своему за нужнѣйшее признаваетъ; а движеніи благодати божія далѣе видимой твари простираючись, ни къ чему тлѣнному

ному не прилѣпляются. Они выше всего свѣтскаго подъемлючись, той тѣлесной прискорбности въ дѣло не ставятъ, отъ которой внутреннія силы духа преестественно укрѣпляются. Этѣ душамъ нашимъ полезнѣйшія движеніи благодати повинуются богу, а всему чувственному сильное сопротивленіе чинятъ. Для вѣчнаго оставляютъ времянное, а ради духовнаго забываютъ тѣлесное. Никакое униженіе имъ не мало, никакое послушаніе не противно, никакое наказаніе не жестоко, дабы токмо богу повиноваться, а внутреннимъ смиреніемъ вѣчнаго блаженства участниками быть. Натура ищетъ власти, чиновъ, чести и пользы. Для нихъ всякой трудъ безъ ропшанія несетъ. На противъ тому благодать больше всеобщей пользы, нежели собственной корысти ищетъ. Что всему народу можетъ пользу принесть, того благодать за вредъ не признаваетъ, себѣ почтенія не требуетъ, но другимъ людямъ чести желаетъ. Природа своей чести, а благодать славы божія ищетъ. Натура боится презрѣнія, а благодать за бога не только ругательство и безчестіе, да самые муки и смерть съ охотою терпитъ. Натура ищетъ покою тѣлеснаго, а благодать всѣ труды и безпокойства со усердіемъ на себя пріемлетъ. Натурѣ то надобно, что глазу пріятно; а благодать того ищетъ, чѣмъ сердце человѣческое исправляется. Временная забава веселитъ чувственную натуру, а скорби, болѣзни и бѣды крайне ей противны. благодать, [вопреки тому] веселится истинною честію, вѣчною правдою, благонравіемъ и добродѣтелью; то всего печальнѣе, что разумной человѣкъ бога себя, и умную природу безчеститъ, а въ душѣ своей живущей образъ превѣчнаго Творца, суетою помрачая, для маловременнаго имѣнія вѣчнаго блага лишается. благодати все сіе за тѣмъ прискорбно, что она по существу своему, кротка и милосерда будучи, свое собственное людямъ удѣляетъ, а сама малымъ довольствуючись, даяніе лутче взятія почитаетъ. На противъ того къ корыстямъ склонная природа больше о себѣ, нежели о другихъ людяхъ попеченія имѣючи, лутче взять, нежели людямъ удѣлить желаетъ. Только вся видимая нами тварь, естественныя страсти съ вождѣленіями, больше всего въ границы приводитъ. Все до тѣла касающееся, въ чувства приходящее, и до внѣшняго принадлежащее составляетъ главное намѣреніе Адамлей природы,

для

Для того она часто на землю смотря, и пестрой суетѣ удивляяся, всемъ усердіемъ къ ней прилѣпляется; а благодать по ступенямъ твари ко Творцу восходя, и для красоты невидимаго все видимое забывая, на всей землѣ ничего лутче премудрости и лутче страха божія не находитъ, а больше великодушія и добродѣтели ничего не любитъ, хотябъ еѣ за сіе любили, или бы самое не навидѣли. благодать единымъ богомъ довольствуется, а природа ни чѣмъ кромѣ чувственнаго не веселится. Натура требуетъ отъ свѣта чести, хвалы и награжденія, а благодать кромѣ бога и кромѣ вѣчнаго блаженства, никакого воздаянія не желаетъ. Натура ни чѣмъ земнымъ не насыщается, а благодать малымъ довольна будучи, только того алчетъ и жаждетъ, что бы ей богомъ наслаждаться. Природа веселится людьми, радуется о пріятеляхъ, о сродникахъ и о друзьяхъ равнаго себѣ чина, уповаетъ на сильныхъ, богатыхъ ласкаетъ, а подлыхъ ненавидя, презираетъ; благодать на противъ сего любитъ враговъ, а друзьями не превозносится больше добродѣтелей, нежели высокаго рода смотритъ, нищихъ милуетъ, бѣдныхъ призираетъ, утѣсненнымъ помогаетъ, радуется о неповинности, правду любитъ, ложъ не навидитъ; а людей всякими увѣщаніи къ тому склоняетъ, чтобъ они безгрѣшному богу и Спасителю своему подобны были. Натура любопытна и нетерпѣлива, а благодать терпѣлива и постоянна. Натура корысть любитъ, а благодать безмездна. Природа мстительна, благодать милосерда и великодушна. Натура своенравна и упряма, а благодать разумна и послушлива. Натура горда, а благодать смиренна. Натура къ земному прилѣпилась, а благодать небеснаго ищетъ. Природа сварлива, а благодать миролюбива. Натура свирѣпа, а благодать смиренна и человѣколюбива. Натура зла и лукава, а благодать правѣдна и блага. Природа вѣтрена и перемѣнна, а благодать тиха и постоянна. Натура рьяна и мятежна, а благодать кротка испокойна. благодать непрестанно чувственности супротивляяся, старается о укрощеніи страстей, собственную добродѣтель скрываетъ, а хвалу божію возноситъ. Не совершенства свои искренно призн вая, бога во всегдашнемъ смиреніи держится, дабы изъ сего источника благодать за благодать почерпать. Превѣчный и милосердый боже! Неизчерпаемый источниче всѣхъ благъ, и совершенныхъ даровъ благо-

благоутробный подателю, воззри на естественную бѣдность души моея, и обогатимя благодатїю твоею. Помози мнѣ укротить и совлещи погибшее грѣхомъ естество. Созижди во мнѣ кротость познанїемъ природной бѣдности моей. Наполни не достатокъ мой изобилїемъ щедротъ твоихъ. Даждь ми тлѣнїю землѣ и пеплу обрѣсти благодать, утѣшенїе и миръ предъ очима твоима Господи и боже мой.

21.

Изъ сихъ различныхъ движеней естества и благодати, можно видѣть какое смятенїе и безпокойство въ поврежденной грѣхомъ природѣ нашей скрыто, ежели благодать отъ человѣка удалится. По сему и недивно, что дрожжи много различной суеты, на то время въ умахъ нашихъ вредную кислоту производятъ, когда благодать божїя къ погибшему естеству нашему приближается, и сїе старое, кислое тѣсто свѣтомъ небесныхъ лучей просвѣтивши, усладить намѣряется. Духовныя наважденїи съ душевными искушенїями, отъ сей внутренней войны тогда больше оказываются, когда остатки ищезающей суеты, еще думаютъ дѣйству благодати божїей, ядовитымъ паромъ своимъ противиться; а въ сердцѣ человѣческомъ возрастающей свѣтъ правды затмить хотятъ, которой насъ отъ пагубной темноты ихъ избавляючи, къ вѣчному спокойству ведетъ. Тогда мятежная природа собственному благополучїю своему часъ отъ часу жесточае противиться начнетъ; а до сего времени тлѣнностьми забавлявшаяся чувствительность, не хочетъ того допускать, чтобъ безсмертной духъ отъ невольной погибели бреннаго тѣла своего, какими ли бо способы свобождался. Естественная нужда тѣла, обычай и природное безпокойство чувствъ, душу человѣческую на точное подобїе крѣпости, или укрепленнова города осадивши, уподобляются пушечному ядру привязанному къ ногѣ старова орла, или другой большой птицы, которая крылья свои маханїемъ разправляя, всякой часъ на воздухъ подняться желаетъ, но за великою на ногахъ ея тягостью взлѣтѣть не можетъ. Такъ точно тѣло душу нашу отягощаетъ; а миръ божїй нуждою времени, страхомъ или желанїемъ, боязнью или сумнѣнїемъ непрестанно обезпокоивается. Едва только должное попеченїе души нашей, о любви ко Творцу и богу своему Духовныя искушенїи.

 скло-

склонится, а природная охота душу съ мысльми къ свѣтской суетѣ и къ прелести обращать начнетъ. Что въ человѣкѣ самое послѣднее, то первѣйшимъ быть хочетъ. Отъ неосторожности произходящее, а обычаемъ отчасу укрѣпляющееся послабленіе, всю натуру развращая портитъ, а мечту со страстьми на престолъ разума возводя, человѣческимъ умомъ и волею на сильно обладать хочетъ. Какъ бѣдна и безпокойна жизнь человѣческая подъ властію сихъ тирановъ: сіе видно изъ нещастія такихъ людей, которые всегдашнимъ страхомъ и печалью о временномъ и тлѣнномъ мучатся. Сіе есть не обходимое слѣдство того невѣрія, что человѣкъ о будущемъ и не извѣстномъ съ безмѣрною боязливостью старается, а симъ безъ разсудным попеченіемъ ничего здѣлать не можетъ. Страхъ о маломъ не достаткѣ, да сумнѣніе о промыслѣ божіи, суть первые удары сего аггела сатанина. Всѣ безпокойныя мысли, всякое сумнѣніе, искушеніе, наважденіе, приведѣніи, мечты и страхъ душевной, [по видимому] изъ сего пагубнаго источника выходятъ. Сперва о милости и благодати божіей никто не сумнѣвается, только съ продолжающимся временемъ сія духовная болѣзнь, противными слѣдствами тѣлесныхъ нуждъ и обстоятельствъ помалу усиливается. Все сіе мятежное движеніе грѣхопаденіемъ развращеннаго естества человѣча, едвали не въ томъ аггелѣ сатанинѣ замкнуто, на котораго Святый Апостолъ Павелъ жалуется. Сіе язвительное въ плоти нашей жало безпрестанно пребываетъ, и разными образы побуждающая его нужда, различныя случаи къ душевнымъ искушеніямъ подаетъ. Что я здѣсь ни говорю, то все самою практикою или ежедневнымъ искуствомъ подтверждено; а теперь представлю достовѣрной случай такой жены, которую я [издатель книги о себѣ говоритъ] самъ видѣлъ. Сія жена по малу въ жестокое искушеніе приходя, вздумала, будто всемогущій Творецъ ее забылъ; а грѣхи ея такъ велики ей казались, что богъ никогда ихъ не отпуститъ. Напослѣдокъ въ такое сомнѣніе впала, будто уже никакого участія съ богомъ не имѣетъ, а потому временно и вѣчно погибла. Возжженному мнѣнію ея страшныя привидѣніи казались съ такою чудною мечтою, будто діяволъ ее мучитъ, но въ самомъ дѣлѣ ничего не бывало. Совѣсть ея загоревшимся мечтаніемъ такъ терзалась, что страждущая жена ни день ни ночь покою

не имѣя, кричала, плакала и безпрестанно металась, а тѣло ея отъ этой сердечной болѣзни и муки, всегда въ потѣ было. Призванной священникъ, всѣми силами ее утѣшалъ. Но какъ скоро отъ нее отлучался, то прежней страхъ съ сумнѣнiемъ опять на нее приходилъ. Сродники и прiятели, Христiянскимъ увѣщанiемъ страждущую разговаривая, читали передъ нею божественное писанiе, отъ чего болящая на малое время успокоивалась; но скоро потомъ еще въ горшую муку приходила. Сему толь великому ея духовному безпокойству разныя притчины были. Бѣдная жена о потерянiи единой деревни своей безмѣрно печалилась. Не покоривой сынъ худымъ житьемъ своимъ, весьма ея досаждалъ. Кромѣ ево еще четверыхъ дѣтей и стараго мужа имѣла; а къ содержанiю себя съ ними почти ничего уже не осталось. Не беззнатная жена отъ этой горести пить начала. За тѣмъ уже о промыслѣ и милости божiей усумнѣвшись, въ отчаянiе пришла. На сей случай объявимъ и пользованiе, дабы мы какъ не вѣрiемъ, такъ безмѣрнымъ любленiемъ временныхъ суетъ отъ бога не удалялись; но всѣ востающiя на насъ искушенiи и злыя мысли, благодатiю слова божiя и небесною силою Святыхъ Христовыхъ Таинъ, въ терпѣнiи и молитвѣ облегчали; также бы трудами, полезными разсужденiи и умными разговорами съ добродѣтельными людьми, заблаговренно прогонять и разсыпать старались. Помянутая во искушенiе впадшая жена, подъ божiимъ благословенiемъ въ слѣдующихъ четырехъ представленiяхъ, душевной мукѣ и духовной скорби своей облегченiе получила. Она во первыхъ такимъ разсужденiемъ укрѣпилась. Сей отъ бога наложенной мнѣ Крестъ, не есть знакъ гнѣва, но истинной любви и милости его ко мнѣ. Потому я вижу, что богъ о мнѣ помнитъ. На беззаконныхъ и нечестивыхъ никогда такого наказанiя не бываетъ. Всемогущiй создатель сiе тяжкое бремя на меня наложивши, самъ облегчая, и носить помогаетъ. 2. Для того я душу мою всею силою въ терпѣнiи скрепя, воли небеснаго Отца усердно покорюсь, пока злое время пройдетъ, не убоюсь разженныхъ стрѣлъ лукаваго, но пожду въ терпѣнiи и въ молитвѣ, пока онѣ мимо меня пролѣтятъ. 3. Мнѣ должно немощную вѣру мою укрѣплять непреоборимою силою слова божiя, и ему больше всѣхъ моихъ мечтаней вѣрить. Хотя бы сатана сими огненными стрѣлы своими душу мою уязвлялъ; но богъ силою Святаго слова

своего

своего меня бѣдную укрѣпитъ, и человѣколюбно возставитъ.

4. Всемогущему Творцу по безконечной своей премудрости угодно явилось, меня отъ такова грѣшнаго обычая отвесть, котораго я въ дѣло не ставила. [пьянство] Для того я праведнѣйшее Господа моего наказанїе благодарственно прїемля, съ терпѣнїемъ нести долженствую. Душеполѣзный совѣтъ Святаго Апостола Петра, на такїя случаи весьма силенъ. Противитеся дїяволу, и бѣжитъ отъ васъ. Прегордый духъ сатана, всѣхъ гордыхъ людей жестоко мучитъ. Ежели онъ съ разжженою мечтою къ человѣку подойти можетъ, то страшными мысльми за тѣмъ жестоко насъ мучитъ, что устрашенная душа такїя мысли весьма скоро въ себя принимаетъ. На сїю душу, и духу жестокую болѣзнь, то лутчее лѣкарство, дабы такїя мучительныя мысли изъ головы выгонять. Сїе то называетъ Петръ Святый сопротивленїемъ дїяволу. Это прегордому духу непокоренїе, потому не сносно, что оно всю адскую силу и власть его презираетъ. Темной и скорой духъ, отъ такихъ людей бѣгаетъ, которые на него не смотрятъ. Сему люциферу нѣтъ противнѣе того человѣка, которой прелестнымъ мечтамъ и безсильнымъ козням сего темнаго змѣя посмѣваяся, Христовымъ словомъ ему повелѣваетъ. Иди за мною сатано! А буде человѣкъ сему прелестнику и душевному врагу, хотя въ маломъ покорится; то сей ненавистникъ душевнаго мира и природной душамъ Христїянскимъ непрїятель, не только самъ къ послушнику своему прилѣпится, да еще семь горшихъ себя бѣсовъ къ нему приставитъ, а они уже бѣдную душу страждущаго человѣка бещисленными мечтами мучить начнутъ. Этѣ адскїе жители бѣдную душу въ сѣти ихъ впадшаго человѣка, такими вещми и мечтами на и болѣе мучатъ, о которыхъ страждущей въ память и въ разумъ пришедши, самъ узнаетъ, что все это самая ложъ, мечта, лесть и сущее привидѣнїе. Предъ симъ обьявленная жена сама исповѣдывала, что она въ бога истинно вѣруетъ; а дїяволъ ей внушалъ, будто она съ богомъ нималаго участїя не имѣетъ. Страждущая чувствовала, что сильна и со всѣмъ здорова, а врагъ ей представлялъ, будто она до утра не доживетъ. Сама видѣла, что все это ложъ и мечта, однако тѣмъ мучилась. Хотя она цѣломудренна и добрая жена была, а дїяволъ ей наущахъ, будто она ворожея и непотребнѣйшая всѣхъ грѣшницъ была.

Ей

Ей казалось, будто въ дому у неѣ моръ; а всѣ служители и дѣти ея здоровы были. Ей же видѣлось, будто всѣ ея бранятъ и ненавидятъ; а ни одинъ человѣкъ того не думалъ, но всѣ объ ней усердно жалѣли. Мечта ей казала, будто умершей отецъ съ нею говоритъ, а тѣ сродники у дверей стучатся, кои за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ померли. Иногда страждущей мстилось, будто нѣкто книгу передъ нею читаетъ, но тогожъ часа привидѣлось, будто полна камера бѣсовъ и ворожей набѣжавши кричатъ, чтобъ она книгъ не читала, и отнюдь не слушала, какъ люди читаютъ. Такое то страшное мечтанїе, бѣдную жену днемъ и ночью безпрестанно чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ мучило; а образумясь сама не могла тому надивится, какъ сильно еѣ сатана обманывалъ. Прилѣжное чтенїе слова божїя съ тѣплою молитвою, приносило страждущей великое облегченїе. Но какъ скоро продолженїе сего пресѣкалось, то мечта съ мятежнымъ мнѣнїемъ страждущую жену по прежнему мучить начинало. Эту ея бѣдность и душевную муку, издатель книги Гофманъ, чрезъ нѣсколько недѣль самъ видѣлъ; а по отъѣздѣ своемъ изъ Голандїи, отъ друзей своихъ слышалъ, что страждущая жена частымъ хожденїемъ въ церьковь, молитвою, постомъ и прилѣжнымъ чтенїемъ священнаго писанїя исправясь, въ совершенную цѣлость разума и здоровья своего пришла.

22.

Рачительное чтенїе слова божїя, постъ, молитва и терпѣнїе, отъ такой душевной муки и духовной болѣзни лутчее исцѣленїе. Пока бѣдствующая жена въ такомъ равенствѣ души своей находилась, до тѣхъ поръ здорова будучи, то за утѣшенїе себѣ почитала, что печаль ея часто перемѣнялась. Намъ тлѣннымъ людямъ, не довѣдомыхъ судебъ божїихъ знать не возможно. Премудрость и любовь божїя того отъ насъ требуетъ, что бы мы терпѣли и уповали. Царь Давидъ самъ себѣ говоритъ. Вскую прискорбна еси душе моя, и вскую смущаеши мя, уповай на бога, и той избавитъ тя. Пророкъ Iсаїя любовь божїю къ роду человѣчу, уподобляетъ любви птицъ ко птенцамъ, то есть: къ дѣтямъ ихъ. Только много такихъ случаевъ бываетъ, что птицы дѣтямъ своимъ ни малой помочи подать не могутъ; а божїя милость и помощь къ роду человѣчу, никогда не оскудѣваетъ,

Но терпѣнїе, укрощаетъ ихъ.

и ни на единъ часъ не пресѣкается, а особливо впадающимъ во искушенiе. Тутъ Отецъ небесный страждущихъ дѣтей, яко парящiй орелъ птенцовъ своихъ, осѣняетъ и хранитъ крилы своими день и нощь. Неизмѣрима любовь и безчисленно есть спасенiе его. Для сей притчины не должно намъ ослабѣвать въ любви ко Творцу своему, ниже унывать въ надеждѣ на бога нашего. Между тѣмъ должно человѣку веселиться перемѣною не щастiя своего, и отчасу лутчихъ временъ уповать; а особливо тогда, какъ человѣкъ примѣтитъ, что лучи небеснаго утѣшенiя и сквозь темноту печалей его проглядываютъ. Сими то способы милосердый богъ въ пустыни насъ питаетъ, дабы мы на пути прискорбностей своихъ не ослабѣли, но перемѣну бѣдствованiя нашего отъ надежды до упованiя и до вѣчнаго блаженства непрерывно продолжать могли. Всемогущiй Творецъ самъ, а по его велѣнiю и вся тварь [натура] въ дѣйствахъ своихъ весьма медленно поступаетъ. Тихiя движенiи ихъ, требуютъ довольнаго времени, труда и многаго терпѣнiя. Царствующiй Пророкъ певелѣваетъ намъ въ бѣдахъ и печалѣхъ своихъ столько же труда и терпѣнiя имѣть, какъ земледѣльцу. Кресьянинъ поле свое сперьва унавозитъ, потомъ пашетъ, за тѣмъ боронитъ, а на конецъ уже сѣетъ. Ни дождь, ни громъ, ни жаръ, ни вѣтръ и никакое ненастье отъ работы его не удерживаетъ. Потомъ за сѣнокосъ и за другiе работы принявшись, зрѣлости и совершенства сѣянныхъ плодовъ своихъ, то есть: разнаго званiя хлѣба съ терпѣнiемъ ожидаетъ. Сѣвъ его изъ земли выходя, колосится и зрѣетъ; а за тѣмъ уже Господь богъ земледѣльцовы труды изобильною жатвою благословляетъ. Всякъ изъ насъ [любезной читатель] земледѣлецъ, а жизнь наша земля. Сiю то плодородительную питательницу нашу великими на всякой день трудами воздѣловать должно, по Святому слову и велѣнiю общаго ей и намъ создателя. Въ потѣ лица твоего, снѣси хлѣбъ твой вся дни живота твоего. Часто мы сѣвъ свой слѣзами поливать принуждены; только эти слѣзныя капли въ радостную намъ пищу обратятся. Человѣку во ожиданiи жатвы своей, столько же бурь и непогодъ, какъ земледѣльцу претерпѣть надобно, по слову Царя и псалмиста. Сѣющiй слѣзами, радостiю пожнутъ. Хотя это подлинная правда, что гораздо легче людей терпѣнiю учить, нежели самому терпѣть; однако человѣку

должно

должно смотря потому времени поступать, въ которомъ живетъ. Вся тварь [натура] по состоянію своему терпитъ и страждетъ. Стихіи одна въ другую входитъ. Огонь уступаетъ водѣ, а вода огню мѣсто даетъ. Земля все несетъ и терпитъ; а на ней живущіе разумные люди ничего стерпѣть не хотятъ, хотя и могутъ. Сколько люди изъ суетной корысти терпятъ? Купецъ подвергается страху въ долговременныхъ поѣздкахъ, и весьма опасныхъ путешествіяхъ. Салдатъ на войнѣ смертельные страхи для того только терпитъ, чтобъ его хвалили; а Христіянѣ за спасеніе и за спокойство свое ничего стерпѣть не хотятъ. Не чудноель это дѣло? Не лутче ли намъ въ себѣ успокоившись, тѣ божія лозы съ благоговѣніемъ цѣловать, которыми онъ насъ во гнѣвѣ ярости своей отечески наказуетъ? Самое нещастіе должно насъ терпѣнію учить, когда мы перемѣну суеты въ человѣческомъ мученіи, и на скудѣльной славѣ свѣта сего ясно видимъ. Прямое разсужденіе съ познаніемъ вещей свѣтскихъ, не позволяетъ душѣ нашей о суетѣ и отлѣніи гнѣваться, или печалью погруженой быть. Тотъ человѣкъ весьма не терпѣливъ, кто больше того терпѣть не хочетъ, сколько ему угодно. Для чего мы волю божію въ границы привесть хочемъ? За чѣмъ наше невѣдѣніе безконечной его премудрости законы предписывать намѣряется? Для чего мы того не вспомнимъ, что Святые мученики, въ миліонную мѣру больше насъ терпѣли? Или мы хочемъ нетерпѣливостію своею природное состояніе суеты и ничтожества, въ постоянство и въ твердость превести? Развѣ мы не опомнимся, что не терпѣливость большую нужду и горшую бѣду содѣловаетъ? Кто малаго нещастія боится, на того большія бѣды приходятъ. Миръ и спокойство не совершенной жизни нашей не въ томъ состоитъ, что бы человѣку зла не чувствовать; да въ томъ больше заключается, дабы случающіяся намъ бѣды великодушно терпѣть. Кто скорѣе другихъ къ терпѣнію склоняется, тотъ наибольшее спокойство получитъ. Фома Кемписъ, третей своей книги въ главѣ 25, слѣдующее пишетъ. Ты другъ мой, въ суетной жизни своей на всякой часъ такому страху подверженъ, для котораго тебѣ духовное оружіе всегда въ рукахъ носить должно. Ты по среди такихъ непріятелей живешъ, которые на тебя съ правой и съ лѣвой стороны по всякой часъ нападаютъ. Ежели щитъ

терпѣнія съ себя сложишь, то никогда безъ ранъ не пробудешь. Ежели сердца своего симъ крѣпкимъ намѣреніемъ не вооружишь, чтобъ за бога все терпѣть, то со Святыми и блаженными торжествовать не возможешь. Которой воинъ крѣпко съ непріятелемъ бьючись, враговъ своихъ побѣждаетъ, тотъ и вѣнецъ получитъ, а кто оробѣвъ и побѣжитъ, тотъ великую нужду и бѣду претерпитъ. Ежели ты постояннаго удовольствія на землѣ желаешь, а совершеннаго спокойства въ жизни сей ищешь, то чего уже тебѣ въ будущемъ больше ожидать? Самые Святые и добродѣтельнѣйшіе мужи во плоти живучи, искушеніе терпятъ и брань творятъ. Готовся лутче къ войнѣ, нежели къ миру. Не ищи себѣ удовольствія на землѣ, и ни въ какой твари подъ небесемъ, но въ единомъ бозѣ. Отъ должной къ нему любви, ни трудами, ни скукою, ни болѣзнію, ни печалью, ни искушеніемъ, ни страхомъ, ни обидою, ни презрѣніемъ и никакими бѣдами человѣку отвращаться не должно. Сихъ земныхъ травъ плетется Христіянамъ вѣнецъ небесной славы, которую тебѣ самъ богъ за маловременное терпѣніе даруетъ. Самое искуство [практика] насъ сему учитъ: что со временемъ выростаетъ, то со временемъ же и пропадаетъ. Это больше всего, въ радости да въ печали видно. Намъ надлежало о такой перемѣнѣ и обновленіи натуры, или всей твари веселиться; а мы за то ропщемъ, что терпѣніе наше перемѣняется. Апостолъ Павелъ терпѣніе въ настоящей жизни, маловременнымъ и легкимъ называетъ. Маловременнымъ потому, что оно скоро родится и скоро уходитъ, а легкимъ для того, что оно бѣжитъ, течетъ, лѣтитъ и ни чѣмъ удержано быть не можетъ. Вчера я былъ веселъ, сего дни печаленъ, а завтра и то и другое минется. Печаль да бѣда со временемъ приходитъ, со временемъ же и уходитъ. Въ бѣдѣ да въ печали то всего лутче, что онѣ на всякое мгновеніе ока исчезаютъ. Самое время тяжелѣ всего. Оно всякую нужду на легкихъ крылахъ своихъ носитъ. Христіянское утѣшеніе лутче мудрованія древнихъ Философовъ и всѣхъ языческихъ писателей. Они говорятъ не извѣстное, а вось либо: а вѣрою Христовою просвѣтитель ихъ Апостолъ Святый Павелъ, такъ пишетъ. Вѣмы, въ него же вѣруемъ. Извѣстихъ бо ся, яко ни смерть, ни животъ, не возможетъ насъ разлучити отъ любве божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Языческое терпѣніе

живетъ

живетъ въ умѣ, да въ добромъ мнѣніи; а Христіянское терпѣніе обитаетъ въ душѣ и въ сердцѣ. Успокоимъ же предъ богомъ своимъ сердца наша смиреніемъ, надеждою, вѣрою, любовію и молитвою. Тотъ же Святый Апостолъ Павелъ пишетъ. Хвалимся въ злостраданіи нашемъ. Высокая степень терпѣнія! А что оно производитъ? Надѣжное упованіе будущей славы и блаженства вѣчнаго. Оно же вливаетъ въ сердца наши Духомъ Святымъ истинную любовь божію, въ которой ни страха, ни муки нѣтъ, по слову Святаго Іоанна богослова. Истинная любы страхъ изгоняетъ вонъ. Я никогда не отчаяваюсь, но въ непрестанной на Творца своего надеждѣ по всякъ часъ лутчаго уповаю. Для того всемъ доволенъ и всегда спокоенъ, что внѣшніе случаи и припадки мои, вѣчной его правды никогда не перемѣнятъ.

23.

На словѣ божіи и на Святыхъ его заповѣдяхъ, съ непреложнымъ обѣтованіемъ утверждающееся Христіянское упованіе, безъ всякаго сумнѣнія, несравненно больше силы имѣть должно, нежели естественная надежда. Она подобна жаждѣ больныхъ людей, которые сколько ни пьютъ, а напиться не могутъ. Христіянское упованіе гораздо постояннѣе будучи, заключаетъ въ себѣ дѣйствительное утѣшеніе. Оно человѣка въ бѣдахъ веселымъ, а въ напастяхъ терпѣливымъ творитъ. Языческая надежда веселится непостоянствомъ и тлѣнностію настоящей жизни; а Христіянское упованіе радуяся о жизни будущаго вѣка, и слову божію несумнѣнно вѣря, настоящее нещастіе великодушно и бодрственно несетъ. Сіе то есть подлинной знакъ будущаго нетлѣнія. Но грѣхъ сію духовную силу такъ умалилъ, что естественнаго человѣка надежда, одно только непостоянство; а ветхаго Адама вѣра, всегдашнее сумнительство. Мы въ этомъ обстоятельствѣ подобны носящей насъ землѣ. Она сама собою ничего произрастить не можетъ, но имѣя нѣкоторое согласіе съ солнцемъ, чрезъ дѣйство лучей его многоразличныя твари производитъ. И такъ главная сила надежды нашей въ безсильномъ желаніи завернувшись, до тѣхъ поръ безъ всякаго дѣйства лежитъ, пока солнце небесной благодати, сіе желаніе лучами своими нечаянно осѣнитъ и просвѣтитъ. Всѣ науки въ умѣ

Надежда Христіянская.

человѣческомъ кромѣ одной неизвѣстности, ничего подлиннаго произвесть не могутъ, ежели сіяніе славы и милости божія въ насъ не подѣйствуетъ. Первое и главнѣйшее движеніе благодати есть то, дабы Христіянинъ все упованіе свое на бога возлагалъ, потомъ бы къ слушанію слова божія, и ко исполненію добродѣтелей усердное желаніе имѣлъ; и симъ бы богу пріятнымъ руководствомъ желаемаго спокойства достигнуть могъ. Платоновы ученики и послѣдователи не даромъ вѣрятъ, что любленіе добродѣтели, есть самое дѣйство того превѣчнаго существа, которое природу человѣческую сею блаженною склонностію, черезъ всякую тлѣнность къ самому богу возвышаетъ, для полученія отъ него чудотворной силы на послѣдованіе ему. Они видѣли малѣйшей блескъ той божественной славы, которую Христосъ Спаситель нашъ, присносущный свѣтъ Отчей славы, Святымъ Евангеліемъ своимъ въ пребольшее и совершенное, сіяніе произвелъ. Сіе на спасеніе рода человѣча съ небесъ сошедъ, и воплотився богъ нашъ, благоволилъ на себя принять немощное естество наше, для сотворенія онаго участникомъ всесильнаго естества божія. Отъ сего то произошла надѣжда жизни будущаго вѣка, съ тою несумнѣнною вѣрою, которая все видимое и временное для полученія невидимаго и вѣчнаго, великодушно препобѣждаетъ. Сія любовь божія, творящая насъ участниками заслугъ, силы и даровъ Христа бога нашего, называется благодать. Различныя дѣйства ея вѣрою, любовію и терпѣніемъ приводятъ человѣка къ той вѣчной славѣ, куда онъ собственными силами притти не можетъ. Свѣтская Философія довольныхъ къ тому силъ не имѣя, ложно обьявляетъ, будто человѣкъ бещастнымъ припадкамъ въ жизніи своей, собственными силами противиться не можетъ. Совершенство этой мирской Философіи подобно намалеванной виноградной кисти, высокой и преславной Апельсовой работы: а сія кисть ни что иное, какъ преизрядная живопись безъ существа и безъ жизни. Ни планеты, ни духи, ни другая какая либо тварь, никогда сего не здѣлаетъ. Они могутъ поощреніи въ человѣкѣ умножить, тлѣніемъ и суетою чувства наши возжечь, а притомъ человѣка упрямымъ, жестокимъ, безпокойнымъ и гордымъ учинить. Напротиву же того кротости, жалѣнія о грѣхахъ, покаянія, вѣры, надѣжды, любви и терпѣнія, за тѣмъ человѣку принесть не могутъ, что всѣ сіи добродѣтели проистекаютъ отъ

вышней силы, которая насъ упованiемъ веселитъ и ободряетъ. Душа человѣча тѣмъ не довольна, что бы ей минувшее памятью оживлять, а настоящимъ наслаждаться; но будущее надѣждою постигнуть желаетъ, и о томъ непрестанно старается. Пока надѣжда къ земли прилѣнится, до тѣхъ поръ ей лутче земнаго быть не льзя. Все земное изъ толь многоразличныхъ и такъ тончайшихъ противностей между собою смѣшано, которыхъ ни лутчая химiя разобрать не можетъ. По сему въ свѣтѣ гораздо больше худова, нежели добраго: а ежели и на хорошее въ очкахъ посмотрѣть, то въ немъ много худова и мерзскаго найдется. Весь земной кругъ больше воды, нежели земли имѣетъ. Для того на свѣтѣ больше волненiя и мятежей, нежели тишины и спокойства. Чего намъ отъ земныхъ вещей ждать, то больше причины къ печали, нежели къ радости подавать долженствуетъ. Какъ же свѣтской надѣждѣ спокойной быть, когда всегдашней страхъ по пятамъ за нею идетъ? Сонныя привидѣнiи могутъ насъ прiятными образы прельщать. Они водяною болѣзнiю страждущаго, къ колодезю чистой воды мелянколика, въ веселую бесѣду приводятъ, а съ хромымъ или съ безногимъ человѣкомъ на постѣлѣ взапуски бѣгаютъ. Такiя мечты спящимъ прiятны; а земная надѣжда ни чѣмъ ихъ не лутче. Она людей на яву такими вещми обманываетъ, которыя натурѣ ихъ нимало не пристойны. Маловременная жизнь на исполненiе замысловъ и желаней нашихъ весьма кротка, а къ неизбѣжнымъ болѣзнямъ очень долга. Человѣкъ этѣ немощи часто и тѣми способы на себя привлекаетъ, которыми отъ нихъ убѣгать старается. Мы бы по сему бѣднѣе всѣхъ тварей были, ежелибъ лутчей жизни не уповали. Крайне тотъ человѣкъ щастливъ, кто въ настоящей жизни такое художество знаетъ, которое бы его въ бѣдахъ и въ болѣзняхъ нечувствительнымъ учинить могло. Сiе пречудное художество есть надѣжда. Она молнiю и громъ въ солнечное сiянiе обращаетъ; а человѣка передъ глазами нещастiя невидимымъ творитъ. Въ одно мгновенiе ока, не только отъ земли къ небеси насъ возводитъ, но самого бога къ сошествiю на землю въ помощь нашу, вѣрою и любовiю склоняетъ. Свѣтская надѣжда неизвѣстностiю наполнена. Между многими обширностьми едва одно награжденiе получаетъ. Тысяча человѣкъ милости великаго господина ищутъ, а одинъ еѣ получаетъ. Не всѣ по морю ходящiе золотое руно приво-

привозятъ. Воюющія не всякую баталію выигрываютъ. Лотерейною удачею не всякъ набогащается. Неудачная надѣжда подлиннѣе всего; а небесное упованіе такъ извѣстно, что Апостолъ Святый Павелъ, о немъ какъ о подлиннѣйшемъ имѣніи пишетъ. Сей избранный сосудъ божій истинныхъ Христіянъ, еще на семъ свѣтѣ соучастниками Ангеловъ, чады божіими, и наслѣдниками Іисусъ Христовыми праведно имянуетъ. Естественная надѣжда состоитъ въ страхѣ смѣшанномъ съ болѣзнію и печалію. Человѣкъ вещію веселится; но объ отсудствіи оныя сильно печалится, и ждетъ ея съ болѣзнію. Напротивъ того небесная надѣжда съ крѣпкою вѣрою и съ несумѣнною извѣстностію будучи соединившись, и ни на какія трудности не смотря, къ намѣренію своему постоянно и за тѣмъ радостно течетъ, что судія нашъ, предстатель и заступникъ намъ учинившись, въ помощь нашу духа своего даровалъ; а путь ко спасенію такъ легкимъ учинилъ, что жены, дѣвицы и самые дѣти такъ много героичныхъ дѣлъ учинили, что вся языческая Философія постигнуть ихъ не могла. Къ небеси возводящая насъ Христіянская надѣжда, плѣняетъ человѣческое спокойство крѣпкимъ упованіемъ. Приводитъ самолюбіе въ доброй порядокъ, творитъ его согласнымъ съ волею божіею, а человѣка всегда къ тому концу и намѣренію ведетъ, къ которому онъ отъ бога созданъ.

24.

Вѣра преодолѣваетъ.

Въ непорядочной любви ко всему временному, всегдашней страхъ и боязнь. О нечаянномъ потеряніи онаго за симъ страхомъ слѣдуетъ не извѣстность съ нетерпѣливостію. Пропалъ я со всемъ, куда мнѣ дѣваться? Что дѣлать? Кто мнѣ поможетъ? это обыкновенныя жалобы и знакомыя рѣчи невѣрія. Сію нетерпѣливость выгнала любовь божія изъ сердца Авраамова тою вѣрою, о которой Апостолъ Павелъ пишетъ. Вѣрова Авраамъ богу, и вмѣнися ему въ правду, и другъ божій наречеся. Сей праотецъ тамъ вѣровалъ, гдѣ ничего не видалъ; тутъ надѣялся, гдѣ никакой надѣжды не было; а терпѣніемъ въ такихъ случаяхъ себя укрѣплялъ, гдѣ ему всѣ естественныя силы противны казались. Признавши немощь съ ничтожествомъ своимъ изъ себя выходитъ

дить. За тѣмъ уже спокойнымъ уничтожившись, ожидаетъ помощи отъ бога всемогущаго. Отъ сего то происходитъ крѣпкая надѣжда на обѣтованіи божія, которымъ Авраамъ, больше нежели самому себѣ вѣритъ. Изъ сего родится терпѣніе съ твердымъ упованіемъ на сильнѣйшаго всѣхъ бога. Въ то время душа его спокойна была, а онъ отъ всякой впредь печали о будущемъ житьѣ и обо всемъ состояніи своемъ, совершенно избавился. Сію истинную вѣру Авраамлю, Святый Апостолъ Павелъ, посланія своего къ Римляномъ въ главѣ четвертой, ясно описалъ. Сію то Святую вѣру всякой Христіянинъ имѣть, и чрезъ всю жизнь свою хранить долженъ, ежели чрезъ ея силу и посредство, также какъ Авраамъ богу пріятнымъ учинить себя желаетъ. Сія истинная вѣра заключаетъ въ себѣ правду, искренность сердца, и чистую любовь къ богу, безъ всякаго лицемѣрія и притворства. Сія же Авраамля вѣра соединилась съ послушаніемъ зовущему богу, и еще съ отверженіемъ себя. Авраамъ не смотрѣлъ на обычаи человѣческіе, и на законы земли своей; ни отца, ни матери, ни жены, ни дѣтей больше бога не любилъ, ни воспитанія, ни природныхъ склонностей и никакихъ примѣровъ выше правды не почиталъ. Жители земли его идолопоклонники были; а отецъ Авраамовъ, этѣ болваны самъ точилъ и рѣзалъ. Правовѣрный Авраамъ на все сіе не взирая, единаго истиннаго бога Творца небу и земли, всемъ сердцемъ и духомъ своимъ такъ возлюбилъ, что лутче отечество свое оставить, а сего исповѣданія лишиться не хотѣлъ. Какъ Авраамъ срамоту идолопоклонства одноземцамъ своимъ показалъ, такъ скоро Халдѣи ево изъ земли своей выгнали; а онъ и по чужимъ землямъ странствуя, сей вѣрности ко Творцу своему нимало не отмѣнилъ, которая богу выше и дороже всѣхъ Авраамлихъ добродѣтелей была. Понеже Авраамъ къ великой вѣрѣ своей добрыя дѣла присовокупилъ, то еще пріятнѣйшимъ богу учинился. Только сія искренность вѣры его внѣшнія и внутренния искушеніи съ препятствами имѣла. Вся чувственная натура, сей великости Авраамовой вѣры естественно противилась. Родитѣли, сродники, друзья, тѣлесныя немощи, состояніе жены ево, все сіе вѣрѣ Авраамлей сопротивлялось. Но истинной воединаго бога вѣрѣ основатель Авраамъ, Творцу и Господу своему, больше нежели всей твари духомъ и сердцемъ

своимъ вѣрилъ. До исполненія самимъ богомъ учиненнаго Аврааму обѣтованія много лѣтъ минуло. Къ тому же сей Патріархъ, со умноженіемъ старости своей отчасу болѣе въ силахъ своихъ хотя и ослабѣвалъ; однако и на самое умерщвленіе плоти своей не посмотря, а на мертвость ложесnъ Сарриныхъ нимало не взирая, Ісака сына своего родилъ. Извѣстенъ бывъ; [къ Римляномъ глава 4:] яко еже обѣща богъ, силенъ есть и сотворити. Неписано же бысть за него единаго точію, яко вмѣнися ему въ правду, но и за ны имъ же хощетъ вмѣнитися, уповающимъ на воскресившаго изъ мертвыхъ Іисуса Христа Господа нашего, иже преданъ бысть за прегрѣшеніе наше, и воста на оправданіе наше. Кто богу такъ же угодить желаетъ, каковъ Авраамъ пріятенъ ему былъ, тому человѣку и вѣру Авраамлю имѣть должно. Авраамово обѣтованіе далеко впереди было, а у Христіянъ не только весьма близко, но и всегда передъ глазами. Когда Авраамъ одному божію обѣщанію вѣровалъ, то для чего намъ по исполненіи сего обѣтованія, на бога не уповать? Когда Авраамъ богу противъ естества вѣровалъ, то для какой притчины намъ нынѣ, ему же Создателю своему невѣрить, тому же Творцу небесе и земли, когда разумное естество и небесное откровеніе вѣрующихъ во Христа бога нашего тому учитъ, что лутче безопасное и совершеннѣйшее спокойство человѣческое въ вѣрѣ божіей состоитъ? Отъ какихъ великихъ бѣдъ и печалей сія Святая вѣра насъ избавляетъ, ежели она таковажъ, какова вѣра Авраамля. Все на свѣтѣ перемѣнно, не постоянно и не извѣстно, а сія природная неизвѣстность въ несовершенномъ разумѣ тлѣнію и смерти подлежащаго человѣка, ежедневное безпокойство и скуку причиняетъ. Какимъ же бы намъ способомъ изъ сего мятежа и волненія щасливо вытти? Отъ него, кромѣ единой вѣры ни чѣмъ свободиться не возможно. Она только единая всякія сумнительства разсыпая, вооружаетъ насъ твердою извѣстностію и не преоборимою надѣждою. Все благополучіе нашe на семъ столпѣ утверждается. Безъ вѣры божія свѣтъ стоять не можетъ. Весь родъ человѣческій на вѣрѣ основанъ, а на уповаціи утверждается. Ни когдабъ земледѣлецъ не пахалъ и не сѣялъ, ежелибъ не вѣрилъ и не надѣялся, что земля ввѣренное ей семя со вторицею ему отдастъ. Кто не повѣря карабельщику, и неположась на твердость корабля, на

на море поѣдетъ? Кто отъ болѣзни своей безъ вѣры богу, и безъ надѣжды на лѣкаря исцѣлеть можетъ? Можноль наукѣ или художеству безъ того научиться, ежели ученикъ учителю своему не повѣритъ? Земля, вода, воздухъ и ближней, къ собственной нашей пользѣ, вѣры съ вѣрностію не обходимо отъ насъ требуютъ; но мы сей должности богу отдать не хочемъ, а симъ долгомъ вся тварь Творцу и создателю своему обязана. Свойство нрямыхъ Христіянъ въ томъ состоитъ, чтобъ они богу также крѣпко вѣровали какъ Авраамъ. Тогда они наибольшее спокойство почувствуютъ, когда сами себѣ, и другъ друга и всю жизнь свою Христу богу предатуютъ. Въ томъ намѣреніи Святый Апостолъ Павелъ [ко Евреo: гл: 11] вѣру божію извѣщеніемъ уповаемыхъ, и обличеніемъ вещей невидимыхъ праведно называетъ. Печальной смотря на стоящую передъ глазами его бѣду, хотя помощи себѣ и невидитъ, но вѣра его на сію извѣстную помощь толь ясными очами зритъ, что бѣдной человѣкъ отъ сей радости всю свою печаль и бѣду забываетъ. Отъ сего родится духовное утѣшеніе, и всякъ умъ превосходящее спокойство. Сею вѣрою ободренной человѣкъ довольно знаетъ, что богъ отъ великой нужды его избавилъ, а въ малой печали всеконечно уже не оставитъ. Сей божественной вѣрѣ не въ головѣ и не въ мечтаніи, но въ сердцѣ и въ совѣсти быть должно. Истинная вѣра не суетное мнѣніе, не мечта и не самого себя обманъ, но чистота сердца, простота, справедливость предъ богомъ, и такая духовная сила, которая сердца наши очищаетъ, страсти укрощаетъ, мечтаніе преодолѣваетъ, естество въ порядокъ приводитъ, человѣка богу покаряетъ, и весь суетной свѣтъ сей преестественно побѣждаетъ. И сія есть побѣда, побѣдившая миръ нашъ: [Іоанна послан: гла: 5.] а какъ сіе дѣлается? Когда ты чувства свои разуму, а разумъ богу покоришъ. Вѣра божія не одни слова, не ложная мысль, и не пустое мечтаніе, но самое дѣло, непоколебимая вѣрность и вѣчная правда. Не погнѣвайся дорогой читатель о томъ, что издатель сей книги безчестное заблужденіе, многихъ вѣры отпадшихъ людей, слѣдующими словами мудраго язычника безъ отвѣтно посрамитъ. Кто заповѣди божія знаетъ, но по онымъ только единожды, или двожды исполнитъ, тотъ еще въ добродѣтеляхъ несовершенъ. Сему великому дѣлу то главнѣйшая

шая сила, что бы человѣку во всякомъ добрѣ тверду, ревностну и постоянну быть, а истинную вѣрность и благую вѣру не поколебимо хранить. Въ самыхъ человѣческихъ дѣлахъ, великой тому человѣку стыдъ и вредъ, кто вѣру и вѣрность нарушитъ; а въ божественныхъ вещахъ несравненно уже болѣе того безсовѣстно и беззаконно будетъ, ежели человѣкъ союзъ свой съ превѣчною правдою и премудростію наруша, не всегда потому поступать будетъ: что единожды истиннымъ, благимъ и праведнымъ призналъ. Древніе пифагорцы говаривали. Ежели ты во святилище войдешъ, то никогда изъ него не выходи. То есть: кто къ богу единожды прилѣпится, тотъ уже никогда отъ него не отступай, а сердцемъ и душею къ тлѣнному не прилѣпляйся. Усердно бы того желать надлежало, дабы многіе Христіянами называющіеся, богу такъ вѣрны, а въ добромъ столь постоянны были, какъ сей мудрой язычникъ пишетъ. Мы больше всѣхъ народовъ притчины къ сему имѣемъ, для того что Христіяне вѣрность божію къ себѣ, болѣе праотцовъ, и подлиннѣе всѣхъ язычниковъ знаютъ. богъ намъ не только волю свою ясно объявилъ, но и то святѣйшее слово свое даровалъ, въ которомъ всѣ отъ бога избраннымъ праотцамъ учиненныя обѣтованіи, особливо же Авраамму реченное дарованіе, о сѣмени твоемъ благословятся вси языцы, самымъ дѣломъ исполнились. Мы то оныя народы или языки, которые о сѣмени Авраамовомъ, то есть: о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ благословлены. Чрезъ сего то Спасителя миру получили мы примиреніе съ богомъ создателемъ нашимъ. Сей воплощенный богъ нашъ, открылъ намъ путь къ небеси и ко спасенію, Апостолами и проповѣдники Святаго Евангелія своего. За тѣмъ уже и отъ насъ взаимной къ себѣ вѣры съ вѣрностью требуетъ. О семъ то божественномъ примиреніи Святый Апостолъ Павелъ слѣдующее пишетъ. Оправдившеся убо вѣрою, миръ имамы къ богу Господемъ нашемъ Іисусъ Христомъ. Аще бо врази бывше, примирихомся богу смертію сына его, множае паче примирившеся, спасемся въ животѣ его. Средостѣніе [простенокъ или раздѣлъ] между богомъ и человѣки, была грѣшная плоть наша со страстьми и похотьми своими, воюющими во удесехъ нашихъ. Христосъ миръ нашъ, раззоривъ сію вражду плотію своею, примирилъ насъ съ богомъ смертію креста своего, и данною намъ правдою, силы страстей въ человѣкѣ укротилъ.

Чрезъ

чрезъ сіе получили мы свободной доступъ къ богу, творящему насъ участниками благодати своей. Онъ создатель нашъ извѣстнымъ упованіемъ славы своея, всѣ горести и бѣды временнаго житія нашего усладилъ. Отъ сей благодати такой миръ въ душахъ нашихъ произходитъ, что человѣкъ не только временной печали не чувствуетъ, но еще тѣмъ хвалится, что сіе посѣщеніе отъ примирившагося намъ бога и Отца небеснаго приходитъ. Печаль въ малодушныхъ сердцахъ роптаніе, а въ вѣрующихъ терпѣніе содѣлаваетъ. Терпѣніе производитъ искуство, искуство содѣловаетъ упованіе, упованіе же не посрамитъ. Понеже вѣрою утвержденной Христіянинъ, крестъ свой великодушно на себя пріемля съ терпѣніемъ несетъ; то печаль, чрезъ сіе главную силу и тягость свою теряя, обращается въ несумнѣнное упованіе на силу и на помощь божію. Что больше плоть отъ ношенія креста изнемогаетъ, тѣмъ больше духъ въ силѣ и благодати укрѣпляется. Для сей притчины, многіе вѣрою утвердившеся, печаль такъ возлюбили, что безъ неѣ, жить не могли. Не естественною силою или волею ветхаго человѣка, но вѣрою и любовію божіею, а притомъ благодатію Іисусъ Христовою въ дѣйство производится. Сія божественная благодать и милость его, духу нашему то пріятнымъ творитъ, что немощной плоти человѣческой по естественной слабости ея, до пришествія сына божія на землю, не возможно было. Отъ изобилія всего мира кроткій Давидъ, бога сими словами хвалитъ. благо мнѣ, яко смирилъ мя еси. Въ которомъ сердцѣ хвала божія, тамъ кромѣ сладости и спокойства никакой горести нѣтъ. Когда сила грѣха ложнымъ довольствомъ своимъ насъ усыпляла, то благодать вѣры несравненно больше и сильнѣе сего истиннымъ миромъ всѣхъ насъ успокоить можетъ. Послѣ войны грѣховной произходитъ въ насъ побѣда вѣры. Она весь мятежъ безпокойнаго свѣта, внѣ и внутрь насъ побѣждаетъ. Внутрь [къ Римлян: Гл: 8] ни кое же нынѣ осужденіе сущимъ во Христѣ Іисусѣ, не по плоти ходящимъ но по духу. Внѣ человѣка, аще богъ по насъ кто на ны? Иже убо сына своего непощаде, но за ны вся предалъ есть его, како убо и не вся намъ съ нимъ дарствуетъ? Сіе духовное спокойство происходящее отъ силы вѣры, учинило Апостола Павла, во многихъ искушеніяхъ, въ бѣдахъ и въ гоненіяхъ не только кроткимъ и въ себѣ спокойнымъ, но и-

до самой смерти такъ его ободрило, что во узахъ и оковахъ сидя, передъ мученическою кончиною своею, въ четвертой главѣ втораго посланія къ Тимофѣю, всѣмъ правовѣрнымъ сіе прощательное утѣшеніе написалъ. Азъ убо жренъ бываю и время моего отшествія наста. Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Протчее убо соблюдаетъ ми ся вѣнецъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный судія, не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе его.

25.

Силою Христовою и его спасительнымъ примиреніемъ.

Сію духовною радость Павелъ Святый, въ жесточайшихъ гоненіяхъ и бѣдахъ своихъ самъ вкусивши, приписываетъ ея любви явленія Христова. Истинною въ сына божія вѣрою очищенная совѣсть его, съ неизглаголанною радостію предвидя, ожидаетъ пришествіе праведнаго судіи всему миру, вѣдая, что въ сущихъ о Христѣ Іисусѣ, никакого осужденія нѣтъ. Во Христа облечся, есть то, дабы въ силѣ смерти Христовой грѣху умереть, а въ воскресеніи его вѣчной правдѣ жить. Чрезъ Христа Іисуса съ богомъ примирясь на безконечную вѣчность соединиться, отъ грѣховъ происходящаго смятенія и беспокойства избыть; напротивуже того, мира, Любви, силы, жизни и духа божія участниками быть, по слову Спасителя нашего: [сітъ Іоан: гл: 17] яко же ты отче во мнѣ и азъ въ тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ. Азъ славу, юже далъ еси мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, яко же и мы едино есьмы. Отче! Ихъ же далъ еси мнѣ, хощу, да идеже азъ есмь, и тіи будутъ со мною; давидятъ славу мою, юже далъ еси мнѣ. Азъ сказахъ имъ имя твое, и скажу да любы, ею же мя еси возлюбилъ, въ нихъ будетъ, и азъ въ нихъ. Сіе то есть, оное величайшее таинство возвращанія тѣхъ вещей, которыми во грѣхъ падшееся естество наше, силу свою теряя, умерщвляется, а духъ божій чрезъ Христа Іисуса человѣку сообщенъ бываетъ. Все грѣхопаденіемъ причиненное смятеніе разумной твари, чрезъ примиреніе съ богомъ на прежней безгрѣшной путь возвращается; а погибшій человѣкъ къ богу, яко къ срединѣ мира и спокойства своего, обратно приводится, по слову Апостольскому: примирившеся Христомъ, миръ имамы съ богомъ. Грѣхъ человѣка съ богомъ и Твор-

Творцомъ его разлучилъ. богъ непоколебимо благъ остался; а грѣхъ людей злыми учинилъ. богъ во вѣки праведенъ пребудетъ; а грѣхъ превратилъ сердца наша въ злобу. богъ нашъ былъ, есть, и всегда будетъ жизнь; а грѣхъ учинился смертїю всему благому. богъ былъ человѣку до грѣхопаденїя его свѣтомъ и радостїю; а грѣхъ помрачилъ разумъ и волю въ человѣкѣ заблужденїемъ, своенравствомъ, страхомъ и печалїю. различїе природъ, учинило по неволѣ вражду между богомъ и человѣки. Апостолъ Святый Павелъ, сїе бѣдственное рода человѣча состоянїе, слѣдующими словами выражаетъ. Егда отдалени врази бѣхомъ богу. Сїя пагубная вражда у твари съ Творцомъ, великой въ себѣ гнѣвъ, темноту, печаль и такую горесть содержитъ, которая человѣка сперва печальнымъ, лѣнивымъ и разслабленнымъ творитъ, а наконецъ и умерщвляетъ. Она же причиняетъ ненависть правосуднейшаго бога глаголющаго. Человѣцы неповинуются духу моему. На конецъ произошло изъ сей вражды тайное презрѣнїе, или [ужасно сказать] явное отверженїе бога. Чтожъ отъ всемогущаго Творца, за сїе презиранїе создателя, надъ недостойною тварью его послѣдуетъ? Ничто иное кромѣ удаленїя всеблагаго и совершеннѣйшаго существа, отъ недостойнаго созданїя своего, то есть: отъ человѣка. Отнятїе у него любви, радости, и Святаго духа божїя. Преданїе грѣшниковъ въ похоти сердецъ, въ развращенной умъ, въ пагубныя прелести, въ беззаконныя мысли; а онѣ уже человѣка безчисленнымъ смятенїемъ временно и вѣчно мучатъ. Надъ сею бѣдностью погибшаго человѣка самъ богъ умилосердившись, единороднаго сына своего, превѣчное слово и сїянїе свое, безсмертную славу, любовь, радость и жизнь свою на спасенїе всего мира послалъ. Сему Мессїи превѣчному сыну слову божїю, надлежало по принятїи плоти человѣчей на ся, и соединенїемъ божества своего съ естествомъ человѣка, учинить примиренїе между богомъ и человѣки, по непреложному и Святому словеси его. Яко же ты Отче во мнѣ, и азъ въ тебѣ, да и тїи едино будутъ въ насъ. Падшїй человѣкъ, въ разумѣ и въ воли его погибъ. Сей ради причины, надлежало Христу Спасу душъ нашихъ, явиться на земли, для просвѣщенїя насъ вѣчнымъ свѣтомъ и на возбужденїе сердецъ нашихъ Духомъ Его Святымъ, къ богу и ко всякой добродѣтели. Сей совершенный богъ и совершенный человѣкъ, сообщенїемъ всеблагаго духа своего,

влїялъ

влїялъ вино радости и елей спасенїя въ язвы сердецъ нашихъ, да обратимся ко Господу сотворшему насъ. Грѣховная пагуба во всю кровь ветхаго человѣка вошла. За сїе то Христосъ примиритель рода нашего, пречистую кровь свою изліялъ; а Святое и непорочное тѣло свое, во очистительную жертву за грѣхи наши на крестѣ представилъ, для укрощенія преступленей, и въ предстательство грѣшному роду человѣчу, у бога и Отца своего, вѣрою во Святой крови своей. Сего то Царя мира ожидали праотцы, предвозвѣстили Пророки, провѣдали Ангели, а Святыя Апостолы и ученики его воистинну признали. Верьховный изъ нихъ Павелъ пишетъ. Христосъ есть миръ нашъ, то есть: прекратитель вражды между бога и человѣкъ. Миротворецъ и соединитель виноватыхъ съ правыми, а озлобившихъ бога съ прогнѣвленнымъ и озлобленнымъ Творцомъ ихъ. Возвратитель небеснаго блаженства на землю, отнятїемъ средостѣнїя вражды между богомъ и человѣки. Симъ образомъ всеблагїй богъ, все то исполнилъ, что къ человѣческому миру служить могло. Не забылиль полно люди учинить себя причастниками сего небеснаго и духовнаго мира? Хотя [по своему мнѣнїю] ниодинъ человѣкъ отъ сего выключенъ быть нехочетъ, однако весьма такихъ людей мало сыщется, на которыхъ бы знаки сего мира были. Сей божественный миръ, не въ суетномъ краснорѣчїи, ниже въ пустой и ложной надѣждѣ на заслуги Христовы, но по объявленному предъ симъ, сперва во исправленїи поврежденнаго естества, а послѣ того въ соединенїи онаго съ богомъ, дѣйствительно состоитъ. Какое бы Святому страданїю горькой смерти и пречистой крови, Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, богохульное ругательство было: ежелибъ люди на этѣ святѣйшїя избавителя нашего заслуги понадѣявшись, больше грѣшить дерзнули. Это не возстановленїе падшаго грѣхомъ естества человѣча, и не приведенїе онаго къ богу, но со всемъ ложное, и злоумышленное привлеченїе сего естества нашего въ горшее состоянїе, и въ бѣдственнѣйшее удаленїе отъ бога. Не думай себѣ другъ мой того, будто Христосъ служитель грѣху. боже тебя сохрани, отъ такихъ беззаконныхъ мыслей! Святѣйшїя Спаса нашего заслуги, такая вѣчная истинна, что бы тебѣ лутчимъ, спокойнѣйшимъ повчасу учиниться: а ты грѣхомъ удалившись отъ бога, потерялъ должную къ нему любовь, и всей надѣжды на Творца своего

своего лишился. Отча гнѣва его не сыновскимъ да рабскимъ страхомъ боялся; желая отъ него укрыться, блаженства своего въ суетномъ и тлѣнномъ искалъ. Тѣлесной умъ твой причинилъ въ тебѣ такую вражду съ богомъ, что ты его отречся хотѣлъ. Трудно господинъ мой! Превѣчное существо и самобытіе перемѣнить. Ты посреди сего безотвѣтнаго труда дрожишъ; а душа твоя отъ страху трепещетъ. Камо пойду отъ лица твоего боже! И отъ духа твоего камо бѣжу? Нужда и тебя также какъ блуднаго сына къ небесному Отцу твоему гонитъ. Рабской страхъ перемѣняется въ болѣзнь; а любовь твоя къ богу, въ трепетъ обратилась. Ты уже ни за уголь бѣжать, ни выкручаться не хочешъ; но падши на колѣна чистымъ сердцемъ къ нему зовешъ. Отче! Согрѣшихъ на небо и предъ тобою. Ты величество его признавать, а любовь Отца небеснаго вкушать уже начинаешъ. Скажи же по совѣсти, не лутче ли любовь божія грѣшнаго любленія свѣта и всѣхъ его прелестныхъ суетъ? Нынѣ и ты по примѣру Авраама богу вѣровать, и предъ нимъ вся дни живота твоего въ кротости ходить желаешъ. Богъ для возлюбленнаго сына своего тѣмъ довольствуется, что онъ въ тебѣ дѣйствуетъ. Щедротнѣйшій Отецъ, забывъ твои озлобленіи, милосердіемъ къ тебѣ обращается. Тако возлюби богъ миръ, яко и единороднаго сына своего предаде зань, да вси вѣрующій въ него не погибнутъ, но имутъ животъ вѣчный. Избавленіи Господни всегда близъ Отца своего небеснаго быть должны. Имъ не одними только устами и мыслью бога исповѣдовать, а сердцемъ и дѣлами къ свѣту прилѣпляться. Сія близость не въ нихъ самихъ и не въ ихъ правдѣ, но въ пречистой крови Іисусъ Христовой заключаться должна. Сія Святая и божественная кровь Спасителя нашего, въ дѣйствительномъ освященіи и въ преестественномъ исправленіи, грѣхомъ поврежденной крови ихъ состоять долженствуетъ. Имъ надлежитъ сею святѣйшею кровію также очищенымъ и освященымъ быть, какъ священники приближаяся къ богу, сію божественную кровь новаго завѣта, на ежедневную жертву во святая святыхъ ко оставленію своихъ и нашихъ грѣховъ богу приносятъ. 3. дѣйство сего между богомъ и человѣки чрезъ Христа учиненнаго мира, есть дѣйствительное обузданіе всѣхъ богу противныхъ страстей въ

плоти нашей. Сіѣ начальники человѣческаго безпокойства, и вражды съ богомъ умерщвляются въ насъ силою смерти Христовой. Той бо есть миръ нашъ, [къ Ефесеомъ гл: 2.] сотвори обоя едино и средостеніе ограды раззоривъ вражду плотію своею, да оба [божественное и человѣческое естество] созиждетъ собою во единаго новаго человѣка, творя миръ. 4. Симъ образомъ превѣчный и всемогущій богъ, съ бѣднымъ и грѣшнымъ человѣкомъ послѣ того примирился, когда сила грѣховная, властію и силою смерти Христовой распинается, и въ человѣкѣ умираетъ. 5. Потомъ возсіяло въ сердцахъ нашихъ пріятное солнце радости, и драгое время того веселія, что мы уже отъ бога не отдалены, но о Христѣ Спасителѣ нашемъ отчасу болѣе къ нему приближаемся. 6. Симъ примиреніемъ Христовымъ получили мы ко Творцу и богу своему дерзновеніе, и способной доступъ, съ несумнѣнною въ томъ надѣждою на создателя, что онъ насъ по безконечному милосердію своему, во усыновленіе себѣ для того приметъ, что мы радостнымъ духомъ Еммануила, то есть: съ нами бога и Спаса нашего оживотворены, и съ нимъ вѣрою и любовію ко Отцу небесному идемъ. 7. И такъ приближаемся мы чрезъ Христа къ богу, а богъ къ намъ приближается. Вѣрою и крещеніемъ облекаемся во Христа Іисуса, и чрезъ него бываемъ участниками божія естества. Сіе соединеніе съ богомъ, неизглаголанною радостію и безконечнымъ веселіемъ наполнено. О немъ то Апостолъ Святый Павелъ, къ Ефесеомъ въ главѣ 2. пишетъ. Тѣмъ же убо къ тому нѣсмы странни и пришельцы, но сожителіе Святыхъ и присніи богу. 8. Жители горняго, то есть: небеснаго Іерусалима, построили домы свои на каменной, и такъ высокой горѣ, до которой вѣтры искушенія и всякихъ бѣдъ хотя и доходятъ, только оной горы никогда поколебать не возмогутъ. Создани бывше на основаніи Апостолъ и Пророкъ, [по слову Павла Святаго] сущу краеугольну самому Іисусу Христу. 9. Спасеніи Господни, непрестанно во благихъ дѣлахъ пребываютъ. Они не мертвые члены всемогущей главы своей, но живый храмъ и жилище божіе въ дусѣ святѣ. божіе жилище къ собственному самихъ себя успокоенію, а Храмъ божій на распространеніе славы имени его во языцѣхъ. Апостолъ Святый Іоаннъ богословъ, сіе спокойное состояніе души Христіянской, хожденіемъ въ

свѣтѣ и общенїемъ богу праведно называетъ. Къ сему еще то прибавляетъ, что препятствїе оставшагося въ правовѣрныхъ и всегда колеблящагося наслѣднаго грѣха, сему великому и Святому исправленїю естества человѣча, для того препятствовать не можетъ, что достальное онаго не совершенство кровїю Христовою предъ богомъ усмирено, а помазанїемъ съ крѣпкою вѣрою и несумѣнною надѣждою на заслуги Христовы, со всѣмъ обезсилено. Да не царствуетъ убо грѣхъ [пишетъ Святый Павелъ] въ мертвеннемъ тѣлѣ вашемъ, во еже послушати его въ похотѣхъ его. Сїе касается до тѣхъ грѣшниковъ, которые въ покаянїи и во смиренїи внутреннюю пагубу, съ тлѣнїемъ естества своего сами чувствуютъ, и хотя о томъ справедливо печалятся, однако милосердїемъ божїимъ въ свѣтѣ ходятъ; а которые окаменѣвшїе беззаконники съ нечестивцами во властвующемъ грѣхѣ живучи, на Святѣйшїе заслуги Христовы ссылаются, тѣ по слову Святаго Апостола Павла [ко Евреомъ гл: 10.] Иже сына божїя поправше, кровь завѣтную скверну возмниша быти, въ ней же освятишася, и духа благодати укориша. Сей драгоцѣннѣйшїй бисеръ страстей и таинъ Христовыхъ, отнюдь не должно такимъ свиньямъ бросать. А Святыхъ и божественныхъ его заслугъ, передъ сихъ скверныхъ псовъ повергать никогда не надлежитъ. Коль великой миръ душамъ Христїянскимъ чрезъ оставленїе грѣховъ произходитъ, толь величайшему должно быть соединенїю нашему чрезъ сей миръ съ богомъ во всякую святынюю.

26.

Царь и Пророкъ Давидъ пишетъ о сыновской богобоязности соединенной съ любовїю Творца. Отъ образа и подобїя божїя послѣ грѣхопаденїя Адамля, одна только любовь человѣку осталась. Но понеже самъ богъ любы есть, то и человѣкъ до тѣхъ поръ щасливъ, пока въ сей любви пребываетъ; а кой часъ отъ нѣе удалится, то все свое истинное благо потеряетъ, и безъ желанїя сего блага быть не можетъ. безъ любви человѣку жить не возможно; а безъ того благополучнымъ быть не льзя, чтобъ бога яко истинное свое благо всѣмъ усердїемъ не любить. Всякое желанїе какихъ нибудь вещей, [кромѣ бога] премногимъ и великимъ безпокойствомъ Любовь божїею.

 чело-

человѣка наполняетъ, а любовь къ богу, всякаго человѣка отъ часу кротчайшимъ и спокойнѣйшимъ творитъ. Цѣлая жизнь наша, всегдашняя любовь и безпрестанное желанiе. Только безъ любленiя превѣчной любви, и всесовершеннаго спокойства, то есть: бога нашего вся временная жизнь человѣческая спокойна быть не можетъ. Цѣлое Христiянское ученiе къ тому клонится, дабы тѣхъ людей отъ временной и вѣчной погибели отвлекши, ко Творцу ихъ привесть, которые отъ Святой, чистой, благой и отъ спокойной любви божiей, въ нечистую, прелестную, мучительную и въ грѣшную любовь ко тварямъ по естественному заблужденiю впали. Ни единая вѣра на цѣломъ свѣтѣ, сего великаго и высочайшаго намѣренiя яснѣе не объявляетъ, и лутчихъ способовъ къ достиженiю сего душевнаго спокойства не предписываетъ, кромѣ вѣры Христiянской. Она то единая по самой истиннѣ, всѣхъ вѣръ совершеннѣе и потому праведнѣе, что каждаго человѣка безо всѣхъ обширностей и безо всякихъ дальностей, ко временному и къ вѣчному спокойству прямымъ и кратчайшимъ путемъ ведетъ. Въ жидовской и въ языческой вѣрѣ сiе Святое намѣренiе, великимъ суеверствомъ и безщисленными обрядами потемнено. Жиды силу закона оставя, ко внѣшнимъ церемонiямъ безумно прилѣпились, не мысля того, что любовь закона, есть исполненiе онаго. Какъ Христосъ Спаситель пришедши сiе имъ объявилъ, то вся огромная пирамида суетныхъ обрядовъ и душѣ безполезныхъ церемоней ихъ упала, а ея мѣсто заступившая чистота любви божiей, свѣтомъ Святаго Евангелiя въ правовѣрныхъ сердцахъ на безконечныя вѣки возсiяла. Сiе величайшее благодѣянiе божiе къ роду человѣческому за тѣмъ до злѣйшихъ времянъ убережено, дабы умножающаяся злость человѣческая сею ясною и всеобщею склонностiю, къ познанiю и къ объятiю спасенiя своего, толь сильнѣе побудилась. Кто же бы разсужденiемъ сего неизреченнаго благодѣянiя божiя, къ любленiю его не склонился, и въ семъ морѣ сладости всѣхъ печалей и горестей своихъ благоразумно не утолилъ? Это человѣку великое спокойство, ежели онъ долготу съ широтою временной бѣдности своей, противъ неизмѣримой высоты милосердiя, и непостижимой глубины любви божiя, за благовременно разсуждать начнетъ. Не изчерпаемое богатство сей любви всеблагаго бога, на свѣтѣ бѣдственнаго человѣка во всѣхъ печалѣхъ и напастяхъ его не чувствительнымъ творитъ; а не-

а неизреченная сладость ея всю горесть скорбей нашихъ непостижимо уничтожаетъ. Источники благодати и рѣки любви божія, наводняютъ смиренную душу къ произведенію въ ней плодовъ удовольствія, радости и мира въ дусѣ святѣ, а притомъ ради потопленія скорбей и печалей нашихъ въ пучинѣ милосердія. Любовь ни что иное, какъ склонность и приближеніе къ любимому. Божія любовь есть отвлеченіе человѣка отъ всей твари на приведеніе къ единому Творцу, и на соединеніе съ самимъ богомъ. Симъ отверженіемъ всего земнаго, получаемой миръ всѣ страсти укрощаетъ. Любленіе истиннаго, высочайшаго и всесовершеннаго блага, выгоняетъ всю печаль и безпокойство изъ души человѣческой. Сію побѣду сперва для бога, а потомъ божіею силою всякой Христіянинъ получаетъ. За бога воюетъ для того, что душа всевысочайшее и совершеннѣйшее свое благо въ единомъ бозѣ и Господѣ своемъ нашедъ, а обладаніемъ онаго несказанно радуюся, великою боязнью того трепещетъ, дабы сего всевышшаго блага и вседражайшаго сокровища своего, какимили бо способы не лишиться. Въ томъ праведномъ и Святомъ намѣреніи душа Христіянская, все то съ радостію отъ себя отвращаетъ, что сему превѣчному благу противно. Когда богъ со мною, то я изъ временныхъ вещей ничего не желаю. Золото да серебро, алмазы да богатое платье, какъ домашніе, такъ и посторонніе воры да разбойники, не только крадутъ и грабятъ, да еще самихъ тѣхъ людей убиваютъ, которые сими прелѣстными тлѣнностьми владѣютъ. Когда я богу пріятенъ, то нимало на сіе не смотрю, что во всякомъ злѣ валяющейся свѣтъ сей меня за противную ему добродѣтель, на время ругаетъ, и не навидя гонитъ. Любы мира сего, вражда на бога есть. [Пишетъ Апостолъ Іяковъ,] кто бога любить хочетъ, тому должно отъ свѣта сего удаляться, а двумъ господамъ служить отнюдь не возможно. Умной человѣкъ по довольномъ разсмотрѣніи увидитъ, что нигдѣ и ничего лутче бога нѣтъ. Онъ намъ дражайшее и всевысочайшее благо. Все доброе на свѣтѣ отъ него свышше низходитъ, и ему собственно принадлежитъ. Единъ богъ превѣченъ и безсмертенъ, а протчее все временно и тлѣнно. Вся свѣтская радость съ суетою, есть маловременное и прелѣстное ослѣпленіе. Лутчее лучшаго достойно, а богъ всевышшее благо высочайшаго любленія достоинъ. Сія есть любы божія, [пишетъ Святый Апостолъ Іоаннъ] да соблюдаемъ заповѣди его, и заповѣди божія тяжки не суть.

 Христосъ

Христосъ Спаситель глаголетъ. Ищите прежде царствія божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ. По чтожъ мнѣ печалиться, когда богъ обо мнѣ промышляетъ? Кто къ свѣту пристанетъ, тому попеченія, о себѣ самому имѣть надобно; для того что свѣтъ или миръ сей, завистливъ, враждебенъ, лукавъ, золъ и нелюбовенъ. Хотя свѣтскіе люди того человѣка сперва особнякомъ, послѣ того упрямцомъ и лѣшимъ, а наконецъ дурьнемъ и шаленымъ титулуютъ, кто забавы съ роскошми, а честь съ богатствомъ и со всею славою презираетъ; только я за бога все сіе охотно снесу, и всякое ругательство добровольно претерплю. Злой свѣтъ сей, для мнимой своей мудрости, во плоти пришедшаго къ нему бога не позналъ, а со слугами сего Господа, что уже будетъ? Свѣтъ сей бога ненавидитъ, а богъ его любитъ. Христіянинъ употребляяся Господу своему, зла за зло воздавать не долженъ, по его же Спасителеву новелѣнію. Любите враги ваша, благословите клеиущія вы, и благотворите ненавидящимъ васъ. Человѣкъ должнымъ богу послушаніемъ великое спокойство получаетъ, для того что исполненіе сихъ добродѣтелей, всякому Христіянину собственно принадлежитъ. Чрезъ сохраненіе сей верьховной добродѣтели, сердце человѣческое ни горестію, ни ненавистію, ни гнѣвомъ, ни мщеніемъ не горитъ, но сладостію любви ближняго всегда наполняется. Любленіе свѣта со всѣми его суетами, въ сравненіи противъ изобилія небеснаго, и противъ вѣчной радости, никуды не годится. Отъ сей любви та польза, что ею познаетъ человѣкъ суетное и тщетное наслажденіе роскошей. Присудствіе благодати божія, большею всѣхъ свѣтскихъ забавъ радостію сердце наше исполняетъ. Вкушеніе сей благодати ободряетъ насъ къ презиранію легкой и временной печали, причиняющей вѣчное и некончаемое блаженство. Симъ образомъ совокупляется любовь божія съ тою вѣрою, которая весь свѣтъ побѣждаетъ. Какъ человѣкъ грѣхопаденіемъ отъ любви божія удалился, а самолюбіе его въ самомъ себѣ идоломъ вдѣлало, то онъ отъ средины спокойства своего отступивши, въ войну со всею тварью, съ собою, и съ ближними своими поневолѣ впалъ. Всѣ стихіи на то соединились, что бы человѣка съ того времени ненавидѣть, какъ онъ престалъ Господа бога своего всемъ сердцемъ любить. Огонь его мучитъ и жжетъ, а вода заливая потопить человѣка хочетъ. Земля неда-

недаетъ ему пищи, но премѣняетъ оную въ терніе и волчецъ. Воздухъ заражая у человѣка тѣло, наполняетъ жестокими болѣзнями. Звѣри отъ него бѣгаютъ, или за нимъ гоняются; а человѣку надлежитъ силу или хитрость къ тому употребить, ежели мясами ихъ голодъ свой утолить, а кожами сихъ звѣрей наготу свою прикрыть желаетъ. Хотя человѣкъ насиліемъ и хитрыми вымыслы, всю тварь ко услугамъ своимъ и принуждаетъ, только тварь внутреннее огорченіе на него имѣя, наполняетъ человѣка несытымъ желаніемъ въ наслажденіи ею; а сіе несытство получилъ человѣкъ въ наказаніе себѣ за удаленіе отъ любви божія. Какъ мало покоя бѣдной человѣкъ въ шумѣ воюющихъ страстей имѣетъ; сіе видно изъ того, когда страхъ или желаніе, любовь или ненависть, роскошъ или болѣзнь, надѣжда или не терпѣливость, наслажденіе или лишеніе, печаль или отчаяніе всѣ часы жизни нашей по себѣ дѣлятъ. Разумъ до паденія Адамля въ непорочной душѣ человѣческой полную и спокойную власть имѣлъ, а какъ сей разумъ отъ бога и Творца своего Удалился, то страсти съ вождѣленіями толь жестокое сопротивленіе всему разуму учинили, что сѣмя мудрости и благодати симъ терніемъ подавлено, а свѣтъ разума тѣмнотою суеты помрачился. Отъ того времени повредившейся разумъ нападками мечтанія, такъ на стращенъ, что самъ себя прелщая, злому видъ добраго, а добру видъ зла вымышляетъ. Душевныя у человѣка силы симъ смятеніемъ ослабѣли. Хотя человѣкъ правду временемъ и признаетъ, только опять еѣ скоро забудетъ. Зло хулитъ, а дѣлаетъ, доброе хвалитъ, только его не держится. Тѣмъ временемъ, страсти внутрь человѣка междоусобную войну начавши, одна другую гонитъ и побѣждаетъ. Тогда въ человѣкѣ столько разныхъ партей здѣлается, сколько въ немъ различныхъ страстей. Гнѣвъ, зависть, ненависть, рвеніе, ярость и ревность одною бурею востаютъ. Страхъ раздираетъ желаніе, а корысть или роскошь нападаетъ на честолюбіе. Человѣкъ до паденія, кромѣ единаго истиннаго своего блага не зналъ, и кромѣ онаго ничего не желалъ. Сія щастливая любовь совершеннаго, была жизнь и свѣтъ человѣку до тѣхъ поръ, пока она въ наслажденіи непремѣннымъ благомъ горѣла. Во искушеніи начавши колебаться, паденіемъ отъ бога отвратилась, а прилѣпленіемъ къ тлѣнному, и свѣтъ и жизнь у себя потеряла. Познаніе

обра-

братилось въ темноту, а развращенная воля родила смерть. Бѣдной и безщастной человѣкъ! Прежней твой свѣтъ здѣлался заблужденіемъ. Старая любовь превратилась въ печаль, а жизнь учинилась тебѣ смертію. Сію бѣдность объявляетъ Спаситель нашъ слѣдующими словами. Аще убо свѣтъ, иже въ тебѣ тьма есть, то тьма кольми паче будетъ. Избавитель нашъ, не только къ разсмотрѣнію сего насъ приводитъ; но за тѣмъ въ миръ пришелъ, дабы ему сей порядокъ развратившагося естества, на прежней путь привести, а разумъ и волю погибшаго человѣка просвѣтивши, къ вѣчной жизни обратить. Искупитель душъ нашихъ, потому имянуется свѣтъ миру, что заблудившему человѣку истинной и прямой путь ко временному благополучію и къ вѣчному блаженству показуетъ. А понеже цѣлой свѣтъ ко всякимъ злостямъ такъ обратился, что самъ себя отъ сего зла отвлечь не могъ, но погибшею тварью отъ неправды къ заблужденію, а отъ суеты къ безпокойству влеченъ былъ; то сопришедшимъ на спасеніе наше Христомъ, благодать божія спасительная всѣмъ человѣкомъ явилась, къ отвращенію рода человѣча отъ заблужденія на путь истинны; вѣрою въ сего сына божія и Спаса миру, къ принятію усыновленія съ богомъ, и къ просвѣщенію страстьми помраченнаго разума нашего, дабы мы силою божіею и дѣйствомъ благодати его, прелѣстную суету съ ничтожествомъ свѣта сего видѣть и побѣдить могли. Для сего то Апостолъ Святый Іоаннъ пишетъ: вѣра есть побѣда наша препобѣждающая миръ. Чувствами возбужденныя страсти съ прелѣстнымъ мечтаніемъ, ложно человѣку внушаютъ, будто свѣтъ сей съ роскошми его прямое благо, а лишеніемъ подлинное зло. Вопреки сему живой образъ превѣчной истинны, Святая и православная вѣра наша, безсмертною правдою насъ о томъ увѣряетъ, что свѣтъ или миръ сей съ прелѣстьми своими ничто иное, какъ мимобѣгущая стѣнь, вертящаяся суета, великое отягощеніе безсмертному духу, крайнее помѣшательство миру и спокойству душевному, помраченіе здраваго разума, удаленіе отъ бога и погибель неизбѣжная. Передъ такими ежедневнымъ искуствомъ подтверждаемыми свидѣтельми вѣчной правды, отъ неправеднаго почитанія и грѣшнаго прилѣпленія нашего къ тлѣнной твари, теряется должное почтеніе ко превѣчному Творцу, а онъ къ намъ обращается милосердіемъ,

по слову Пророческому. Ищущіи Господа обрящутъ благодать. Любовь божія изливается въ сердца и души наша духомъ Святымъ со сладостію превосходящею вся земная, и съ такимъ миромъ, котораго свѣтъ сей дать не можетъ. Тогда человѣкъ вкусивши, увидитъ, коль благъ есть Господь нашъ, а напротивъ того какъ горекъ и сколь суетенъ свѣтъ сей. Отъ того часа всякъ правовѣрующій, ко Творцу своему всею душею и всею крѣпостію прилѣпясь, о побѣдѣ суетнаго свѣта со всѣми прелестьми его, искреннное стараніе приложитъ. Тогда уже воля истинныхъ Христіянъ соединится съ волею божіею, а спокойство и вѣрность обратится въ честь Создателеву. Сія то есть воюющая вѣра и побѣждающая вѣрность наша ко Творцу, когда Христіянинъ больше бога держится, нежели за суетою свѣта сего бѣгаетъ. Правда опровергаетъ ложное мнѣніе твердымъ познаніемъ истинны. Воздержаніе одолѣетъ страсти, а любовь всегда любящаго насъ всеблагаго бога, дастъ силу и бодрость на отверженіе худьшаго къ полученію лутчаго; она отверженіе временнаго ради пріобрѣтенія вѣчнаго. Сей то силы божія держимся мы несумнѣнною вѣрою, и сія вѣра есть истинная побѣда наша. Въ томъ вся сила усыновленія и вновь отъ рожденія нашего. Въ бозѣ да исполняемся крѣпостію силы Господни ко исполненію того, чѣмъ мы Творцу своему обязаны, и къ произведенію такихъ дѣлъ въ дѣйство, чего человѣкъ собою и своими силами здѣлать не можетъ. Рожденіе отъ бога побѣждаетъ миръ, [по слову возлюбленнаго ученика Христова,] а все свѣтское есть то ложное имѣніе, что люди высоко почитаютъ. Похоть очима, вождѣленіе тѣлесное, гордость житейская и все отъ того произходящее зло, а имянно: печаль, гоненіе, бѣды и напасти съ развращенными обычаи и съ ложными мнѣніями свѣта сего, которой худое добрымъ, а доброе худымъ весьма неправедно называетъ. Любящимъ бога вся поспѣшествуютъ во благое! Что же лутчее человѣку? Все что его лутчимъ, кротчайшимъ и добрейшимъ творитъ. Кто же есть побѣждаяй миръ? Вѣруяй яко Іисусъ есть Сынъ божій, [по слову Апостола Іоанна богослова,] а имянно: тотъ человѣкъ, кто силою сего побѣдителя ада и смерти любовію къ нему, и несумнѣнною въ него вѣрою, душу свою насыщаетъ, а за тѣмъ уже всесильнымъ его духомъ оживотворяяся, къ тому себя укрѣпляетъ, дабы вѣру соблюсть,

подвигомъ добрымъ подвизаться, теченіе скончать, и наконецъ победить. Сіе есть Святое Христово крещеніе кровію и водою, банею паки бытія и обновленіемъ духа Святаго, что ветхой греховной человекъ со страстьми и похотьми своими утопляется. Сей есть по слову Захаріи Пророка [глава 9.] Иже испустилъ есть юзники въ крови завета своего, отъ рова не имущаго воды, то есть: отъ злыхъ обычаевъ прелестнаго света и отъ узъ жестокихъ страстей. По сему то Христіянинъ светъ сей побеждаетъ, что превечная сила и любовь божія, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ душе верующему духомъ кротости и смиренія своего, правдою и верностію, терпеніемъ и любовію своею владеетъ. Сіи Святейшіе дары духа Святаго сильнее всего, что въ свете ни есть. Миръ божій, радость о доброй и чистой совести со утешеніями духа Святаго, все светское превосходитъ и побеждаетъ. Усыновленіе божіе, дерзновеніе ко Отцу небесмому, вечное наследіе со Святыми, лутче всей гордости житейской. Душевное спокойство со смиреннымъ сердцемъ и кроткимъ нравомъ превосходственнее всей блестящей пыли. Коль великой праздникъ торжествуетъ та православная и богу верная душа, которая истинною любовію съ Создателемъ своимъ сопрягается, и благодатію его наполняема бываетъ. Раженныя стрелы лукаваго, божественною силою угасаютъ; а нападеніи вражескаго искушенія, щитомъ храненія божія назадъ отражаются: когда всемогущій Господь душу угодныхъ ему слугъ, на такой высокой горе поставовляетъ, откуды она въ кругъ себя смешанной звукъ и шумъ мятежнаго света хотя слышитъ и видитъ, но столь высоко стоитъ, что шумомъ сего волненія обезпокоена быть не можетъ. Любовь божія такой огонь, которой душу человечу искреннимъ желаніемъ въ верьхъ гонитъ, а не къ низу влечетъ. Она такой светъ, которой души наша пріятными лучами просвещая ободряетъ. Любящіи бога подобны солнцу восходящему въ силе своей. Сія божественная любовь причиняетъ такую свободу, которой никакая тварь связать не можетъ. Все земное угожденіе плоти, съ симъ духовнымъ веселіемъ сердца, отнюдь сравниться не можетъ. На земле серебро, золото, богатство и роскоши; а что въ нихъ безъ бога? На земле страхъ, печаль, бедность и злые люди; за чемъ ихъ бояться, и что они мне зделаютъ,

когда богъ со мною? Ежели онъ со мною, то все благое у меня, а слѣдственно мнѣ желать болѣе нѣчего. Воспрянижъ душе моя, и соединись союзомъ нераздѣльной любви съ присно-текущимъ источникомъ вѣчныхъ благъ. Сопряги себе съ Царемъ небеснаго мира, да возможешъ ему радостнымъ сердцемъ и духомъ сказать. Возлюблю тя Господи крѣпосте моя! Господь утвержденіе мое, и прибѣжище мое! богъ мой, и уповаю на него. Защитпитель мой, и рогъ спасенія моего. Ежели сія любовь божія, духомъ Святымъ въ сердца наша изліется, то весь плотской разумъ въ сей неизслѣдимой пучинѣ погрузнетъ, а безпокойной и злой духъ, со всѣми искушательными нападеніями отъ человѣка прочь отойдетъ. Вопреки же тому правда и вѣра съ кротостію, по силѣ и по свойству той любви на насъ изліется, о которой Свят: Апостолъ Павелъ [1 посл: къ Коринф: гла: 18] такъ пишетъ. Любы долготерпитъ, милосердствуетъ, не превозноситтся, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не вмѣняетъ злое, не радуется о неправдѣ, радуется же о истиннѣ, вся любитъ, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ, любы ни коли же отпадетъ.

27.

Любленіе ближняго.

Не божественное ли все сіе пріуготовленіе человѣческаго сердца къ терпѣнію, къ милосердію, къ благости, къ смиренію и къ обращенію всего въ доброе. Отъ сего родится любительное обхожденіе со всякимъ человѣкомъ, и спокойная жизнь въ свѣтѣ. Всеблагое существо божіе, дѣйствомъ любви ближняго на земли открывается, по слову Святаго Апостала Іоанна. Аще кто не любитъ брата своего, его же видитъ, како можетъ любити бога, его же не видитъ? Господь и Спаситель нашъ подтверждаетъ сіе слѣдующими словами. Аще любовь имате между собою, [по сему разумѣетъ миръ,] яко мои есте ученицы. Намъ того и думать не надобно, будто мы ближнему чрезъ то великую милость являемъ, когда малое добро ему здѣлаемъ. Должность и собственная польза, всякаго человѣка къ тому побуждаетъ, а всеобщая справедливость и нужда силою влечетъ. Собственная польза потому, что человѣкъ другихъ людей къ любленію себя чрезъ то убѣждаетъ, когда самъ ихъ искренно

любитъ. Древнѣйшiе язычники сiе признали, что къ щасливой жизни на землѣ, любленiе ближняго не обходимое дѣло. Этѣ мудрые люди, добродѣтельнымъ своимъ любленiемъ ближняго, премножество такихъ Христiянъ посрамили, которые сiю главную должность свою одними только прiятными, но весьма пустыми комплиментами въ такихъ словахъ исполнить думаютъ. Яко бы весьма усердно желалъ вамъ государь мой услужить, только возможности моей къ тому недостаетъ. Сiю ложную любовь Апостолъ Святый Iоаннъ слѣдующими словами отмещетъ. Не любите словомъ точiю, но дѣломъ и истинною. Какже бы мнѣ это здѣлать? Когда бѣднымъ поможешъ, печальныхъ утѣшишъ, благотворителямъ своимъ должную благодарность воздашъ, озлобившихъ тебя простишъ, гонителямъ своимъ за зло ихъ доброе воздашъ, къ немощнымъ терпѣнiе, къ знатнѣйшимъ почтенiе, а къ меньшимъ тебя любовь покажешъ. Заблуждающаго любительнымъ увѣщанiемъ и добрымъ совѣтомъ, на путь истинны приведешъ, а всѣмъ требующимъ помощи твоей, дѣйствительное вспоможенiе учинишъ, въ томъ вся сила со исполненiемъ любви ближняго. Велико сiе щастiе, кто всѣмъ людямъ благодѣтельствовать можетъ. Весь нашъ внѣшней и внутреней миръ отъ того произходитъ, когда мы другъ съ другомъ въ согласiи живемъ. Чѣмъ сильнѣе духъ Христовъ въ насъ дѣйствуетъ, тѣмъ крѣпче и постояннѣе сiя блаженная склонность въ Христiянахъ будетъ, дабы всѣмъ добра желать, и радостнымъ сердцемъ добро дѣлать. Знаю, что свѣтъ сей разумно любимъ быть не хочетъ. Кроткому Давиду скучнѣе всего было жить между ненавидящими мира. Однако удовольствiе истинныхъ Христiянъ въ томъ заключается, что бы ближнему добро дѣлать и всякаго блага желать. Миръ ихъ не изъ кислаго теста гордости и лицемѣрiя изпеченъ, но изъ преснаго сложенiя истинной склонности къ любви, и къ благотворенiю всякому человѣку божiею рукою составленъ. Непризнавающiе сего сами виноваты. Не чудное ль это дѣло, что всѣ этѣ въ потемкахъ бродящiе люди, лутче безумнымъ самолюбiемъ сами себя мучить, а страстьми вовсе ослѣплять, нежели сладость разумной любви бога, и ближняго вкусивши, признать хотятъ? Самыя дѣла ихъ кажутъ, что они сожалѣнiя достойные люди, потому что собственнымъ упрямствомъ мира божiя, и согласiя съ ближнимъ

нимъ своимъ , а слѣдственно всякой сладости въ настоящей жизни сами себя лишаютъ. Отъ куду въ васъ брани и свары? [пишетъ Святый Апостолъ Іяковъ] не отсюду ли, отъ сластей вашихъ воюющихъ во удѣсехъ вашихъ? Зависть, ненависть, гнѣвъ, злоба, корысть, бѣдность, грабежъ, нетерпѣливость, отчаяніе и подобныя имъ мучительныя страсти, всегда между такими людьми живутъ, которые сами себя выше всякой мѣры, а бога и ближняго очень мало любятъ. Понеже душа ихъ зборное мѣсто премногимъ и жестокимъ страстямъ, то весь округъ житія гражданскаго, въ которомъ этѣ люди обращаются, страшными мятежами, ссорами, тяжбами, непріятельскими умыслы, и другими враждебствами наполненъ бываетъ. Въ обхожденіи съ такими людьми кромѣ горести, злобы, кромѣ досадныхъ и язвительныхъ словъ, также кромѣ ссоръ и раскаянія о компаніи ихъ, ни чему доброму быть не можно. Симъ людямъ все противно для того, что они по развращенному ихъ самолюбію ложно думаютъ, будто цѣлой свѣтъ служить имъ долженъ. Кто отъ дружбы ихъ и отъ обхожденія съ ними удаляется, того они возненавидѣвши, на самую смерть гонятъ, а это неизбѣжной плодъ злобою кипящаго сердца. Въ дружбѣ и общеніи съ ними, одна только лесть, обманъ, лукавство, корысть и непостоянство. Всѣ этѣ люди за тѣмъ мира не имѣютъ, что сами въ себѣ не спокойны, а съ ближними въ мирѣ и въ покойствѣ ужиться не могутъ. Которой человѣкъ сердцемъ и душею спокоенъ, того вся жизнь сладостію наполняется. Сіе любительное сердце, не только подъ кровъ благодати божія, но въ миръ и въ спокойство со всѣми людьми человѣка приводитъ. Ежели его въ покоѣ оставляютъ, то онъ всѣмъ людямъ столько добра дѣлаетъ, сколько въ силѣ и возможности его, а гонителямъ уступая, благой склонности своей не только къ друзьямъ, но и къ непріятелямъ нимало не теряетъ. Тогда оказывается благополучіе, спокойство любящаго миротворца, съ силою Усыновленія божія, когда кротцыи наслѣдятъ землю.

28.

Хотя сіе роду безпокойныхъ людей противно кажется, Крѣпостии и слово стараго Полководца: стояньемъ, да уступкою города не взять, въ нѣкоторомъ намѣреніи съ правдою сходно; однако самое иску-

искувство [практика] кажетъ, что человѣкъ уступкою да уклонностью въ гражданскомъ житье, гораздо далѣе пройдетъ нежели ссорами и сопротивленіемъ. Іосифъ своею темницею, Мардохей уклонностію, Давидъ бѣгствомъ и кротостію, Пентефрію, Амана и Саула со всѣми легіонами злости ихъ: преславно побѣдили. Великія и важнѣйшія дѣла къ тихости произходятъ. Сею тихостію слова божія свѣтъ сей созданъ, и велѣніемъ Творца донынѣ содержится. Ею же великое дѣло спасенія нашего со всемъ обращеніемъ языковъ, чрезъ обѣщаннаго роду человѣчу Мессію, Христа бога и Спаса нашего непостижимо совершилось. Сила превѣчной правды божія, наподобіе тихаго и легкаго воздуха, безъ всякой бури и шуму, сквозь тѣла проходитъ. Хотя всѣ мы тѣмъ оживляемся, однако весьма не многіе изъ насъ сіе чувствуютъ. Подлинное благо съ истинною добродѣтелью имѣетъ въ себѣ такую божественную силу, которая всякаго человѣка къ почитанію ея принуждаетъ. Хотя Анитъ съ Мелитономъ, жизнь у Сократа и отняли, только Сократъ сихъ тирановъ со временемъ одолѣлъ. Его неповинность съ темницею, съ ядомъ и съ самою смертію такую славу на вѣки ему принесла, что Сократъ по обьявленію капищнаго пророченія, [Оракулъ] за премудрѣйшаго мужа во всемъ народѣ и времени своемъ справедливо почтенъ. Смерть добродѣтельныхъ людей сильнѣе жизни и оружія убивателей ихъ, которыя постоянства сихъ праведниковъ ко грѣху и неправдѣ склонить, а Святыхъ душъ ихъ отъ бога отвратить отнюдь не могли, и вовѣки не возмогутъ. Кроткія души тѣмъ не озлобляются, что ихъ такой злой совѣтъ гонитъ, которой они силою божіею давно уже побѣдили. Что и какъ бы въ свѣтѣ ни дѣлалось, только Святая вѣра ихъ наконецъ побѣждаетъ. Миролюбивые люди и въ злѣйшія времена щастливѣе другихъ. Они главное себѣ преимущество чрезъ то получаютъ, что кротостію и терпѣніемъ своимъ не только обидящихъ, но и самыя обиды свои преодолѣваютъ, а гнѣвъ гонителей своихъ уклонностію переламываютъ. Кротость сихъ богу угодныхъ мужей, становится такою стрѣлою, которая гонителямъ ихъ сердца и души пронзаетъ. Они порученіемъ дѣла своего, всевѣдущему и правосудственнѣйшему богу не только свое, но и другихъ людей не щастіе отвращаютъ, которое бы изъ гордаго сопротивленія произойти могло. Ссоры, огорченіе, зависть, злоба, непримиритель-

ство, злословіе, мучительство и гонені[illegible]ѣ миролюбивые люди въ крайнемъ омерзѣніи имѣя, чрезъ мудрую у[illegible] симъ злымъ страстямъ, къ благополучію рода человѣческаго поспѣшествуютъ. Тотъ человѣкъ весьма крѣпко спитъ, кто лутче самъ обиды терпитъ, нежели людей озлобляетъ. Въ этомъ терпѣніи больше всѣхъ искусившейся Царь и Пророкъ Давидъ, о поспѣшествованіи сего благополучія такъ пишетъ. Кто есть человѣкъ хотяй, животъ любяй, дни видѣти благи? Удержи языкъ твой отъ зла, и устнѣ твои еже не глаголати льсти. Уклонися отъ зла и сотвори благо, взыщи мира и поженіи и. Чрезъ безпокойство и мятежъ съ ближними, нарушается спокойство душевное, къ которому первой способъ молчаніе. Оно укрощаетъ гнѣвъ, посрамляетъ озлобителя, извиняетъ озлобленнаго, укрощаетъ силу ярости, обьявляетъ неповинность, получаетъ спокойство душевное, кажетъ власть человѣка надъ самимъ собою, а у другихъ волю и способъ къ озлобленію кроткаго человѣка совсемъ отнимаетъ. Для сего то премудрый Соломонъ повелѣваетъ, не отвѣщевай безумному по безумію его, да не уподобишися ему. Сему насъ самъ богъ собственнымъ примѣромъ учитъ. Онъ злымъ людямъ даетъ время на бѣшенство, а самъ притомъ спокоенъ. Превѣчный образъ небеснаго Отца своего, Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, оставилъ намъ примѣръ сему Святому молчанію. Лжесвидѣтели на него коварно клевещутъ, Фарисеи безгрѣшнаго сына божія ложно обвиняютъ, Пилатъ его спрашиваетъ, а за спасеніе всего мира на вольную страсть грядущій сынъ божій, никому изъ нихъ отвѣта не даетъ. Не хощетъ спокойства пречистой и святѣйшей души своей непристойнымъ споромъ нарушить. Сей грѣхи всего мира вземляй Агнецъ божій, не только Ученикомъ своимъ, но и всѣмъ намъ вѣрующимъ во имя его, оставляетъ сокровище спокойства души своей, сими словами научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ. Сего то Святаго спокойства и молчанія Царь Давидъ у бога проситъ. Положи Господи храненіе устомъ моимъ, и дверь огражденія о устнахъ моихъ.

29.

Отъ добрыхъ дѣлъ происходящая добрая совѣсть.

[illegible] мы по Святому Царя и Пророка Давида слову, въ беззаконїяхъ зачаты, а во грѣсехъ родились. Сей естественной порокъ всякаго человѣка ко всему злому непрестанно влечетъ, а Христїянамъ къ отвращенїю себя отъ сего удобь обстоятельнаго грѣха, всегдашнее раченїе съ ежечасною осторожностью надобно. Не довольно того, дабы намъ о спасенїи своемъ мимоходомъ, или какъ нибудь стараться, но всею и крайнею возможностїю о семъ великомъ дѣлѣ, днемъ и ночью рачить должно. Неполно того, чтобъ злое оставить, да доброе дѣлать надобно. Кто доброе изъ рукъ упущаетъ, тотъ уже зло дѣлаетъ. Благїя дѣла отъ добрыхъ мыслей родятся. Прежде исполненїя блага надобно о добрѣ мыслить. Что не изъ сего источника выходитъ, то не отъ добраго сердца родится, и не ради добра въ дѣйство произведено бываетъ. Худое намѣренїе со внутреннимъ удовольствїемъ, затѣмъ соединиться не можетъ, что со свидѣтельствомъ доброй совѣсти весьма несходно. Сей ради притчины многїе люди злое злымъ побѣждая, роскошь честолюбїемъ, любленїе чести ласкательствомъ и униженностїю, а сребролюбїе мотовствомъ прогоняютъ. Чему истинно доброму быть, то должно ни для какого намѣренїя, но отъ единой любви божїей происходить, и на любви ближняго утверждаться. Гдѣ сердце не чисто, тамъ и дѣла не годятся. Потому ни въ какихъ притворныхъ и хитровальныхъ дѣлахъ душевному спокойству быть не льзя, кромѣ такой искренности и чистоты, о которой Апостолъ Павелъ [2 е: къ Коринф: гл: ѓ.] пишетъ. Похваленїе наше сїе есть свидѣтельство совѣсти нашея, яко въ простотѣ и въ чистотѣ божїй, а не въ мудрости плотстѣй; но благодатїю божїею жихомъ въ мирѣ. Сїя Святымъ Апостоломъ обьявленная простота съ чистотою совѣсти, никакой примѣси тайнѣйшаго намѣренїя о роскоши, о пользѣ и о чести человѣческой не терпитъ. Для того Апостолъ Святый имянно выражаетъ, не въ мудрости плотстѣй. Славные у древнихъ язычниковъ Софисты отъ явныхъ пороковъ воздерживались; но притомъ злое намѣренїе къ тайнымъ грѣхамъ имѣли. Хотя сїе передъ свѣтомъ чисто кажется, но предъ богомъ не чисто и грѣшно. Добродѣтельныя души истинныхъ Христїянъ такой чистоты желаютъ, которая бы не только злыхъ дѣлъ но и злыхъ мыслей не имѣла. Доброй совѣсти человѣку и тогда худова дѣлать не должно, какъ ни-

кто

кто видѣть его не можетъ. О сей то Апостоломъ реченной простотѣ и чистотѣ всякому православному Христіянину для того мыслить должно, что симъ единымъ способомъ совѣсть наша успокоивается. Ее то намъ во всѣхъ нашихъ дѣлахъ наблюдать, и съ нею къ непостыдному отвѣту предъ бога готовиться надлежитъ. Хотя грѣшники отъ сего и удаляются, а лицемѣры съ ханжами трепещутъ, однако слабостію своею извиняючись, такъ говорятъ. Кто можетъ изъ насъ противъ огня поядающаго устоять, или жить близъ пламени, несмаляясь отъ него? Для сей то причины ни мира, ни спокойства душевнаго имѣть имъ не возможно. Сіе всякъ умъ превозходящее духовное сокровище, тѣмъ только блаженнымъ людямъ предоставлено, которые правдою живутъ, всякую неправду ненавидятъ, даровъ не пріемлютъ, уши свои отъ облыганія и отъ злословія на ближняго прилѣжно затыкаютъ, а очи свои отъ соблазновъ и отъ всякаго зла рачительно отвращаютъ. Они то во Святую гору съ Господемъ вселятся. Во благомъ такая красота скрыта, которая души человѣческія, наподобіе солнечныхъ лучей непостижимо проницаетъ. Въ лонѣ его живущее вѣчное право, наполняетъ сердца добродѣтельныхъ людей неизреченнымъ веселіемъ и безсмертною радостію. Къ сему присоединяется любовь и боязнь божія, когда духъ Господенъ засвидѣтельствуетъ духу нашему, что мы истинныя чады божія будучи, волю небеснаго Отца своего съ веселіемъ исполняемъ, а угодная ему съ радостію творимъ. Съ симъ согласная совѣсть, такимъ напоминаніемъ человѣка веселитъ, что онъ же къ миру и спокойству душевному принадлежащее по силѣ своей исполнилъ. Сія духовная радость побѣждаетъ болѣзнь Павлю, а Давиду подаетъ такую смѣлость, съ которою онъ по чистой своей совѣсти предъ богомъ говоритъ. Господи боже мой! Аще есть неправда въ руку моею, аще воздахъ воздающимъ ми зло, да отпаду убо отъ врагъ моихъ тощь. Да поженетъ врагъ душу мою, и да постигнетъ и поперетъ въ землю животъ мой, и славу мою въ персть вселитъ. По сему во грѣхахъ лежащей свѣтъ сей весьма злое мнѣніе имѣетъ, что Святую добродѣтель печалью только для того зоветъ, что незнаетъ той неизглаголанной радости, которая отъ исполненія благихъ дѣлъ произходя, душу и сердце у человѣка веселіемъ и спокойствомъ наполняетъ. Ежелибъ свѣтскіе люди могли понять, какъ пріятенъ тотъ трудъ, когда человѣкъ должность свою добродѣтельми исполняя

няя, по воли и по заповѣдямъ бога своего живетъ, а стопамъ Христовымъ усердно послѣдуетъ; тобы конечно увидѣли, что сіе есть истинной рай на земли, и побѣжденіе властвующаго грѣха со всѣми безпокойствы его. Но душевной, то есть: плотской человѣкъ непріемлетъ, яже отъ духа божія. Юродство бо ему [по слову Апостола Павла,] есть, и неможетъ сего разумѣти. Премудрой Соломомъ увѣряетъ, что никакая внѣшняя на свѣтѣ семъ радость, съ происходящимъ отъ доброй совѣсти веселіемъ сердца и духа человѣческаго сравняться не можетъ. Сія радость такъ велика, что хотябъ вся жизнь добродѣтельнаго человѣка зла и безщастна была; однако добрая совѣсть и чистое сердце, всегдашнее имъ веселіе. Сіе духовное брашно питаетъ ихъ несравненною мѣрою больше того богатаго стола, за которымъ въ роскошахъ погибшей Царь Сарданапалъ сидя, такое безуміе сказалъ. Попьемъ, поѣдимъ, да повеселимся, завтра намъ умереть; а по смерти никакого уже веселья не будетъ. Предъ симъ объявленное духовное веселіе состоитъ въ нелицемѣрной любви ко всему благому и праведному; а сія божественная склонность не отъ развращеннаго естества человѣческаго родится, но отъ той силы со дѣйствомъ духа божія начало свое беретъ, о которой Пророкъ Исаія въ 32 главѣ книги своей такъ пишетъ. Донде же найдетъ на вы духъ отъ вышняго, и будутъ дѣла праведная миръ, и удержитъ правда покой, и уповающе будутъ до вѣка. И вселятся людіе его во градѣ мирнѣ, и будутъ уповающе на Господа, и почіютъ съ богатствомъ. Чистое сердце подлинной домъ божій, а добрая совѣсть истинной храмъ мира, въ которомъ правда и судъ, безъ примѣси суетныхъ замысловъ и безъ лукавыхъ намѣреней живетъ. Кто правду дѣлаетъ, тотъ никого и ничего не боится. Искреннюю радостію веселится о исполненіи должности своей, отъ чего и весь духъ его спокоенъ. Сіе то духовное веселіе страждущаго Іова, въ то самое время непреодоленною радостію ободряетъ, когда струпы и язвы тѣло его жгутъ, друзья его оставляютъ, враги мучатъ, а бѣды со всѣхъ сторонъ праведнаго мужа утѣсняютъ. Но въ великодушіи несравненной Іовъ, при всемъ томъ веселъ. Какъ же сему великому и праведну мужу не радоваться, когда совѣсть [по собственнымъ сего многострадальца словамъ] обо всей жизни его не мучитъ? Гдѣ любовь божія, тамъ душевной

горести нѣтъ. Гдѣ смиренїе съ кротостїю, тамъ ни гордости, ни супротивленїя не бываетъ. Гдѣ правда, тамъ смѣлость, гдѣ милость, тамъ спокойство, а гдѣ тишина, тамъ миръ со всякимъ удовольствїемъ. Гдѣ трїипостасный, и въ трехъ лицахъ единственный богъ нашъ, тамъ миръ, радость и веселїе во вѣки. Сїе то есть воздаянїе за труды отъ Творца и Господа тѣмъ Христїянамъ, у которыхъ сердце чисто, а совѣсть непорочна. Съ симъ чистымъ сердцемъ, и съ сею непорочною совѣстїю должны дѣла благїя соединены быть, ежели человѣкъ передъ лицемъ и предъ Престоломъ божїимъ оправдаться желаетъ. Чему насъ внутреннѣ утѣшать, тому изъ глубины сердца произходить надлежитъ. Кто внутреннюю радость совѣсти своей вкусить желаетъ, у того ни тайныхъ замысловъ, ни роскошей, ни притвору, ни лицемѣрїя быть не должно. О сей то чистотѣ совѣсти, Апостолъ Святый Іоаннъ богословъ пишетъ. Аще совѣсть наша не зазритъ намъ, дерзновенїе имамы къ богу. Но понеже на свѣтѣ ни одного безгрѣшнаго человѣка нѣтъ, и быть ему не льзя; то совѣсти оправдаться желающаго человѣка, надобно соединеной быть съ совершенною искренностїю и съ добрымъ намѣренїемъ, о беспорочномъ хожденїи предъ богомъ и предъ человѣки, по мудрому слову Цесаря Марка Аврелїя. Ты въ своей жизни прямою дорогою поди, а кромѣ добра, и кромѣ правды, никакой худобы не дѣлай. Тѣмъ избавишся отъ многихъ безпокойствъ, и отъ такой тайной муки, которая съ гордостїю или съ лицемѣрїемъ соединена.

30.

Хотя сїе руководство мудраго язычника, къ душевному спокойству прилично, и потому весьма изрядно, что на правдѣ и на искренности основано. Однако Давидово предводительство потому совершеннѣе, что сей богоотецъ и Пророкъ, истинное познанїе благодати божїя, кротость, покаянїе, правосудїе и любовь божїю, за вѣрныхъ предвозвѣстниковъ душевнаго мира, сими словами объявляетъ. Свѣтъ возсїяетъ праведнику, и правымъ сердцемъ веселїе. благодати должно съ небесе сойти, а истиннѣ въ сердцахъ человѣческихъ жить надлежитъ, по слову того же Царя и Пророка: правда и миръ облобызастася, истинна отъ земли возсїя, и правда съ небесе приниче; ибо Господь дастъ благость, и земля наша дастъ Радость духовная.

 плодъ

плодъ свой. Истинна съ правдою во всѣхъ дѣлахъ и въ намѣреніяхъ человѣческихъ производитъ миръ, а помощь небесной благодати уподобляется тихому дожжу, ростящему плоды сего мира, да благословенной и желаемой жатвы, радости и веселія. Тотъ же Римской Императоръ Маркъ Аврелій Антонинъ, въ десятой книгѣ мудрыхъ разсужденей своихъ, о суетнѣйшей радости свѣтскихъ людей сими словами пишетъ. Паукъ по своей паутинѣ за тѣмъ къ верьху подымается, чтобъ ему муху изловить. Человѣкъ радуется о томъ, какъ зайца изловитъ, или рыбу поймаетъ, также когда дикую свинью или медвѣдя застрѣлитъ: другой веселится тѣмъ, что плѣнныхъ Сарматовъ на цѣпяхъ и въ желѣзахъ за собою тащитъ. Посмотри на ихъ мнѣніе! Лутчель этѣ люди разбойниковъ? По сему истинно мудрому разсужденію, вся свѣтская радость больше повреждение самому себѣ, нежели прямое веселіе разумному человѣку. Одного веселитъ прельщенное мечтаніе, а другова человѣка гортань, глазъ, ухо или брюхо въ восторгъ приводитъ. Всякъ изъ прибыли и для мнимаго насыщенія радуется. Но сія радость членовъ весьма маловременна и вредительна. Напротиву же того веселіе совѣсти долговѣчно, и такъ несказанное сердцу человѣческому радованіе, которое по всему тѣлу разливаяся, чувства веселитъ, разумъ уясняетъ, страсти утишаетъ, духъ успокоиваетъ, а жизнь нашу не только долгоденственну, но отчасу радостнѣйшею творитъ. Сіе изъясняетъ божественное обѣщаніе Христа Спасителя даровавшаго намъ сію духовную утѣху, вмѣсто себя во всѣхъ печалѣхъ, въ бѣдахъ, въ гоненіяхъ и въ напастяхъ нашихъ сими Святыми словами. И возрадуется сердце ваше, и радости вашея никто же возметъ отъ васъ. [Іоанна глава 16] Сіе вторично посрамляетъ заблужденіе тѣхъ безумцовъ, которые Христіянство за трагедію почитаютъ. Можноль слѣпому о цвѣтахъ, а естественному человѣку о томъ разсуждать, что отъ духа божія? Внутренняя сердца человѣческаго радость, нималаго звуку и шуму изъ внѣ не дѣлаетъ, по слову Давидову. Коль многое множество благости твоея, юже скрылъ еси боящимся тебе Господи. Недумайте любезные Христіяне, будто тотъ человѣкъ меланхоликъ, которой съ другими не пляшетъ и безобразно не веселится. Истинная, сердечная радость, внѣшнимъ крикомъ и скотскимъ ревеніемъ отнюдь не оказывается,

вается. Толькожъ и она разнымъ искушеніямъ и нападкамъ для того подвержена, что вышшему безъ нижняго быть нельзя; а о сладости по сопротивленію горести разсуждать должно. Духовная радость происходитъ отъ сокрушеннаго сердца. Священное писаніе объявляетъ, что небесное царствіе внутрь насъ, то есть: во отверженіи свѣтской чести, радости, богатства и роскошей. Тожъ Святое писаніе открываетъ намъ, что небесное царство есть правда, миръ и радость о дусѣ Святѣ. Свѣтское безпокойство отъ того происходитъ, что человѣкъ безмѣрнымъ прилѣпленіемъ къ вещамъ тлѣннымъ, удаляется отъ лица благодати божія. Радость съ веселіемъ его отъ присудствія славы божія родится, а удаленіе отъ неѣ тотъ самой гнѣвъ божій, въ которомъ грѣхъ человѣка сѣдаетъ. Присудствіе лица Господня, есть любовь божія наполняющая сердце наше свѣтомъ, жизнію и всегдашнею радостію. Въ погибшемъ отъ грѣхопаденія естествѣ нашемъ, кромѣ темноты, мятежа, горести, печали, и кромѣ самой смерти, ничего добраго найти не возможно, а въ благодати божіей свѣтъ животный, миръ и покой душевный, всегдашняя надѣжда, и сладость жизни человѣческой. Всѣ сіи дѣйствительныя исполненіи любви, щедроты и благодати божія даруются намъ во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, присносущнемъ свѣтѣ славы отчей. Сего отъ начала и сложенія свѣта обѣтованнаго Мессію и Спаса душъ нашихъ, учинилъ богъ примирителемъ и свѣтомъ всему миру. Сего то Пророками преднареченнаго Мессію помазанника Господня, ожидали древніе Евреи съ такимъ упованіемъ, что онъ утѣшитъ Израиля духомъ радости. Еврейскіе учители приписываютъ ему чрезвычайное и умомъ непостижимое таинственное дѣйство той всегда съ нимъ присудствующей благодати божіей, о которой Святый Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ богословъ увѣряетъ. Слово плоть бысть; и видѣхомъ славу его, славу яко единороднаго отъ Отца исполнь благодати и истинны, яже Іисусъ Христомъ бысть. Древніе Евреи въ молитвѣ своей всегда такое слово говорили. Возвеселиши ны радостію лица твоего. Божій человѣкъ и верховный Пророкъ Моисей, сію отъ сложенія мира сокровенную тайну, въ восемдесятъ девятомъ псалмѣ своемъ, сими словами открываетъ. Исполнихомся за утра милости твоея Господи, и возвеселихомся за дни, вня же смирилъ ны еси. Призри на рабы твоя и на

дѣла твоя, и настави сыны ихъ. О призрѣніи на рабы и на дѣла своя, для того Пророкъ бога проситъ, что Господь силъ, въ то время къ народу Еврейскому во внѣшнемъ служеніи, чрезъ сего слугу и угодника своего многія чудеса являлъ; а послѣдующими словами настави сыны ихъ, предзнаменовалъ Моисей пришествіе Мессіи, то есть: воплощеніе Христа сына божія, чрезъ котораго не только одни Израильтяне, но всѣ языческіе народы избавлены, просвѣщены и обрадованы быть имѣли. Сего то ради хвалимся о помазанномъ елеѣмъ радости Спасѣ и Господѣ нашемъ, подающемъ радостнаго и утѣшительнаго духа всѣмъ любящимъ его, по слову возлюбленнаго ученика и таинъ его зрителя. Отъ исполненія его мы вси пріяхомъ, и благодать возблагодать. Сіе то есть дражайшее помазаніе изливающееся на насъ Христомъ Спасителемъ нашимъ вѣчно должною къ нему любовію поющею въ сердцахъ нашихъ Господеви. Въ сей то высочайшей и божественной силѣ хвалятся Христіяне скорбми и печальми своими, а мученики во оной мукъ и ранъ своихъ не чувствовали. Апостолъ Павелъ объявляетъ сіе чудо [къ Римлян: гла: 5] сими словами. Хвалимся въ скорбѣхъ нашихъ, вѣдяще, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искуство, искуство же упованіе, упованіе же не посрамитъ, яко любы божія изліяся въ сердца наша духомъ Святымъ даннымъ намъ. Миръ Христіянина съ Господемъ богомъ своимъ, основанъ на силѣ покаянія и вѣры. Ежели мы не желаемъ сего мира опровергнуть; то не должно намъ ничего того упускать, что Христіянъ съ Царемъ мира небеснаго соединить можетъ. За нашимъ усерднымъ исканіемъ добраго, послѣдуетъ любовь и благодать божія. Подъ сѣнію крылъ ихъ, миръ и надѣжда растетъ; а душа Христіянская такъ возвышается и крѣпчаетъ, какъ гора каменная. Какъ бы Іосифу въ темницѣ, Даніилу между львами, а тремъ отрокамъ во огненной пещи веселымъ и спокойнымъ быть, ежели бы присудствующая съ ними благодать божія всякъ умъ превозходящей силы не имѣла? Хотя мы способы къ полученію сего радостнаго духа, не отъ человѣческой помощи и науки беремъ, а препятства оному отъ единой склонности ко грѣхамъ поприродному нещастію заимствуемъ; однако во Святомъ писаніи къ сей горѣ духовной радости, слѣдующія стези находимъ. 1 Покаяніе и перемѣну сердца не чистаго съ прошеніемъ у Творца. Сердце чисто

созижди

созижди во мнѣ боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей. 2 Ежедневное обновленіе съ молитвою, не введи насъ во искушеніе. 3 Вѣрность и постоянство въ добромъ. 4 Приближеніе къ богу и преодолѣніе зла, истинною и сыновскою богобоязностію. 5 Мудрая осторожность, дабы духа божія не оскорбить, со умиленною прозьбою. И духа твоего Святаго не отыми отъ мене. 6 Терпѣніе во искушеніяхъ съ сею молитвою. Воздаждь ми радость спасенія твоего. 7 Наконецъ воздержное веселіе и спокойство, съ симъ моленіемъ. И духомъ владычнимъ утверди мя. Какъ Іовъ, такъ и Давидъ прилѣжнымъ разсмотрѣніемъ дѣлъ божіихъ, радостнаго и крѣпкаго духа достигши, ни къ какой твари не прилѣплялись: но, какъ орлы къ солнцу, такъ души ихъ ко Творцу всего мира, отчасу выше возлѣтали. Оба Святые и великіе мужи, не только то разсуждаютъ, какимъ изрядствомъ богъ весь свѣтъ сотворилъ, такжe коль не постижимою силою оной содержитъ и управляетъ. Какое воздаяніе тѣмъ людямъ даруетъ, которые при порядкѣ вѣчной правды остаются; а тѣхъ людей праведнѣйшій судія не избѣжно наказуетъ, кои сей порядокъ оставляютъ. Отъ сего набожнаго размышленія, произходитъ удивленіе чудѣсамъ божіимъ и радостное прославленіе Творца, по словамъ Царя и Пророка. Воспойте Господеви пѣснь нову. Пойте ему вся земля. Возвѣстите во языцѣхъ славу его, во всѣхъ людѣхъ чудеса его. Да возрадуется сердце боящихся господа и взыскающихъ его. Симъ богомысліемъ укрѣпившейся Монархъ, въ необычайное великодушіе пришедши, на другомъ мѣстѣ говоритъ. Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое. Откуды многими печальми окруженный Давидъ такую радость, а утѣсненной со всѣхъ сторонъ помазанникъ Господень, такое великодушіе получилъ? Самъ сей кроткій Царь, чрезвычайному великодушію и смѣльству своему четыре причины показалъ. 1 Добрую и чистую совѣсть, [сими словами] умыю въ неповинныхъ руцѣ мои. 2 Теплую молитву. Гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ, и услыша мя отъ горы Святыя своея. 3 Усердное хожденіе въ церковь, [по слову его] изволихъ приметатися въ дому бога моего, паче неже жити ми въ селеніяхъ грѣшничихъ. 4 Частое чтеніе и разсужденіе слова божія. Аще не бы законъ твой поученіе мое былъ, погиблъ убо быхъ во смиреніи моемъ.

31.

Молитва. Здѣсь представимъ четыре руководства къ миру и покою душевному. Прилѣжная къ богу молитва все то разсыпаетъ, что отъ тайныхъ прелестей или отъ явныхъ враговъ къ обезпокоиванію духа нашего произходитъ. Тѣ ли грѣхи насъ мучатъ, которыя человѣка съ богомъ и съ миромъ душевнымъ разлучаютъ? Въ такомъ случаѣ смиренный Давидъ сими словами бога молитъ. Помилуй мя боже по велицей милости твоей, и по множеству щедротъ твоихъ, очисти беззаконіе мое. За тѣмъ уже въ прежнее спокойство души своей пришедши, говоритъ. блажени, имъ же оставишася беззаконія, и имъ же прикрышася грѣси. Вскую прискорбна еси душе моя, и вскую смущаешимя. Уповай на Господа, яко той есть, спасеніе твое и богъ мой. Внутренніяль искушенія наподобіе огненныхъ стрѣлъ около души человѣческой лѣтаютъ? Отъ нихъ обороняющейся Царь Давидъ съ такимъ прилѣжаніемъ богу молится, что рад сть духа его опять къ нему возвращается, а онъ въ благодарномъ псалмѣ своемъ отъ лица божія, слѣдующіе слова самъ о себѣ поетъ. Яко на мя упова, избавлю и, и покрыю и, яко позна имя мое. Воззоветъ ко мнѣ, и услышу его. Съ нимъ есмь въ скорби, изму его и прославлю его. Долготу дней исполню его, и явлю ему спасеніе мое. Во внѣшней ли сіе, или въ такой внутренней печалѣ состоитъ, которая миру и спокойству душевному препятствуетъ; то страждущей Іовъ, по прилѣжной къ богу молитвѣ успокоившись, такъ говоритъ. Господь даде, Господь и взятъ; буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка. Ежели на него при жестокой болѣзни нетерпѣливость нападетъ, то онъ силою той же молитвы такъ себя укрѣпляетъ, что всемогущій богъ болѣзнь его въ здоровье, а печали въ радость претворивши, послѣдняя Іовля паче первыхъ благословилъ. Кроткій въ Монархахъ Давидъ, о печалѣхъ и скорбѣхъ своихъ такими словами объявляетъ. болѣзни адовы обрѣтоша мя, азъ же имя Господне призвахъ. Потомъ за полученное спасеніе, такими словами бога благодаритъ. Яко избавилъ еси душу мою отъ смерти, очи мои отъ слезъ, и нозѣ мои отъ поползновенія, да похожду предъ Господемъ во странѣ живыхъ. буде в аги и гонители миръ и покой душевной у чадъ божіихъ отнять хотятъ; то симъ обидимымъ надлежитъ послѣдовать примѣру Даніилову, которой

которой отъ гонящихъ его во внутреннѣйшія камеры свои удаляясь, часто молился. Враги кроткаго Давида на смерть гнали; а онъ бога сими словами молилъ. Доколѣ Господи забудеши мя до конца? Доколѣ отвращаеши лице твое отъ мене? Доколѣ положу совѣты въ души моей, болѣзни въ сердцѣ моемъ день и нощь? Призри и услыши мя Господи боже мой. А желанную отъ бога милость и помощь получа, псаломъ свой такимъ радостнымъ стихомъ заключаетъ. Возрадовася сердце мое о спасеніи твоемъ. Воспою Господеви благодѣявшему мнѣ, и пою имени Господа вышняго. Богодухновенный Давидъ, тайную силу молитвы своей, по разнымъ псалмамъ для того разсѣялъ, что оную въ трoякомъ дѣйствѣ самъ усмотрѣлъ. 1. Молитвою облегченное сердце отъ всякаго страха свобождается. 2. А отъ облегченія распространяясь, молитву свою свободнѣе производитъ. 3. Симъ же моленіемъ вселяется въ души наши особливая сила божія, на преодоленіе всякаго зла. Той же молитвы чудною силою душа наша отчасу болѣе съ богомъ соединяяся, участницею всесильной помощи его бываетъ; того же Царя и псалмопѣвца. Близъ Господь всѣмъ призывающимъ его во истиннѣ. Волю боящихся его сотворитъ, и молитву ихъ услышитъ. Сіе показываетъ въ молитвѣ слѣдующія свойства. 1. Молитву не за обычайное дѣло отправлять, но истиннымъ и сокрушеннымъ сердцемъ молиться надлежитъ. 2. Молитвѣ должно смиренной и постоянной; 3. а притомъ съ добродѣтельною жизнью соединенной быть. О силѣ продолжаемой молитвы, Царь Давидъ слѣдующее пишетъ. Внидоша воды до души моей, измолче зовый гортань мой. Хотя силы его въ молитвѣ ослабѣвали, только гонимой Царь непрерывно взываетъ. Господи! Да непостыжуся яко уповахъ на тя. Не посрами мене отчаянія моего. Милосердый богъ молитву помазанника своего услышавъ, все по желанію его исполнилъ. Апостолъ Святый въ согласіе съ симъ пишетъ. Страждетъ ли кто въ васъ? Да молитву дѣетъ. Всѣ другіе труды и свѣтскія старанія безполезны. Печаль бремя наше отягощаетъ, а молитва всякую прискорбность облегчаетъ. Только между печальми великое различіе. Нечаянная и по человѣческому разсужденію напрасно приходящая печаль, за тѣмъ безмѣрно жестока, что душа въ тѣ поры крайнѣ утѣсняется. Другія искушеніи съ нападками, можно иногда разумнымъ предуготовленіемъ отвратить, а нечаянная печаль, власно

 какъ

какъ вѣшняя , силою стремленія своего все опровергающая полая вода , всякое утѣшеніе уничтожаетъ. На сію крайнюю бѣду нѣтъ лутчаго исцѣленія кромѣ молитвы. Она человѣку миръ и покой душевный по прежнему возвращаетъ. Саулъ и Филистины , Авесаломъ и Ахитофель, по перемѣнно Давида мучатъ; а онъ въ молитвѣ своей говоритъ. Ко Господу внегда скорьбѣтими воззвахъ , и къ богу моему помолихся. И услыша гласъ мой , отъ храма Святаго своего , и вопль мой вниде во уши его. Сію силу къ молитвѣ почитаетъ Давидъ за особливой даръ отъ бога , и слѣдующей псаломъ свой , такою похвалою начинаетъ. Исповѣмся тебѣ Господи всемъ сердцемъ моимъ, повѣмъ вся чудеса твоя. Внегда возвратитися врагу моему вспять , изъ немогутъ и погибнутъ отъ лица твоего. Кто божія къ себѣ душевныя и тѣлесныя благодѣяніи станетъ прилѣжно разсматривать , тотъ притчину къ принесенію Творцу своему вседневнаго благодаренія получитъ : а сею благодарностію отчасу вящей отъ бога милости и помощи удостоится. Тотъ же царствующій Пророкъ повелѣваетъ намъ за всякія бѣды и за напасти свои создателя благодарить. Сіе называетъ богодухновенный Монархъ вратами правды и входомъ къ небеси. Естественно природной врагъ нашъ діяволъ , сію въ молитвѣ скрытую божественную силу вѣдая , плотскаго человѣка къ сему святому дѣлу , весьма лѣнивымъ и крайне разслабленнымъ творитъ. Мнѣ самому [издатель книги о себѣ пишетъ] къ большей славѣ божіей надлежитъ объявить , что хотя я послѣ молитвы очевидное спокойство душѣ своей , и явную отъ бога помощь въ печалѣхъ моихъ видѣлъ ; однако къ моленію весьма лѣнивъ , слабъ и скучливъ былъ. Боже всемогущій ! Какъ зло и повреждено естество человѣческое. Всѣ вѣдаемъ , что лутчаго лѣкарства отъ бѣдъ и печалей нашихъ нѣтъ кромѣ молитвы , а никто сего святаго душѣ своей пользованія употреблять не хочетъ. Нынѣ я твою лесть съ лукавствомъ, адской врагъ миру душевному, подлинно узналъ ! Ты меня въ бѣдности моей хотѣлъ прелѣстною суетою помалу не чувствителнымъ учинишь : Но богъ по неизреченному милосердію своему , хотя труднымъ и болѣзненнымъ, только душѣ моей весьма полезнымъ напоминаніемъ къ необходимо нужной молитвѣ приводя , дѣйствително меня тому научилъ, что къ возстановленію мира и покоя душевнаго, святая

молитва

молитва первой и лутчей способъ. Воспрянужъ я сей часъ отъ тяжкаго сна грѣховнаго, и буду готовъ къ молитвѣ ежедневной. Не стану того ждать, пока меня нужда и бѣда къ сему Святому, а душѣ моей полезнѣйшему дѣлу крайнею неволею привлечетъ. Начну заблаговременно ко Господу моему приближаться. Помолюсь ему со усердїемъ о ниспосланїи мнѣ духа благодати и молитвы.

32.

По такихъ трудахъ и старанїяхъ, родится въ душахъ Христїянскихъ великой миръ божїй превосходяй всякъ умъ. Сей святой миръ и божественный покой душамъ нашимъ, хранитъ духъ Христїянской отъ всякихъ мятежей злаго, лукаваго и во грѣсехъ лежащаго свѣта, о Христѣ Iисусѣ Господѣ нашемъ. Въ худой обычай принятое скорое чтенїе священныхъ книгъ, а особливо Святыхъ молитвъ, поистиннѣ сего божїя отвѣта достойно. Не вѣста ся, [себя незнаете] чесо просита. Оножъ и втораго объявленїя, тогожъ де Спаса миру удостоилось. Не мните, яко во многоглаголанїи вашемъ услышани будете. Въ молитвѣ истинному чувствованїю молебныхъ словъ и пѣнїя, съ радостью молящагося, а со умиленїемъ бога хвалящаго сердца быть должно. Люди на свѣтѣ лутчаго ищутъ, а притомъ покоя и удовольствїя естественно себѣ желаютъ. Во святомъ хваленїи бога, обое сїе всеконечно найдутъ. Удовольствїе сыщутъ въ разсмотрѣнїи дѣлъ божїихъ, въ напоминанїи минувшихъ нуждъ, печалей и бѣдъ своихъ, да еще въ разсмотрѣнїи настоящихъ благъ, дарованныхъ намъ отъ руки божїя; а лутчее обрящутъ, въ разсмотрѣнїи дѣлъ Творца всемогущаго, по слову псалмиста Святаго. Благо есть исповѣдатися Господеви и пѣти вся чудеса его. Кто сїе разсмотрѣнїе дѣлъ божїихъ во всей твари, и въ преестественной благодати разумно употребитъ, въ томъ человѣкѣ присно-текущей источникъ хвалы, и благодаренїя богу непрерывно будетъ. Набожной Царь Давидъ, сперьва употреблялъ сїе разсмотрѣнїе во всей твари, о чемъ во сто второмъ, и во сто третьемъ псалмѣ пространно писавши, а о слѣдахъ премудрости, силы и любви божїя душевно радуяся, самъ объявляетъ, что сердце его отъ такихъ мудрыхъ размышленей, всю худую

Хваленїе бога.

и природную горесть совершенно теряетъ; а разсужденіемъ о дѣлахъ божіихъ, власно какъ съ самимъ богомъ соединяяся, и отчасу большее услажденіе получа, такъ пишетъ. Воспою Господеви въ животѣ моемъ, пою богу моему, доньде же есмь. Да усладится ему бесѣда моя. Азъ же возвеселюся о Господѣ, и возрадуюся о бозѣ спасѣ моемъ. Хвали душе моя Господа, 2. По благодати во сто пятомъ псалмѣ обьявляетъ богодухновенный Давидъ. 1. благодѣяніи. 2. Судьбы божія. А 3. Особливую къ себѣ милость и помощь всемогущаго бога, по самой конецъ сто шестаго псалма, риторскимъ велерѣчіемъ прославляетъ. Сему великое удовольствіе дающему хваленію бога, два препятства есть. 1. Не избѣжное попеченіе о содержаніи себя съ домашними, которыхъ сердце отъ всегдашняго недостатка печально, малодушно, уныло, и такъ горестно, что въ немъ хвалѣ божіей и мѣста нѣтъ. 2. безразсудное стараніе о собраніи богатства. Только у такихъ людей памяти нѣтъ. Они тѣхъ имяна въ особливую книгу весьма исправно вносятъ, на комъ хотя единая копѣйка долгу ихъ есть; а чѣмъ они богу и ближнему должны, того никогда и вспомнить не хотятъ, да еще на тѣхъ людей злобятся, кто о семъ хотя изрѣдка имъ напомнитъ. Но воплощенная сила и премудрость божія, оба сіи препятства миру и покою душевному, слѣдующими словами отвращаетъ. Воззрите на птицы небесныя. Како ни сѣютъ, ни жнутъ, ни въ житницы свои собираютъ, а Отецъ небесный питаетъ ихъ. И паки воззрите на крины сельныя! Како ни труждаются, ни прядутъ; аминь глаголю вамъ, ни Соломонъ облечеся тако во всей своей славѣ, яко единъ отъ сихъ. Не лутчель человѣку изо всего на свѣтѣ, притчину къ спокойству и удовольству, нежели поводъ къ печалямъ и къ неудовольствію своему брать? Мнѣ случилось на такую курицу смотрѣть, которая брошенныя ей зерна клюючи, однимъ глазомъ на кормящаго, а другимъ на небо очень часто взглядывала. Я на эту умную тварь смотря, не могъ тому надивится, что она почти за всякое склеванное зерно, и кормильцу своему, и верьховнѣйшему всѣхъ благъ дарователю богу, съ такимъ усердіемъ благодарила. Мы разумное созданіе не въ сотеро ли глупѣе этой умной курицы, что у богатаго стола сидя за множествомъ обходящихъ рюмокъ и покаловъ, также за опаснымъ душѣ Христіянской шумомъ гремящей музыки, не только Святыхъ словъ

Спаси-

Спасителя нашего , да неотягчают҃ сердца ваша объяденіемъ и пьянствомъ вспомнить , да вставши изъ за такого пиршества и бога поблагодарить забываемъ. Тѣ то [любезной читатель] часы душамъ непорочнымъ страшны. Пожалуй ты ихъ поберегись. Я на всякое утро Творцу моему усердное за то благодареніе приношу , что онъ меня до сего часа жива и цѣла сохранивши , столько мнѣ даровалъ, чѣмъ до завтрѣе дожить. На что бы ты ни взглянулъ , все тебѣ къ благодаренію и къ хвалѣ Творца твоего притчину подаетъ. Но сіе хваленіе бога , не въ красотѣ суетнаго велерѣчія, ниже въ скоро преходящей радости , но во всегдашнемъ чувствованіи неизреченныхъ благъ и милостей его состоять должно.

33.

Худые обычаи въ злостяхъ лежащаго свѣта , соблазнительные примѣры развращенныхъ людей , и собственное злонравіе наше , весьма легко человѣка отъ бога отвлекаетъ. Вся недѣля въ премногихъ суетахъ нашихъ невидимо и не чувственно проходитъ. Сей то ради вины воскресные дни , и господскіе праздники на то уставлены, дабы люди хожденіемъ во Святую церьковь , сами себя узнавши , въ страхъ божій пришли. Въ семъ великомъ дѣлѣ трудящіеся пастыри церькви Христовой, съ провѣдниками и учительми слова божія , сугубой чести и славы достойны , когда паству свою набожно и добродѣтельно управляя, о спасеніи порученныхъ имъ душъ истинное и усердное раченіе прилагаютъ. Тогда отправленіе публичной службы въ домахъ божіихъ, великое ободреніе душамъ , и успокоеніе сердцамъ Христіянскимъ приноситъ. Собраніе истинныхъ Христіянъ въ домъ Господень на молитву, такое духовное веселіе, которымъ исполняются божественныя слова Спасителя нашего. Идѣже два или три собрани есте во имя мое , ту и азъ посредѣ вы. Благоучрежденной порядокъ службы божія заключаетъ въ себѣ тайную и все естество человѣче веселящую красоту. Къ сему присовокупляется внутреннѣе благолѣпіе церькви, благочиніе священнослужителей , пріятность пѣнія , а особливо духовная сила проповѣди слова божія. Все сіе производитъ въ душахъ нашихъ внутренее веселіе со удивленіемъ любви и величію божію, также особливое спокойство душевное, по слову Святаго Апостола Павла. Утѣшающе

Публичное отправленіе службы божія.

шающе себе во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ, воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви.

34.

Достойное причащеніе святыхъ и божественныхъ таинъ.

Животворящее душамъ нашимъ брашно пречистаго тѣла, и Святѣйшей крови Господа бога и Спаса нашего Іисуса Христа, всѣ благодати его жаждущія души православныхъ Христіянъ, новою жизнью и духомъ неизреченной радости преестественно наполняетъ, по божественному слову самого Спасителя миру. Ядый мою плоть, и піяй мою кровь, во мнѣ пребываетъ, и азъ въ немъ. Которая душа толь тѣсно съ сыномъ божіимъ соединена, та уже и сообщницею кроткаго, радостнаго, божественнаго и всеблагаго духа его будетъ. Сіе то есть истинная вечеря на горѣ Сіони, куда шумъ и мятежъ бозпокойнаго свѣта зайти не можетъ. бракъ любви и вечеря тайная агнца божія возлюбившаго насъ и предавшаго себе за ны Христа бога и Спасителя нашего. безсмертное торжество радостнаго и всеблагаго духа. Сподоби же насъ милосердый творче и Господи! Не осужденно причащатися сей Святѣйшей чаши спасенія твоего во вся времена, даже до конца жизни нашея, и въ невечернемъ дни Царствія твоего.

35.

Чтеніе священнаго писанія.

Утѣшеніе слова божія такъ сильно, а въ радости столь изобильно, какова истинна Господня сама всемощна. Изъ сего сильнаго сѣмени превѣчной правды, родится въ сердцѣ человѣческомъ вѣра, надѣжда, любовь, терпѣніе, утѣшеніе и радость духовная. Всякъ прилѣжной читатель священнаго писанія, туже великую силу слова божія ощутитъ, которую добродѣтельнѣйшій въ Монархахъ Давидъ, сими словами праведно хвалитъ. блаженъ мужъ, иже на иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде. Но въ законѣ Господни воля его, и въ законѣ его поучится день и нощь. Страшныя совы печалей, и темные духи скорбей душевныхъ, отъ сего свѣта бѣгутъ и совершенно изчезаютъ. Миръ многъ [тотъ же Псаломникъ богу глаголетъ] любящимъ законъ твой, и нѣсть имъ соблазна. Азъ быхъ въ скорби, но словеса твоя утѣшиста мя. Понеже весь окружающей

жающей насъ свѣтъ въ злостяхъ лежитъ; то человѣку великая отъ сего польза произойдетъ, ежели на всякое утро по одному Псалму пѣсней Давидовыхъ, а притомъ нравоучительныя книги читать станетъ. Чѣмъ больше сего чтенія прибавитъ, тѣмъ болѣе миръ души его умножится, по слову Соломонову. Иже послушаетъ слова, и слово послушаетъ его, боящися же заповѣди, сей здравъ будетъ. Мы сіе въ самомъ дѣлѣ видимъ, что нечестивые слово божіе презираютъ, а сими всегда безпокойны. Напротиву того добродѣтельные люди слово божіе любятъ, и почитательнымъ исполненіемъ онаго, великое себѣ спокойство получаютъ. Въ нынѣшнихъ временахъ больше невѣрія и злочестія, нежели вѣры, набожности и любленія, которыхъ дѣды, да отцы, любовію и соблюденіемъ слова божія избавлены и благословлены, тѣмъ нынѣ старой обычай блаженной добродѣтели наскучилъ; а они по новой модѣ живучи, о правдѣ и о святости того слова сумнѣваются, которое Праотцовъ ихъ спасло и сохранило. О такихъ людяхъ для того жалѣть надлежитъ, что они сперьва презирательми слова божія и правды его, а за тѣмъ уже изъ доброй воли сами себѣ мучительми дѣлаются. Вопреки тому, добродѣтель и правду любящія сердца, ни легкомышленнымъ сихъ вертопраховъ разсужденіемъ, ни ухищренными ихъ и лѣстными предложеніями, отнюдь не прельщаются, но совѣта мудрыхъ людей и своего искуства разумно слушаются. Временное щастіе и вѣчное блаженство, отъ исполненія сей должности зависитъ. Какое намъ богу за то благодареніе воздать, что роду Христіянскому въ страшной пустынѣ бѣдственнаго житія, и посреди бещисленнаго множества прелѣстныхъ сѣтей злаго свѣта, сію свѣтлѣйшую звѣзду, и также какъ Израилскимъ людямъ столпъ огненной на просвѣщеніе въ нощной тѣмнотѣ даровалъ, по Святому слову Апостола Павла. [2. послан: къ Тимоѳ: глав: 3] Всяко писаніе богодухновенно и полезно есть ко ученію, ко обличенію и къ наказанію въ правду, да совершенъ будетъ божій человѣкъ, и на всяко дѣло благое уготованъ. Богодухновенный Давидъ, по долговременномъ искуствѣ, въ должайшемъ псалмѣ своемъ [блажени непорочни], самъ о себѣ свидѣлствуетъ, что онъ единымъ словомъ божіимъ и силнымъ онаго разсужденіемъ, душу свою въ добромъ укрѣплялъ, въ печалѣхъ утѣшалъ, и всякое зломъ онымъ побуждалъ. У Давида одинъ только старой законъ съ немногими книгами ветхаго завѣта былъ; однако набожнѣйшій Царь

чтенїемъ оныхъ, въ бѣдахъ и въ напастяхъ своихъ великое облегченїе получалъ. Мы напротивъ тому хотя Евангельской свѣтъ съ новымъ завѣтомъ, также богудухновенныхъ Отцовъ и славнѣйшихъ проповѣдниковъ вѣры Христовой книги имѣемъ, однако все сїе презирать не боимся, и ничего помнить не хотимъ; да лутче въ задеревенеломъ упрямствѣ и въ смрадной лѣности своей, также въ душепагубной темнотѣ глубокаго невѣденїя остаться желаемъ. За чѣмъ же на то безпокойство жалуешся, въ которомъ ты, оставленїемъ слова божїя, самъ виноватъ? Тебѣ читанье свѣтскихъ безумствъ, лутче чтенїя слова божїя и Святаго Евангелїя, какъ истиннаго благовѣстника сему миру и спокойству душевному. Для того тебѣ дорогой мой, кромѣ свѣтской утѣхи, то есть: кромѣ страху и печали, да еще въ добавокъ, кромѣ душевной муки, другова веселья имѣть и уповать не льзя. Сердцу твоему отъ любленїя суеты всегда не постоянну, и какъ травѣ отъ вихровъ страстей безпрестанно колеблему, разуму твоему отъ тѣхъ же вѣтровъ вождѣленей потемненну, любви твоей къ суетѣ и тлѣнїю праведнымъ страхомъ наполненой, а надеждѣ твоей во всегдашнемъ волненїи погружаемой быть должно. Набожнѣйшїй Давидъ со всѣми любящими слово божїе, для того умнѣе непрїятелей своихъ, что слово Господне выше всего свѣта почитаетъ. Всесильное и животворящее слово божїе, всѣ и всякїя препятства изъ сердецъ нашихъ выгнать можетъ. Дай мнѣ сердитаго [пишетъ Лактанцїй,] я его словомъ божїимъ, какъ агнца усмирю. Приведи ко мнѣ пьяницу, я его тѣмъ же словомъ пристыжу. Покажи мнѣ печальнаго, слово Господне его утѣшитъ. безпокойнаго въ тихость приведетъ, а гнѣвливаго совершенно успокоитъ. Подитежъ сюда во страстѣхъ погруженныя души! Ищите здѣсь совершеннаго себѣ облегченїя, а болѣзнямъ вашимъ подлинной цѣльбы. Спѣшите печальные къ источнику радости и веселїя. бѣгите безпокойные къ покою и утѣхѣ своей. Проходите по среди сѣни смертныя, и не убойтеся. Самъ богъ съ вами. Весьмабъ не худо было, ежелибъ при семъ случаѣ къ поспѣшествованїю мира и спокойства душевнаго, на всякую печаль и прискорбность особливую главу сюды привесть. Но понеже такїя утѣшенїи въ печалѣхъ отъ многихъ богодухновенныхъ мужей писаны; то я изъ такой богатой палаты всякаго утѣшенїя одно сїе возьму, что къ возбу-

возбужденію и ко утвержденію истинной надежды на бога во всякой нуждѣ Христіянамъ служитъ. И то еще къ сему присовокуплю, чѣмъ сердце человѣческое больше всего увеселяется, а силою слова божія отъ всякаго безпокойства свобождено быть можетъ.

36.

Богоотецъ и Пророкъ Давидъ, въ молитвѣ ко Творцу своему глаголетъ. На тя уповаша отцы наша. Къ тебѣ воззваша и спасошася. Сіе благочестивѣйшаго Монарха слово, всѣмъ такимъ людямъ вѣчное доказательство, которые кромѣ примѣровъ ничего слушать и принимать не хотятъ. Авраамъ, Іосифъ, Моисей, Іовъ, Давидъ, Езекія, а по нихъ всѣ Пророки и Апостоли, хотя великія бѣды и гоненіи терпѣли, только притомъ не поколебимо добродѣтелные и великодушные люди были. Все сіе чудное великодушіе ихъ произходило отъ крѣпкой надѣжды на бога. Не бойся, [глаголетъ Ісаія словомъ Господнимъ] азъ есмь съ тобою. Не ужасайся, азъ богъ твой! Чтожъ отъ несумѣнной надѣжды на сіе обѣщаніе божіе произходитъ? бодрость, великодушіе и спокойство, по словамъ Святаго Апостола Павла. Аще богъ по насъ, кто на ны? Мужественный Царь Давидъ съ нимъ же соглашается слѣдующими словами. Не убоюся отъ темъ [всякая тьма имѣетъ въ себѣ десять тысячь человѣкъ;] людей, окрестъ нападающихъ нань. Воскресни Господи! Спаси мя боже мой. Упованіе на бога со извѣстною надѣждою на всегдашнее его милосердіе къ намъ, крѣпчайшая Христіянамъ оборона, отъ всѣхъ бѣдъ и напастей свѣтскихъ. Сіе упованіе со всѣми дѣйствами благодати божія, произходитъ отъ вѣрнаго признанія и отъ частаго напоминанія съ должнымъ прославленіемъ дѣлъ божіихъ. Моисей людемъ Израилевымъ не даромъ приказалъ дѣла божія съ чудесами его дѣтямъ своимъ сказывать: но для того сіе учинилъ, что бы потомки рода Еврейскаго, вѣрность, любовь, вѣру и надѣжду свою къ толь щедрому и всеблагому богу въ безконечныя вѣки неотмѣнно имѣли. Хотя плоть и кровь наша такъ немощна, что не только страхомъ и сомнѣніемъ преодолѣвается, но невѣріемъ отъ бога отвращена быть можетъ; однако писаніе противъ сего, имя Господне представляетъ намъ вмѣсто

Упованіе на бога.

ограды крѣпкой, вмѣсто приснотекущаго источника жаждою грѣховъ тающимъ. Также вмѣсто горы прибѣжища и спасенія всѣмъ отъ свѣтскихъ бѣдъ страждущимъ, а надѣждою помилованія его души свои утѣшающимъ, и въ постоянномъ терпѣніи крѣпящимъ. Ежели не имоверное сумнительство или нетерпѣливость, къ другой помощи или къ человѣческому предстательству насъ отвлекать начнетъ: то должно человѣку душу свою сими Давидовыми словами утвердить. Уповай на бога и спасешися, яко той есть спасенія лица моего и богъ мой. Сему упованію многіе препятства. 1. удаленіе отъ бога. 2. безпамятство. 3. Пребываніе въ суетѣ. 4. Гордость. 5. Надѣжда на себя и на чужую помощь. 6. Нетерпѣливость. 7. безмѣрное попеченіе о содержаніи себя пищею и одѣждою. Съ природы своей суетной человѣкъ, тщетную мысль всегда выше возможности, и далѣе маловременной жизни своей простираетъ. Ему надлежало о вѣчномъ блаженствѣ больше всего попеченіе имѣть. Но онъ вѣчное житье съ богомъ, забывши, о маловременномъ на землѣ суетится. Только истиннаго душѣ своей спокойства найти не можетъ. Не лутче ли намъ скрытую отъ глазъ нашихъ темноту будущаго, провидѣнію божію предавши, а въ то мѣсто на его милосердіе, и на непреложные обѣты безо всякаго сумнительства упованіе возложа, Авраамлею вѣрою укрѣпиться? Для чего бы намъ сего не здѣлать? Авраамъ несумѣнною вѣрою на единаго бога уповалъ; а мы на свой суетной умъ, да еще на хитрости съ мудрованіями надѣемся. Онъ себѣ помощи отъ бога небеснаго ожидалъ; а мы еѣ отъ земли беремъ. Изобилію да богатству такихъ людей завидуемъ, которые въ разныхъ обстоятельствахъ гораздо бѣднѣе насъ. Мы суетнымъ о самихъ насъ мнѣніемъ превознесшись, весьма ложно думаемъ, будто одни только мы праведны и благословенны, а другія всѣ злы и прокляты. безумная душа! Сама ты говоришъ, будто любви между человѣки нѣтъ, а помощи отъ немощныхъ людей ожидаешъ. Для чего не прибѣгаешъ ко всемогущему богу по примѣру Давидову? Видишъ ли, что ты надѣжду свою не на безсмертнаго бога, но на тлѣннаго человѣка возложила? Прельщенной и глупой человѣкъ! Познаваешъ ли какъ сильно ты обманулся? Въ истинномъ уповании на бога жива, ни суеты, ни самолюбія нѣтъ, и во вѣки не будетъ. Ты свою надѣжду не на бога не видимаго, да на

видимыя

видимыя деньги, и на такой тлѣнъ полагалъ, съ которымъ и вся твоя надѣжда исчезла. Авраамъ по истинной и несумнѣнной вѣрѣ своей во единаго Творца небу и земли, отнюдь того не думалъ, будто онъ добродѣтельми своими такъ у бога все заслужилъ, что богъ помогать ему долженъ. Святое писаніе о такой мнимой дерзости перваго въ Праотцахъ, ничего не упоминаетъ, да только о великомъ его намѣреніи говоритъ. Авраамля надѣжда не безъ искушенія была. Хотя долголѣтное жданіе сумнительныя мысли въ немъ и причиняло; только добродѣтельный Авраамъ, живою вѣрою и несумнѣнною надѣждою на безсмертнаго бога, всегда укрѣплялся. Желающему сего душевнаго спокойства достигнуть, надобно въ честь божію обще съ Авраамомъ подождать, и его примѣру слѣдуя, великодушно терпѣть. Кроткій Давидъ, всю сію школу терпѣнія самъ прошедши, а крѣпкую надѣжду на бога за единой путь къ душевному спокойству обьявя, на полученіе онаго слѣдующіе способы предписалъ. 1. Видимому щастію злыхъ не завидывать. 2. На себя не надѣяться, но на бога уповать. 3. Въ добромъ прилѣжну и постоянну быть, а пропитанія себѣ праведными и честными способы искать. 4. Все земное презря, въ единомъ бозѣ радости и спасенія себѣ искать. 5. Прилѣжно молиться. 6. Всю свою печаль богу поручить. 7. Кротку и терпѣливу быть. 8. благодати и милости божія сокрушеннымъ и смиреннымъ сердцемъ ожидать. 9. Чужому щастію не завидовать. 10. Кротости и смиренію учиться. 11. Ни внутреннему ни внѣшнему того не допускать, чтобъ оно тебя отъ всякаго блага и отъ святой добродѣтели отводило. 12. Малымъ довольствуючись, милости и помощи божія уповать. 13. А получа оную, стараться о содержаніи ея любовію, добродѣтельми, отвращеніемъ зла, поспѣшествованіемъ блага, мудростію, правосудіемъ, внутреннимъ свидѣтельствомъ доброй совѣсти, и крѣпостію вѣры Авраамовой. 14. Отъ злости и тайныхъ коварствъ прилѣжно беречся. 15. Явную къ себѣ милость божію признавая, всегда прославлять. 16. Чистой совѣсти и простосердечія держаться. 17. Паденія и конца злыхъ людей, бодрымъ и разумнымъ окомъ смотрѣть. 18. Всей помощи со избавленіемъ отъ бога ожидать. Сокращеніемъ сихъ малыхъ правилъ, показаны пути божія отъ начала вѣка. Хотя за ними препятствія и бываютъ, только и они напослѣдокъ въ

миръ и спокойство обращаются. Для примѣра сему обьявлю здѣсь разговоры добраго старика Амстердамскаго жида, которому родной племянникъ нужду и бѣдность свою сими словами обьявилъ.
Племян: Какъ мнѣ дядюшка быть, и чѣмъ жену съ
Дядя. дѣтьми содержать? Терпи, работай и молись, богъ тебя
Племян: не оставя, всеконечно пропитаетъ. Этой утѣхою жена моя
Дядя: съ дѣтьми сыта не будетъ. Глупъ ты племянникъ! Вѣруешь ли ты богу, и уповаешь ли на него крѣпко? Или о милости
Племян: да о Святой помощи его сумнѣваешся? Я богу вѣрую, и уповаю на него, только милости и помощи его по сю пору
Дядя. не вижу. Опять ты безумно говоришъ. Не довольно того, чтобъ богу вѣровать и уповать на него, да надобно ему прилѣжно молиться, дабы сею молитвою милость и Святую помощь его получить. И я съ молоду по глупости своей, также безумно думалъ и говорилъ какъ ты, когда у меня дѣтей умножалось, а пропитаніе было нужное. За такую свою нетѣрпеливость, принужденъ я былъ до тѣхъ поръ ждать, пока богъ въ такое время мнѣ помогъ, когда я о томъ не думалъ, и нималой надѣжды не имѣлъ. Пока самъ себѣ помочь хотѣлъ, и на силу свою надѣялся, до тѣхъ поръ труды мои не успѣвали; но божіимъ благословеніемъ сіе здѣлалось за простоту сердца,
Племян: и за твердую надѣжду мою на бога. А какъ? Я всегда
Дядя. думалъ, что мнѣ подождать надобно, а восьли бо колесо щастія, такъ обернется, что золотая струна и у моихъ дверей зазвѣнитъ. Знакомецъ мой Яковъ, черезъ двѣ улицы отъ меня торгомъ набогатился, и такъ уже щастіе ко мнѣ подходить стало. Какъ сосѣдъ мой Аврамъ разбогатѣлъ, то я въ себѣ подумалъ. Еще не много подожди, а восьли бо рядъ и до тебя дойдетъ, богъ милостивъ, и тебя съ дѣтьми не оставитъ. Такъ и тебѣ племянникъ совѣтую. Подожди другъ мой! Уповай на
Племян: бога, и будь спокоенъ. Я бы дядюшка ни слова не молвилъ, ежелибъ отъ жены да отъ дѣтей повседневной скуки не
Дядя. имѣлъ. Я тебѣ на это лѣкарство дамъ. Когда твоя хозяйка разворчится, то ты ей скажи. Слушай жена! Ты не въ верьхъ за оболока, да въ низъ подъ ноги себѣ смотри. Подъ нами въ погребѣ бѣдной сапожникъ живетъ. Его съ моря приходящая вода часто изъ постели выгоняетъ, а ты [слава богу] въ сухомъ мѣстѣ живешъ. Спишъ на мяхкой постѣлѣ, и никогда еще голодна изъ за стола не вставала; а бѣдной старикъ черезъ день, и то сухой хлѣбъ съ водою ѣстъ,

буде

буде же вверьхъ глядѣть хочешь , то не на такихъ людей
гляди, которые [по твоему бабью мнѣнію,] лутче и богатѣе
насъ , да выше всего на живущаго въ небѣ бога взгляни. Онъ
птичьихъ птенцовъ питаетъ , и всю тварь всемогуществомъ
своимъ содержитъ , а меня съ тобою да здѣтьми всеконечно
не оставитъ. Ты это разсудя стыдись о своей нетерпѣли-
вости. Такими то я словами жену мою уговаривалъ. Потомъ
мы съ нею упованіе свое на Господа бога возложа, спокойнѣе
здѣшнихъ въ Амстердамѣ банкировъ жили. Чтожъ тебѣ Племян:
дядюшка надѣжда твоя помогла? Она меня прежде всего Дядя.
спокойнымъ , а послѣ того и богатымъ учинила. Черезъ Племян:
какой способъ? Я уже тебѣ сказывалъ , надѣждою на бога Дядя.
да терпѣніемъ. И я терпѣть долженъ. Только пожалуй Племян:
скажи , какимъ ты способомъ богатъ сталъ? Жена моя Дядя.
трудами своими нѣсколько гульденовъ собравши , и лотерей-
ной билетъ купя, выиграла двѣ тысячи гульденовъ , а сынъ
мой почти въ тожъ время тысячу гиней изъ Аглинской
лотереи выигравъ, съ собою привезъ. Мы эти деньги вмѣстѣ
сложивши, начали такимъ честнымъ образомъ торговать ,
что я черезъ десять лѣтъ двѣсти тысячъ ефимковъ нажилъ.
Видишъ ли другъ мой! Какъ легко богу бѣднаго человѣка
помиловать? Подожди же, и молись ему тѣплою вѣрою.
Милосердый Творецъ и тебя всеконечно не оставитъ. Моло-
дой Евреянинъ сего дядина разумнаго совѣта послушавъ , и
помощію благодѣтелей своихъ торговать начавши за благосло-
веніемъ божіимъ, по прошествіи не многихъ лѣтъ, довольное
богатство собралъ. Изъ сего довольно явствуетъ, что
милосердый богъ , и нынѣ всемъ сердцемъ уповающихъ на
него, человѣколюбно не оставляетъ. Когда Филистины Царя
Давида въ городѣ Гадѣ осадивши, едва въ полонъ не взяли ,
то онъ единымъ милосердіемъ божіимъ спасшись, такъ говоритъ.
На Господа уповахъ , что сотворитъ мнѣ человѣкъ? Въ
бѣганіи своемъ отъ Саула , еще большіе страхи видѣлъ. Но
богъ за терпѣніе и кротость его , не только отъ всѣхъ
скорбей его спасъ, но и на обѣщанной ему по Саулѣ престолъ
возвелъ. Откуд бы сему кроткому пастырю овецъ Отца
своего , толь чудное великодушіе, и львиное сердце взять?
Слово и обѣтованіе божіе содержитъ и укрѣпляетъ его , по
собственнымъ сего Монарха словамъ къ богу. Помяни словеса
твоя къ рабу твоему , ихъ же упованіе далъ ми еси. Та мя

утѣшиста во смиреніи моемъ; яко слово твое живи мя. Гордіи поношаху ми, азъ же отъ закона твоего не уклонихся. Помянухъ судьбы твоя Господи отъ вѣка и утѣшихся. Какъ же Давидъ познаніе сего дѣйства и силы божія получилъ? Сравненіемъ дѣлъ божіихъ съ дѣлами человѣческими. А затѣмъ уже дѣйствительнымъ усмотрѣніемъ силы и помощи десницы божія. Симъ высокимъ искуствомъ непостоянство человѣческое узнавши, всякаго изъ насъ спрашиваетъ. Долголь вамъ бояться непостояннаго и на всякой часъ перемѣннаго человѣка? Онъ иногда умно, а больше безумно дѣлаетъ. Сами вы себя такою стѣною убиваете, которая безпрестанно трясется, а напослѣдокъ обвалясь, и тѣхъ людей подавляетъ, которые объ неѣ крѣпко опирались. Чего вы отъ такой злой и лукавой твари ждете, которая тебя сперва на руки взявши носитъ, и пѣстуя цѣлуетъ, а часъ погодя того смотритъ, какъ бы сіе дитя съ рукъ своихъ въ яму бросить, или головою объ уголъ ударить. Противъ этой природной злости естества человѣческаго, полагаетъ богодухновенный Давидъ всесильную помощь и вѣчную милость божію къ народу нашему. Крѣпкая надѣжда на бога, родится отъ невѣроятія самому себѣ и всей тварѣ. Что меньше человѣкъ на себя и на людей надѣется, то больше отъ бога милости и помощи себѣ получитъ. У собравшихся въ компаніи друзей здѣлался о томъ споръ, полезнѣель человѣку извѣстную сумму съ доходами отъ неѣ имѣть, или на бога уповая, отъ труда рукъ своихъ питаться лутче? Ручною работою содержавшей себя человѣкъ, на сей вопросъ отвѣчалъ. Я это въ самомъ дѣлѣ видѣлъ, что хотя доходами съ капиталовъ, или съ великихъ деревень своихъ живущіе люди, о надѣждѣ на бога и много говорятъ, только трудомъ рукъ своихъ питающіеся бѣдняки, этѣ душеполезныя ихъ разговоры самымъ дѣломъ исполняютъ. Я въ довольствѣ живучи, и самъ таковъ же былъ, а теперь искусившись на дѣлѣ узналъ, что мнѣ недостатокъ гораздо лутче изобилія. Хотя у меня деньги въ процентѣ не ходятъ; однако я ни потерянія всего капитала, ни обману въ процѣнтахъ, ни грѣха во взятье лихвы [блаженъ иже не даде сребра своего въ лихву.] Отнюдь не боюсь. Процѣнтщики, больше на сундуки свои съ деньгами, нежели на милость и на помощь его божію надѣются; а я на всемогущаго Творца небу и земли, упованіе мое возлагая, больше о томъ стараюсь, что бы мнѣ по

его

его волѣ и повелѣнію жить. Симъ способомъ всякой день помню создателя своего, дающаго мнѣ съ женою, съ дѣтьми и съ домашними моими насущный хлѣбъ нашъ. Ему то Господу и богу моему, я себя и бѣдныхъ домашнихъ моихъ на всю жизнь мою поручилъ, а послѣ моей смерти, пускай онъ создатель нашъ объ нихъ печется. О повседневномъ пропитаніи стараться очень не худо и надобно, а царствія божія съ правдою его искать, всего нужнѣе и полезнѣе, по слову и велѣнію Спасителя миру. Но естественный человѣкъ, сего исканія не знаетъ, и вѣдать про него не хочетъ, да лутче на смертныхъ людей надѣется, и ихъ милости больше, нежели божія помощи ждетъ. Этотъ ветхой Адамъ, или натуральной человѣкъ, всегда то любитъ, и на оное надѣется, что передъ собою видитъ, а для того въ великое безпокойство приходитъ, когда сего видимаго получить не можетъ, или его лишится. На когожъ ему надѣжду имѣть? На Господа бога своего, сотворшаго небо и землю, море и вся яже въ нихъ. Хранящаго истину въ вѣкъ, творящаго судъ обидимымъ, дающаго пищу алчущимъ. Не сумнѣвайсяжъ больше, въ печалѣхъ погруженная, или въ скорбѣхъ страждущая душа о томъ, на кого тебѣ всемъ сердцемъ и всею душею надѣяться. На сего вседержителя Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и не видимымъ. Единородный сынъ его, а намъ Спаситель и Господь Іисусъ Христосъ, истинный богъ нашъ, всѣ обѣтованіи превѣчнаго Отца своего собственно пречистою кровію запечатлѣлъ, а мы тѣмъ довольны и спокойны быть не хочемъ. Богъ по мѣрѣ нашей вѣры и надѣжды насъ милуетъ. Буде мы на него всѣми душевными силы своими надѣемся, то онъ намъ много и помогаетъ; а буде сему Творцу и богу своему ни въ чемъ не вѣримъ, то мы со всемъ погибли. На кого намъ больше и лутче его надѣяться? Онъ единъ истинный, крѣпкій, безсмертный и всемогущій богъ нашъ. Самобытная истинна, непостижимая сила и сладчайшая любовь наша. Онъ единый сего совершеннаго упованія на него, къ нашей же собственной пользѣ отъ насъ требуетъ; а отъ сложенія мира всесильными и святыми дѣлами своими показалъ, что сія верьховная надѣжда, ему единому Творцу и богу нашему принадлежитъ. Онъ же сего упованія для того отъ насъ требуетъ, дабы мы все то прилѣжно помнили, что богъ за долго до насъ другимъ людямъ здѣлалъ, и какія къ намъ

[мило-

[милости за твердое на него упованіе явилъ. Мы же бы, и въ томъ несумѣнно ему вѣровали, что Господь всемогущій и намъ ту же помощь съ милостію доровать силенъ. Всѣ добродѣтельные живою вѣрою ободренные люди, такъ дѣлали и тѣмъ напоминаніемъ укрѣплялись въ надеждѣ своей о томъ; что богъ прежде ихъ бывшимъ учинилъ, тожъ самое и съ ними сотворить всемощенъ, какъ сіе и самымъ дѣломъ исполнилось. Когда Царя Давида великія печали окружили; то онъ въ теплой молитвѣ къ богу по обыкновенному смиренію своему, такія слова приноситъ: Помилуй мя боже! Яко попра мя человѣкъ, весь день боря стужими. Въ другомъ псалмѣ прежнюю къ себѣ милость и помощь божію сими словами хвалитъ: Аще не Господь бы былъ въ насъ, внегда человѣкомъ востати на ны, живыхъ убо пожерли быша насъ. Обаче душа наша яко птица отъ сѣти ловящихъ избавися. Сѣть ихъ сокрушися, и мы избавлени быхомъ, помощь наша отъ Госпо да сотворившаго небо и землю. Надѣющіихся на Господа, яко гора Сіонъ не подвижутся во вѣкъ.

37.

постоянство во благомъ; Сія извѣстность во благомъ, такое постоянство въ добродѣтельныхъ людяхъ производитъ, которое ни суетою не прельщается, и никакимъ печалямъ себя отъ бога отвлекать не допускаетъ. Человѣческое сердце до тѣхъ поръ сумнѣніемъ колеблется, пока въ вѣрѣ и надеждѣ такъ не утвердится какъ гора Сіонъ. Хотя по ней премногія тысячи дикихъ и лютыхъ звѣрей бѣгали, однако горы нимало не повредивши, съ тѣхъ поръ сами всѣ ищезли, какъ жилище божіе на горѣ Сіонѣ утвердилось. Презрядное подобіе въ правовѣрныхъ душахъ живущей благодати божіей, которая ихъ не только во всѣхъ человѣческихъ немощахъ крѣпитъ, но и суету съ печальми одолѣвать помогаетъ. Природное непостоянство человѣческое происходитъ отъ невѣрія, а потомъ человѣка не извѣстна, сумнительна и такъ не тверда въ добромъ творитъ, что онъ безъ силы и помощи божія [по слову Еврейскихъ учителей] дымъ, пыль, или вѣтреная мѣльница. На изцѣленіе сего природнаго колебанія даровала благодать божія правовѣрнымъ душамъ тотъ твердой духъ, о которомъ Давидъ бога молитъ: И духъ правъ обнови во утробѣ моей. Царь и Пророкъ, духъ правый на то у бога проситъ, что

что бы различїе между истиннымъ постоянствомъ, и между своенравною гордостью ясно показать. Постоянство отъ подлинной извѣстности произходитъ, а упрямство отъ ложнаго мнѣнїя родится. Постоянство основано на вѣчной истиннѣ, а упрямство на мечтанїи, да еще на своевольствѣ утверждается. Постоянство произтекаетъ отъ любви божїя, да отъ любленїя ближняго, а упрямство отъ слѣпаго самолюбїя родится. Постоянство волю свою по разуму, отъ добраго произволенїя помрачить хочетъ, а упрямство безо всякой притчины и безъ разума, въ безумїи своемъ весьма крѣлко стоитъ. Вопреки сему истинное постоянство, во всякихъ обстоятельствахъ по правдѣ и по разуму, также власно поступаетъ, какъ магнитная стрѣла, во мгновенїе ока отъ сѣвера на полдень обращается, когда по морю пловущей корабль за полуденную линѣю перейдетъ. Куда богъ состоянїе дѣлъ обратитъ, туды и постоянство клонится. Только безъ нарушенїя вѣчнаго права и божїя истинны богъ и добрая совѣсть, прямое основанїе праведному постоянству, а упрямство грубымъ невѣдѣнїемъ, да гордымъ самовольствомъ движется. безпамятство всему ложному постоянству начало, притчина и сущей родитель; на противъ того истинное постоянство отъ доброй памяти, отъ здраваго разсужденїя, да еще отъ познанїя истинны родится. Оно природное свое безсилїе само чувствуетъ, а крѣпости своей отъ божественной силы ожидаетъ: Упрямство вопреки сему, на себя выше всякой мѣры надѣется, и по необузданному своевольству безъ чужой помощи все собою здѣлать хочетъ. Для сей притчины упрямство безпрестанно колеблется, а восходящей паръ самолюбїя, искореняетъ въ упрямомъ человѣкѣ всѣ слѣды правды и здраваго разума. Упрямство такъ зло, что всему на свѣтѣ новое уложенье здѣлать хочетъ; а истинное постоянство на непремѣнное существо божїе смотритъ, и во всѣхъ своихъ дѣлахъ разумно поступаетъ. Своенравство уподобляетъ бѣднаго человѣка надутому мѣху: ежели воздухъ съ вѣтромъ изъ сего мѣха выгнать, а потомъ кожаной мѣхъ ко употребленїю крѣпкимъ здѣлавши, и въ дымъ повѣся, нѣсколько времени покоптить, то онъ со всѣмъ хорошъ будетъ. Такъ власно дымъ печалей, скорьбей и напастей, изъ надменнаго самолюбїемъ человѣка, чрезъ покаянїе съ сокрушенїемъ сердца, всякїя препятства къ истинному постоянству великою силою выгоняетъ; а душу

 скрѣ-

скрѣпивши, ко употребленїю всякаго блага такъ прїуготовляетъ, что радостное вино благаго и праваго духа изъ сего мѣха никогда не вытечетъ. Угаръ самолюбїя симъ дымомъ выгоняется, а человѣкъ пути правды лутче помнитъ, по слову Давидову: быхъ яко мѣхъ на сланѣ, оправданїи же твоихъ не забыхъ. Но понеже такихъ людей очень мало, кои бы сїю искренность и чистоту совѣсти съ непоколебимою крѣпостью имѣть, и безъ огня печалей получить могли; то отъ постоянной на бога надѣжды отнюдь удалятьса не должно, да того прилѣжно смотрѣть надлежитъ, какъ внутренней человѣкъ въ вѣрѣ, въ любви, въ духовной радости и въ надѣждѣ на бога, часъ отъ часу обновляется, и отъ времени до времени возрастаетъ. Естественной человѣкъ, отъ сумнительства и отъ колебанїя ко истинному спокойству души своей, очень не скоро перешагнетъ. Поврежденная природа весьма часто волнуется. Но время и заобыкновенїе много еѣ пользуетъ. Какъ человѣкъ въ естественныхъ вещахъ заобыкнетъ, такъ и живетъ. Кто къ дѣланїю злова привыкнетъ, тому безъ зла жить не льзя. Для чегожъ ему исполненїемъ всякаго блага къ добродѣтелямъ не привыкнуть, и себя къ тому самою дѣйствительностїю не прїучить? Сей достохвальной обычай ежедневнымъ заобыкновенїемъ отчасу болѣе укрѣпляется. Но сего еще не довольно, человѣкъ отъ себя и своею природною силою почти ничего добраго здѣлать не можетъ. Хотя бы мы старанїемъ своимъ и укрѣпились, однако совсѣмъ тѣмъ уподобимся Эмпидоклову шару, которой за великою своею круглостїю отъ малѣйшаго движенїя катается. Такъ и бѣдная душа наша безъ благодати, безъ силы и безъ помощи божїя уподобляется овцѣ, удалившейся отъ стада и бродящей безъ пастуха, по слову Давидову. Заблудихъ яко овча погибшее, взыщи раба твоего. Симъ псалмомъ признаваетъ богодухновенный Царь и Пророкъ слово божїе, за такой не поколебимой столпъ, на которой богомъ избранной Монархъ во всякихъ своихъ бѣдахъ и напастяхъ всею силою опирался, ради просвѣщенїя очей добродѣтельнымъ людямъ, къ размотрѣнїю временной печали и собственной тлѣнности ихъ. Симъ способомъ надѣжда на невидимое крѣпче и сильнѣе, нежели на видимое и навсе чувственное бываетъ. Не самая ли та божественная сила, которая не сущее глазами не видимое и впредь будущее, видимымъ, настоящимъ и подлиннымъ творитъ? Апостолъ Павелъ, называетъ сїю твердость

вѣры

вѣры такою самобытностію, которая будущее настоящимъ, а всесильную съ небеси помощь божію, сущее въ рукахъ нашихъ почитаетъ. За сею добровольною и постоянною извѣстностію слѣдуетъ самой тотъ покой душевной, о которомъ сія книга пишетъ.

38.

Великая польза тѣхъ людей, кто спокоенъ и доволенъ. Блаженство со удовольствіемъ соединяется чрезъ разумъ, а вѣрую приводится къ тому душевному спокойству, о которомъ вся книга сія писана. Пріобрѣтеніемъ называетъ Апостолъ Павелъ благословеніе божіе, а къ нему повелѣваетъ всякому Христіянину прибавлять трудъ и прилѣжаніе. Язычники почитали сіе удовольство за крайнее благополучіе на свѣтѣ. А учитель всемъ языческимъ народамъ, Святый Апостолъ Павелъ пишетъ; что сего удовольствія безъ блаженной жизни получить не возможно. Кто желаетъ спокоенъ быть, тому надобно бога искать, и по Его Святымъ заповѣдямъ жить. Кто всемогущаго Творца небесе и земли не исповѣдуетъ, и о всесильной его помощи сумнѣвается, тотъ горше язычниковъ будучи, превѣчнаго бога отвергается. А кто его признавая, Святой волѣ и заповѣди божіей не повинуется, тотъ человѣкъ творитъ грѣхъ непокоривости и чарованія, потому что сей не покоривой, самъ себѣ помощи дать не можетъ, и полезнаго себѣ незнаетъ. Суетное и безполезное попеченіе человѣческое, уподоблено въ священномъ писаніи болѣзнямъ жены, приближившейся къ рожденію. Эта мнимая родильница сильно и долго мучится, а родить ей нѣчего. Въ томъ вся клятва божія на нечестивыхъ, что они всегда голодны. Спокойства безпрестанно желаютъ, а получить не могутъ. Сему подобна надѣжда человѣческая на всю тварь безъ Творца и бога ея. Все на свѣтѣ безсильно и недовольно. Знатные, друзья, великіе благодѣтели, богатство, пространной столъ, честь, чины, огромные полаты, великія деревни, веселыя рощи и обширные сады, конскіе, овчарные и другіе заводы, пруды съ рыбными ловлями, птичья и звѣриная охота, все сіе глазъ человѣческой возбуждая, сердце и всю внутреннюю его за собою влечетъ. Но какъ человѣкъ всемъ симъ малое время попользовавшись, внутрь себя воз-

Покой и удовольствіе.

возвратится, то власно какъ птица въ узкую клѣтку вдѣтевши, тѣмъ болѣе безпокойства почувствуетъ, чѣмъ больше пространство тѣхъ мѣстъ было, откуды человѣкъ удалясь назадъ въ себя пришелъ. Что онъ на свѣтѣ ни видѣлъ, то человѣку больше утѣсненіемъ и скукою, нежели истиннымъ веселіемъ здѣлается, безъ того превѣчнаго и всемогущаго бога, которой насъ не столько брашномъ, но болѣе благословеніемъ питаетъ. безъ васильнѣйшаго Творца, вся тварь человѣка неудовольствомъ наполняетъ. На неѣ никому положиться не льзя. Тварь весьма не то, чего мы въ ней естественнымъ образомъ ищемъ. Во всей натурѣ ни покоя ни удовольствія нѣтъ. Какъ же твари то дать, чего сама не имѣетъ? Она въ непрестанномъ обращеніи находясь, и человѣка за собою влечетъ. Вся тварь наполнена празностью, или пустотою, чего ради и человѣка голоднымъ творитъ. Что больше мы за тварью гоняемся, тѣмъ жаднѣе оную желаемъ. Единый богъ, не только человѣка, но всю тварь благоволеніемъ питаетъ. Тварь человѣка на часъ, и то со омерзеніемъ да съ болѣзньми, сытымъ творитъ. Отъ сего то въ насъ безпрестанной голодъ, то есть: всегдашнее желаніе перемѣны тварей. Но богъ все другое, и весьма иначе творитъ. Онъ питаетъ насъ благоволеніемъ, а насыщаетъ радостію духовною, по Святому словеси Христа Господа и Спаса нашего. Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ изходящемъ изо устъ божіихъ. О тѣлесномъ, тотъ же богъ и путь истинный ко спасенію и спокойству душъ нашихъ, пречистыми усты своими рекъ. Не пецытеся глаголюще, что ямы, или что піемъ или чимъ одѣждемся. Всѣхъ бо сихъ языцы ищутъ. Вѣсть бо Отецъ вашъ небесный, яко всѣхъ сихъ требуете. Ищите же прежде царствія божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ. Человѣкъ самъ не знаетъ, что ему полезно и добро, а того не дѣлаетъ, что богу угодно и предъ нимъ праведно. Къ спокойству душъ нашихъ, весьма сіе нужно и полезно, дабы на Творца и бога своего во всемъ положиться, а онъ уже больше насъ все знаетъ. Ему должны мы во вседневной молитвѣ говорить. Да будетъ воля твоя, яко на небеси и на земли. Ежелибъ иной человѣкъ на свои собственныя и на домашнихъ своихъ обстоятельства по смотрѣлъ, тобы ясно увидѣлъ, что прозьба его достойна Спасителева отказа. Не вѣста ся, чесо просита. Много такихъ

людей

людей бывало, что по непреклонному упрямству, что самимъ себѣ и ближнимъ своимъ нещастіе у бога выпросили, а исполненіе прозьбы ихъ сущимъ дѣломъ показало, что они сами не знали чего просили. Для сей важной притчины, то всего лутче, дабы человѣкъ всѣ желании свои богу поручилъ съ такимъ смиреннымъ моленіемъ. Да будетъ воля твоя. Ежелибъ богъ всѣ сокровища свѣта сего передъ тебя положивши сказалъ, выбирай себѣ любое. Ты бы на безчисленное множество вещей разглядевшись, самъ не зналъ, за что тебѣ взяться. А ежелибъ въ тебѣ здравой умъ былъ, такъ бы ты помолясь богу сказалъ. Ты Господи! Изволь за меня выбрать. что тебѣ Господу моему угодно, то мнѣ и даруй. богъ всегда сіе дѣлалъ, и нынѣ то же творитъ, а ты еще недоволенъ. Воплощенный богъ и Спаситель твой, совершенную кротость свою чрезъ собственной примѣръ, симъ Святымъ словомъ своимъ показалъ. Мое брашно есть, да сотворю волю пославшаго мя. Чрезъ брашно обьявляетъ Господь нашъ сіе, что душа питается смиреніемъ, содержится надѣждою, а благодатію божіею укрѣпляется къ терпѣнію того, что бы слабому естеству человѣческому, безъ помощи и благодати божіей несносно было. Смотри сего на страждующемъ въ вертоградѣ Спасителѣ и Господѣ твоемъ. Страданіе тѣмъ чувствительнѣе ему бываетъ, что Господь нашъ, сію напасть свою давно уже предвидѣлъ, и къ ней заблаговременно готовился. Немощная плоть человѣча устрашилась великихъ мукъ, по святому слову носящаго оную сына божія. Прискорбна есть душа моя даже до смерти. Естественная немощь плоти и крови желаетъ страданія избыть. Отче мой! Аще возможно, да мимо идетъ мене чаша сія. Сей душевный страхъ умножился туженіемъ и безпокойствомъ. Христосъ пришедый ко ученикомъ третично, обьявляетъ имъ муку свою; но увидя ихъ сномъ отягощенныхъ глаголетъ къ нимъ. Не возмогосте ли единаго часа побдѣти со мною? Потомъ уже Спаситель въ послѣдней молитвѣ къ богу и Отцу своему, съ терпѣніемъ и кротостію рѣкъ. Отче мой! Аще неможетъ мимо итти чаша сія, но да пію, буди воля твоя. Сіе божественное смиреніе господне, подкрѣпилось небесною помощію и посланіемъ Ангела, на подкрѣпленіе и утѣху, страждущему Іисусу Христу Господу нашему. Сею небесною силою утвердившейся Спаситель, ученикомъ своимъ рѣкъ.

 Воста-

Востаните! идемъ отсюду. Изъ сего видно, какъ чувствительно естество человѣческое къ страданію. Но притомъ же явствуетъ, какъ по ступенямъ молитвы, терпѣнія и подьвига, въ непоколебимомъ постоянствѣ и съ несумѣнною надѣждою, совершеннаго спокойства достигнуть, и сострадающимъ Христомъ богу и Отцу небесному сказать можно. Да будетъ воля твоя. Кто стопамъ Спасителя своего усердно послѣдуетъ, тому въ темной ночи печалей, свѣтъ радости возсіяетъ отъ всемогущаго а богъ на утѣшеніе къ нему, пошлетъ Ангела своего. Предадимъ же себя въ волю сотворшаго насъ, со смиренною молитвою о дарованіи совершеннаго мира и спокойства душамъ нашимъ. По чтожъ мятежная воля такъ долго во мнѣ бунтуетъ? Для чего я суетнымъ и грѣшнымъ упрямствомъ моимъ, Творцу и богу моему противлюсь? На что временнымъ безпокойствомъ вѣчное себѣ не щастіе готовлю? За чѣмъ природная слѣпота моя, хочетъ быть прозрителнѣе не постижимой глубины преестественной мудрости бога всемогущаго? По что надмѣнной прахъ гордится, тлѣніе и пепелъ возносится, а бѣдная тварь противится Создателю своему? Для чего я самъ о себѣ печалюсь, а сихъ печалей на бога и Отца моего небеснаго не возвергаю? Спаситель и Господь глаголетъ намъ. Аще не смиритеся яко отроча, не внидете въ царство небесное, то есть; ни во временной жизни мира и покоя, ни вѣчнаго блаженства не получите. Чтожъ дѣти дѣлаютъ? Какъ Отецъ за вину ихъ накажетъ, то они переплакавъ всю печаль и болѣзнь свою для того забываютъ, что у нихъ въ сердцѣ той злобы и горести нѣтъ, которая большимъ людямъ въ такомъ спокойствѣ препятствуетъ. Хотя родитель дѣтей своихъ и бьетъ, только они его любятъ, и къ нему обратясь, чистымъ сердцемъ признаваются. Виноватъ я предъ тобою батюшка! Пожалуй меня прости. Впредь государь таковъ я не буду, и этой вины дѣлать не стану. Славной Томасъ, [Фома] Кемписъ, такъ о семъ пишетъ. Я тебѣ къ тому миру и спокойству душевному, кратчайшей путь покажу, котораго всякъ изъ насъ естественно ищетъ, и съ природнымъ усердіемъ желаетъ. Всею возможностію о томъ старайся, что бы тебѣ праведную волю и прозьбу другихъ людей скорѣе своей воли исполнить. Лутче меньше, нежели больше имѣнія да богатства ищи.

Всегда

Всегда себѣ нижшее мѣсто избирай. По всякой день въ молитвѣ своей проси, дабы воля божія надъ тобою исполнилась. Все свое упованіе на Господа бога возложи. Ежели эте краткіе правила хранить и дѣйствомъ исполнять потщишся, то отъ мира и спокойства душевнаго никогда не удалѣешь. Не диковина человѣку въ щасть ѣ живучи говорить: Что богъ изволитъ, тѣмъ я и доволенъ. Да то великое и преславное дѣло, что бы со Христомъ Господемъ, въ бѣдахъ и въ напастехъ своихъ, богу и Отцу небесному сказать. Отче мой! Не яко же азъ хощу, но яко же ты волиши. Отъ сего блаженнаго намѣренія, великой миръ и спокойство душамъ нашимъ произходитъ. Развѣ воля божія не блага, не сильна и не премудра, а притомъ благодати, любви и милости его не преисполнена? Для чегожъ намъ того не желать, что создатель и небесный Отецъ нашъ изволитъ? Приношеніе благодарныхъ жертвъ въ ветхомъ завѣтѣ, предзнаменовало врученіе душъ и желаней нашихъ во всегдашнюю жертву богу; а въ новомъ [какъ совершенно свободномъ] завѣтѣ, исполняютъ Христіяне рѣченное предзнаменованіе сею молитвою ко Отцу небесному; да будетъ воля твоя. Ежелибъ этѣ слова отъ чистаго сердца со истиннымъ желаніемъ произходили, тобъ ни одного безпокойнаго Христіянина не было. Но понеже многіе изъ насъ о безпокойствѣ часто жалуется, то видно, что сердце ихъ за сими словами къ богу, буди воля твоя, на небо не возходило. Хотя премногіе люди на бога уповаютъ, однако съ нѣкоторымъ договоромъ и предоставленіемъ. Сперьва требуютъ того, чтобъ желаніе ихъ исполнилось, а за тѣмъ уже все достальное богу вручаютъ. Отъ этой ихъ двоесловой воли и отъ раздѣльнаго сердца, произходитъ такое своеволство, которое изъ дрожжей пагубнаго своевольства ихъ тайно выкисаетъ. Иные люди съ начала таковыжъ ревностны, какъ Петръ, но потомъ также и обманываются, какъ сей верьховный Апостолъ. Они хотятъ собственными силами богу предаться, по слову Святаго Петра. Господи! Азъ съ тобою на смерть и въ темницу готовъ. Только ни состоянія той смерти не знаютъ, къ которой спѣшатъ, ни силы грѣшной жизни не вѣдаютъ, которая ихъ слѣпо устрашаетъ. Другіе люди, подобны евангельскому сѣмени падшему на камени. Сего дня зеленѣющееся намѣреніе ихъ, хочетъ себя богу совершенно предать; а какъ въ полдни зной искушенія и бѣдъ, на

голову

голову ихъ упадаетъ, то намѣреніе ихъ увянетъ, и вся кротость изсохнетъ. Хотя всѣ мы того спокойства желаемъ, которое отъ истинной кротости родится, только рѣдко кто отъ истиннаго сердца, и всею душею богу себя предать хочетъ. Когда люди о семъ въ безпокойство придутъ, то всю вину съ себя складывая, напрасно говорятъ, будто въ этомъ спокойствѣ пользы нѣтъ. благодать и правду божію по своему безумію въ границы приводятъ. Но можетъ ли безуміе съ невѣрствомъ ихъ, любовь и обѣтованіе милосердаго бога уничтожитъ? развѣ всеправеднѣйшему Творцу небеснаго мира своего, за тѣмъ никому не дать, что грѣшные люди сей спасительный покой коварною злостью отъ себя отвергая, земнымъ искушеніямъ и грѣшнымъ страстямъ гораздо больше, нежели лучамъ небесной благодати въ сердцахъ своихъ мѣста даютъ? Не говорижъ того впредь, [любезный читатель] не моя въ томъ вина и не отъ меня это зависитъ. Евангельской юноша также Христу Спасителю сказалъ. Вся сія сотворихъ отъ юности моея, и что есмь еще не докончалъ? Но неправое сердце его вѣдущій богъ и Спасъ мира, сему лицемѣрному самохвалу отвѣчалъ. Аще хощеши совершенъ быти, иди и продаждь имѣніе твое и отдаждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небесѣхъ, и гряди въ слѣдъ мене. Того же часа, Фарисейское сего юноши спокойство въ печаль обратилось, а онъ отъ Спасителя унылымъ лицемъ прочь пошедши, съ того времени божію силу и божію премудрость ни одинождъ не спросилъ, ч-го я еще не докончалъ? Прямой кротости не докончалъ! А истиннаго смиренія не имѣлъ. Сердце свое къ богатству приковавъ, а не богу вручивши, всею душею къ тлѣнію и къ маловременному пожитку прилѣпился. разсмотри себя и ты дорогой Христіянинъ, нѣтъ ли полно и в тебѣ какого препятства, къ сему Святому миру и спокойству душевному? Не любишъ ли какой твари больше Творца? Не надѣешся ли на созданіе выше Создателя? Не боишся ли чего больше бога? Не уповаешъ ли на себя или на тварь какую, паче вседержителя и Господа твоего? Не желаешъ ли того, что бы твоя грѣшная воля, скорѣе святой и праведной воли божіей исполнилась? буде желаешъ, такъ это твое желаніе неправедно и грѣшно. Ты въ молитвѣ своей по вся дни богу говоришъ, да будетъ воля твоя. По чтожъ тому и дивишся, что спокойство

души

души твоей таково же не постоянно, каково твое преданіе въ волю божію не совершенно? Ты сіе дѣло ногами въ верьхъ оборачивая, о своихъ прихотяхъ больше, нежели о волѣ божіей думаешь. Но присемъ ложномъ мнѣніи никогда спокоенъ не будешь. Всѣ мы грѣшны и страстямъ подвержены; а душа наша живетъ въ такомъ тѣлѣ, которое изъ разныхъ стихій сложено. Земля, воздухъ, вода, огонь, вѣтеръ, молнія, дождь, громъ и зной, все сіе до тѣхъ поръ насъ вредитъ, пока мы духа своего выше тѣлесныхъ страстей не возведемъ. Въ такомъ состояніи живущей человѣкъ, то веселъ, то печаленъ, то тихъ, то безпокоенъ, то легокъ, то тяжолъ, то бодръ, то лѣнивъ, иногда любовенъ, а временемъ ненавистливъ. Чѣмъ чище сердце человѣческое, и что больше къ тому истинному спокойству возходитъ, гдѣ воля божія совершенное всѣмъ намъ наслажденіе, тѣмъ тише и спокойнѣе, а чистотою своею небесной тверьди подобно будетъ. Только надобно человѣку бояться обмана собственнаго сердца, которое природною гордостію своею ложно намъ внушаетъ, будто мы чисты и въ волю божію совершенно предались; а тайная въ сердцѣ нашемъ кислота своевольства и самолюбія, внутреннія соблазны и безпокойства весьма часто отрыгаетъ. Своевольная природа человѣческая, всегдашнюю къ тому охоту имѣетъ, что бы притворнымъ лицомъ доброй совѣсти передъ людьми накрываться, по точному примѣру въ Евангеліи объявленныхъ жидовъ, которые хотя и сказывали, будто нарочно для Христа въ Вифанію ходили; а они ради такого любопытства тамъ были, что бы только Спасителемъ нашимъ отъ мертвыхъ воскрешеннаго Лазаря видѣть. Чѣмъ чаще человѣкъ себя и грѣховныхъ подстрѣканей беречся начнетъ, тѣмъ спокойнѣе въ себѣ будетъ. А всегда дѣйствующая воля божія на самой часъ осторожности твоей, возбудитъ въ тебѣ радостный и спокойный духъ. Христіянину то высочайшая свобода, когда человѣкъ отъ власти грѣховной свободится. Сіе отъ единаго дѣйства благодати и Святой воли божіей родящееся состояніе просвѣщенныхъ Христіянъ, гораздо выше естественнаго равнодушія и несравненно сильнѣе той помощи, которая отъ сложенія природной холодности произходитъ. Вся сила сихъ двухъ книгъ, къ этой кротости и къ душевному спокойству клонится; дабы человѣку всю тягость печалей своихъ на бога возложивши,

 крот-

кроткимъ и смиреннымъ сердцемъ Творцу своему сказать. На тя Господи уповахъ спаси мя боже мой - Предадимъ же сами себе, и другъ друга и всю жизнь свою Христу Господу и богу нашему. божія честь и самая благодать его къ тому обязуетъ, дабы всею душею предавшихся ему отеческимъ милосердіемъ не оставлять. Я долженъ все къ пользѣ рода человѣческаго дѣлать. буде же нещастіе на меня придетъ, то мнѣ оное для бога сносить, и на него всѣмъ сердцемъ уповать надлежитъ. Сіе призналъ славной въ древности Тимаридъ. Ему друзья на прощаньѣ сказали. дай тебѣ богъ, чего ты самъ желаешъ. Тимаридъ имъ отвѣчалъ. Вы мнѣ лутче такъ скажите. Дай богъ тебѣ то, что ему угодно. Когда это здѣлается, такъ я все желаніе мое получу. Крайне разумныя слова во устахъ язычника! Не лутчель и Христіянамъ, Тимаридову примѣру послѣдовать? Кто на семъ не поколебимомъ основаніи утвердится, тотъ съ Архимедомъ весь свѣтъ подвигнуть можетъ. Сего дѣйства, въ мятежномъ роптаніи нѣтъ, и во вѣки не будетъ. Оно вмѣсто чаемаго благополучія, чувствительную болѣзнь и жестокое наказаніе отъ бога человѣку приноситъ. Авраамова вѣра тѣмъ укрѣпилась, что сей благовѣрный Праотецъ, всю честь богу отдалъ, а надѣжду свою на него возложилъ. Сперьва и Авраамъ не спокоенъ былъ. На твердь небесную и на звѣзды посмотря, хотя и утишился, однако вновь усумнѣвшись, бога спросилъ. Почесому познаю сія? Тогда богъ Аврааму повелѣлъ, нѣсколько животныхъ убивши разпластать. Сіе учинилъ богъ въ такое предзнаменованіе, что Христіянамъ всѣ страсти и плотскія вождѣленіи свои, какъ главнѣйшіе препятства миру и спкойству душевному умертвить надлежитъ. Авраамъ сіе по божію велѣнію учиня, ничего кромѣ хищныхъ птицъ не видалъ. Всеконечно у него на то время столько же искушеней въ головѣ, а сумнительныхъ мыслей въ сердцѣ лѣтало, сколь много птицъ надъ тѣлами животныхъ сидѣло. Правовѣрной Авраамъ, до тѣхъ поръ ждалъ, какъ солнце подъ землю зашло, а онъ отъ труда изнемогши, крѣпко уснулъ. богъ отъ сего сна гласомъ его возбудивши, Святой союсъ или вѣчной завѣтъ съ нимъ учинилъ. Сіе великое благословеніе божіе на Авраама и на потомковъ его пришло за великую вѣру, за крѣпкую надѣжду и за безмѣрное терпѣніе сего верьховнаго Праотца, а мы симъ добродѣтелямъ его послѣдовать должны. Въ

терпѣнія такая чудная сила, которая печаль нашу въ радость и въ пользу душевную претворяетъ. Сіе не ложное мнѣніе и нековарная мечта, но на здравомъ разумѣ и на ежедневномъ искуствѣ утверждающаяся непреоборимая истинна. Какъ спокойная тихость, на подобіе солнца жестокую бурю страстей разгонитъ, то свѣтъ разума проницать начавши, здравымъ разсужденіемъ до самого основанія видимому злу и мнимой бѣдности пойдетъ. Волшебное зеркало, прелестной мечты разобьется; микроскопъ [увиличивательное стѣкло] ложнаго мнѣнія отъ лучей здраваго разума немедлѣнно треснетъ; а то зло попрежнему естественной видъ свой получитъ, которое гордость съ самолюбіемъ, да третія не терпѣливость ложными красками разпестрили. Благодать божія очи разума челоҹѣку открывши, всякую вещь въ истинномъ ея состояніи покажетъ. Душа человѣческая начнетъ бога усердно любить, а свѣтская роскошъ съ прелестью и со омерзеніемъ своимъ, также со всѣми притчинами къ печали и къ безпокойству севершенно исчезнетъ. Всякому Христіянину гораздо лутче ко Творцу и богу своему, нежели къ прелестному свѣту, и ко всѣмъ его тлѣнностямъ прилѣпляться. Когда я Святой волѣ божией покорюсь, а на щедроты создателя моего все упованіе свое возложу, то чрезъ сей способъ отъ многихъ трудовъ и отъ печалей о самомъ себѣ совершенно избавлюсь. Чѣмъ въ большую кротость человѣкъ приходитъ, тѣмъ спокойнѣе духъ его становится, а миръ божій толь изобильнѣе въ душу его вселяется. Самъ вижу и чувствую, что праведное наказаніе отъ всеправеднѣйшаго бога, на меня по дѣломъ моимъ пришло. Теперь въ себѣ слышу, что душа моя огнемъ печалей отъ многихъ не чистотъ свѣтской суеты сильно очищается. Довольно чувствую, какъ очи сердца и ума моего, толь ясно отворяются, что я бога, свѣтъ сей и самого себя не сравненно лутче прежняго вижу. Сердце мое довольствуется разсмотрѣніемъ тѣхъ великихъ и преславныхъ правдъ, которыя по утишеніи чувствъ и страстей, со временемъ сами человѣку представляются. По семъ внутреннемъ веселіи, въ рузумъ пришедшей человѣкъ, о томъ больше всего печалится, что до сего времени такъ великой и превѣчной правды не вѣдалъ, какъ прежъ сего о томъ радовался, что всю волю исполнялъ. Такъ уже нынѣ сравненно болѣе о томъ веселится, что волю божію исполняетъ. Когда все

всевѣдецъ богъ лутче насъ знаетъ, что человѣку нужно и полезно, то и я на щедроты его несумѣнно уповаю, что все отъ него посылаемое, мнѣ же въ пользу обратится. Печаль моя весьма иной видъ получаетъ. Самое искуство меня тому научило, что печаль человѣка ко исполненію добродѣтелей побуждая, отчасу лутчимъ творитъ; а безмѣрная радость и чрезвычайное щастіе совсѣмъ погубляетъ. Смотрѣніе всемудрѣйшаго бога, горестьми, бѣдами и печальми жизни сей человѣка отъ суетъ и отъ прелестей свѣтскихъ отводя, по своей Святой волѣ возрастить желаетъ. Христіянамъ бѣдами и напастьми должно терпѣнію учиться, а терпѣніемъ и крѣпостію большаго мира и спокойства душевнаго достигать. богъ помощію и милостію своею всеконечно для того медлитъ, что отъ меня обращенія со истиннымъ покаяніемъ долго ждалъ. Велика сія крѣпость, кто бога въ печалѣхъ своихъ благодаря, со славнымъ Кемписомъ создателю своему слѣдующія слова говоритъ. Господи! Все отъ божественной руки твоей приходящее благо или зло, сладость или горесть, радость или печаль съ веселіемъ я пріемлю. Ежели твоя на то боже мой! Воля, что бы мнѣ въ темнотѣ сидѣть, то буди благословенъ. А ежели изволишъ на свѣтъ меня вывесть, и о томъ благословенъ буди. Когда меня обрадовать благоволишъ, то тебѣ бога моего паки благословлю. А буде меня опечалить благоволишъ, то тебѣ же Творцу моему славу и благодареніе принесу! блаженна та печаль, которая въ человѣкѣ такое спокойство производитъ.

39.

прямое разсужденіе о печали.

Сіе разсужденіе подаетъ мнѣ способъ, о происходящей пользѣ отъ печали пространнѣе писать; дабы ничего не упустить, что къ приращенію правды и спокойства душевнаго служить можетъ. 1. Всякая печаль есть такая задача, которую священное писаніе слѣдующими словами рѣшитъ, и весьма ясно толкуетъ. Нѣсть печаль, юже не Господь творитъ. Что отъ бога приходитъ, тому надобно доброму быть. Что отъ Святѣйшаго источника произтекаетъ, тому должно святое намѣреніе имѣть. Что отъ Творца всея твари приходитъ, тому къ содержанію творенія его клониться надлежитъ. Что благоутробный отецъ посылаетъ, то въ пользу

пользу дѣтей его обращается. Что отъ всемогущаго бога приходитъ, тому никоимъ образомъ противиться не возможно. Для сихъ притчинъ Христіянамъ не должно упрямѣе язычника быть. Эпиктетовъ спокойной нравъ всю ихъ не терпѣливость сими словами посрамитъ. Во всѣхъ дѣлахъ и начинаніяхъ твоихъ, бога такъ призывай. Ты самъ творче и боже мой! Десницею твоею туды меня поведи, куды твоей Святой судьбѣ и волѣ угодно. Я за тобою всюды съ радустію пойду. А ежели попротивлюсь, то твоя всесильная и побѣдительная рука, такою властію меня повлечетъ же, противу которой никто устоять не возможетъ. Совѣтъ Святаго Апостола Петра, на всякія бѣды и напасти житія свѣтскаго весьма полезенъ. Тѣмъ же и страждуще по воли божіей, яко вѣрну зиждителю да предадятъ ему души своя во смиреніе. 2. богъ въ наказаняхъ своихъ всегда милость употребляетъ, а наказуетъ человѣка по состоянію сердца его, въ слѣдствіе словъ Исаіи Пророка. [Глава 27] не поразитъ, яко же врагъ поражаетъ, но сваряяся и укоряя отпуститъ я. Не бе ли ты помышляя духомъ жестокимъ, погубити я духомъ ярости? Сего ради отвержется беззаконіе Іяковле, зане есть у Господа благословеніе его. богъ со Іяковомъ для того всю ночь боролся, дабы Іяковъ ко утру его благословилъ. Терпѣніе съ тѣмъ блаженнымъ исправленіемъ, котораго богъ наложеніемъ креста отъ насъ ищетъ, не одного дня дѣло. Кто сего понять не можетъ, для чего не повинной Іосифъ сынъ Праотца Іякова, въ молодости своей столько бѣдъ и печалей терпѣлъ, тому надобно разсудить состояніе человѣческаго сердца, а потомъ сокровенные пути высочайшаго намѣренія божія. Цѣлому народу Еврейскому надлежало чрезъ Іосифа содержану и спасену быть. Къ сему то великому дѣлу богъ, самымъ искуствомъ Іосифа пріуготовлялъ. Давидъ о неповинномъ терпѣніи сего цѣломудреннаго Праотца довольно пишетъ, о себѣ сей кроткій Царь объявляетъ; что богъ на него разныя бѣды и печали за тѣмъ насылалъ, дабы Давидъ бога узнавъ, и въ немъ совершенно утвердясь, кротокъ, спокоенъ, набоженъ, милостивъ и добродѣтеленъ былъ. Притомъ же бы практикою искусившись, въ самомъ дѣлѣ узналъ, какъ золъ, лукавъ и суетенъ свѣтъ сей. За тѣмъ бы уже богодухновенный Монархъ, къ безконечной жизни и славѣ съ богомъ, заблаговременно готовился. 3. Но понеже намѣреніе божіе при всякой печали и напасти такъ полезно, что человѣкъ бога,

 себя

себя и свѣтъ сей сими узкими и прискорбными путями лутче узнаваетъ: то во время жара упадающаго на насъ внѣшними болѣзньми, или внутренними искушеніями, удивляться и думать не надобно, будто бы нечто новое и не обыкновенное надъ нами дѣлается. Притомъ должно примѣчать слѣдующее. 1. Что сіе такое похваленіе, отъ котораго вся грѣховная нечистота выгараетъ. 2. Хотя сей пламень жестокъ, однако чистителенъ и скоро проходитъ. 3. Это не новое и потому не дивное дѣло, что человѣкъ за грѣхи свои терпѣть принужденъ. Кто добродѣтельнымъ быть хочетъ, тому должно къ бѣдамъ и печалямъ готовиться, по слову Апостольскому. Хотящіи же по Христѣ Іисусѣ жити, гонимы будутъ. Имъ должно выптерпѣть искушеніе и опытъ Отца небеснаго; а онъ Создатель нашъ симъ способомъ хочетъ видѣть, прямыя и законныя ли мы ему дѣти, во исполненіе божественныхъ словъ единороднаго сына его Спаса и Господа нашего. Аще кто хощетъ быти мой ученикъ, да возметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ. 4. Велика Христіянамъ отъ того честь и душевная польза, чтобъ сему небесному званію Спасителя своего усердно послѣдовать. Апостолъ Петръ въ подтвержденіе сего повелѣнія Христова пишетъ. Понеже пріобщаетеся страстемъ Христовымъ, радуйтеся, да и въ явленіе славы его возрадуетеся веселящеся. Натуральной или естественной человѣкъ того не знаетъ, и понять не въ состояніи, что бы въ печали можно было веселиться. А духовный человѣкъ довольно вѣдаетъ, что сіе чрезъ благодать божію весьма легко дѣлается. 5. Земное благополучіе имѣетъ въ себѣ уносящую силу; а такихъ людей очень мало, кто бы ей противиться, или бы оную снести могъ. Эта жестокая сила человѣка усыпляючи, безпечальнымъ творитъ. Долговременное щастіе, сперьва человѣка къ небреженію приводитъ, а потомъ отъ разумнаго естества отвращая къ скотскому безумію влечетъ. Народъ Израильской отъ долговременнаго благоденствія повредясь, уподобился такому луку, у котораго тетива отъ многова лѣжанья очень ослабла, а когда было ихъ опять ко употребленію способными дѣлать, то божіей рукѣ надлежало Израильтянъ, также какъ ослабѣвшую тетиву или струну, разными наказаніями и бѣдами натягивая, внимательными къ слову божію дѣлать. Свѣтскія напасти заставливаютъ людей, слова божія прилѣжно слу-

тать, и по оному рачительно исполнять. Всеблагая и праведнѣйшая десница Господня, возложенiемъ на насъ креста, то есть: посланiемъ бѣдъ и напастей, отъ пагубнаго сна свѣтскаго щастiя милосердо возбуждая, повелѣваетъ намъ, что бы мы воровъ, да разбойниковъ всечасно береглись. Iосифовы братья, до тѣхъ поръ грѣха своего не вспомнили, пока ихъ голодъ во Египетскую землю не пригналъ. Тамъ увидя Iосифа въ верьховной чести и славѣ, другъ другу сказали. Согрѣшихомъ брату нашему. Въ то уже время солнце благоденствiя народа Iудейскаго подъ землю зашло, какъ люди Израилевы между собою говорили. [Iсаiи глава 6.] Идемъ и обратимся ко Господу богу нашему. Той порази ны и исцѣлитъ насъ, язвитъ и врачуетъ ны. Кроткiй Царь Давидъ ту пользу въ печаляхъ своихъ нашелъ, что онѣ человѣка разуму учатъ и къ богу обращаютъ. Прежде даже не смиритимися азъ прегрѣшихъ; сего ради слово твое соблюдохъ. Блаженна та печаль, которая человѣка къ познанiю неправды своей, а за тѣмъ уже къ покаянiю ведетъ. 6. Болѣзнь, [по слову Iовлю] изъ земли не родится, а напасть и бѣда на поляхъ не ростетъ, то есть: никакое нещастiе на человѣка даромъ не приходитъ. Въ настоящемъ времени мучащее насъ зло, имѣетъ въ себѣ подобiе минувшаго грѣха. Изъ словъ Пророка Аммоса видно, коль праведно уравненiе между наказанiемъ божiимъ. Совѣтъ Пророка Iсаiи на такiя случаи, лутчее изцѣленiе. Внидите людiе мои во храмину вашу, и затворивше двери своя скрыйтеся мало, доньде же мимо идетъ гнѣвъ Господень. Поцѣлуемъ же лозу наказавшую насъ, и въ совершенное спокойство пришедши, съ тѣмъ же Пророкомъ скажемъ. Благословлю тя Господи! Яко разгнѣвася на мя, и отврати ярость свою, и помилова мя. Се богъ мой, Спасъ мой, Господь мой, и буду уповая нань и неубоюся. Сiя радость наказанной, но за тѣмъ помилованной души, подобна радости бѣднаго ученика, которой передъ учителемъ урокъ свой наизусть сказалъ; а задачу исправно здѣлавши, изъ школы своей съ великимъ веселiемъ домой бѣжитъ. Онажъ подобна радости такого мальчика, которой тяжкiя ему учебныя годы выживши, по многомъ терпѣнiи самъ въ мастеры выдетъ. Для сей притчины и Давидъ, многiя бѣды и напасти претерпѣвши, за то бога благодаритъ, что онъ его разуму и добродѣтели научилъ. Возвратися душе моя въ

покой

покой твой! Яко Господь наказа тя и помилова мя. Кто сію душевную красоту, а духовную радость въ глубокихъ причинахъ печали своей найдетъ, тотъ получитъ случай не только къ прославленію правды и премудрости божіей, но въ наслажденіи любви и справедливости его, всю горесть минувшихъ печалей его забудетъ. Велико и весьма утѣшительно сіе разсужденіе душѣ Христіянской, что богъ не только насъ грѣшныхъ, но праведниковъ и Святыхъ своихъ очищая, просвѣщаетъ. Давидъ о Моисеѣ, да о братѣ его Ааронѣ, такія важнаго примѣчанія достойныя слова написалъ. Господи боже нашъ! Ты послушалъ еси ихъ! боже, ты милостивъ былъ еси имъ, мстящая вся начинанія ихъ. Таковъ и правенъ и справедливъ Господь богъ нашъ, въ судьбахъ и въ дѣлѣхъ правды своея, что и малѣйшую пыль грѣховъ нашихъ рачительно съ насъ очищаетъ. 7. Правда и благость божія, единодушно стараются о поспѣшествованіи блаженства человѣческаго: а отъ сего уже произходитъ обученіе и лѣкарство человѣку ношеніемъ креста своего. Зане не призваху вышняго и той не послушаше ихъ. [Пишетъ Пророкъ Аммосъ.] Когда грѣшники покаяніе свое отсрочиваютъ, то Святый и всеправеднѣйшій богъ, еще больше права имѣетъ, милость и помощь свою день за день отлагать; а по превѣчной истиннѣ своей разсуждаетъ. Помиловать ли мнѣ его? Сіе изъясняетъ Пророкъ Ісаія слѣдующими словами. Что тя устрою Ефреме? Защищу ли тя Израилю? Положу ли тя, яко и Адама, устрою ли тя, яко севоимъ? Но сіе требованіе превѣчной истинны неизреченною любовію благоутробнѣйшаго бога скоро побѣждается, по словамъ того же Пророка. Превратися сердце мое, смятеся раскаяніе мое! Не сотворю по гнѣву ярости моея. Не оставлю потребитися Ефремови, зане богъ есмь азъ, а не человѣкъ. Симъ то милосердымъ срокомъ наказаніе грѣшниковъ откладывается, а между тѣмъ всещедрый богъ обращенія грѣшниковъ ищетъ наложеніемъ на нихъ креста. Гдѣ присудствія благодати божія [за грѣхи людскія] нѣтъ, тамъ ни какому добру, кромѣ внутренняго страха, болѣзни и печали быть не возможно. Въ такихъ бѣдствіяхъ находящаяся душа человѣческая, безъ всякаго замедленія къ богу прибѣгая, со слезами и сердечнымъ покаяніемъ милости его проситъ. Посреди сихъ бѣдъ и напастей, является милость и помощь божія, [по слову Исаину,] тогда уставлю я, и упокою я, въ домѣхъ ихъ

глаго-

глаголетъ Господь. 8. Чѣмъ болѣе богъ человѣку время на покаяніе далъ, тѣмъ больше отъ него благодарности и обращенія требуетъ. богъ, людей своихъ Израиля, больше всѣхъ язычниковъ любилъ и наказывалъ, по слову Пророка Аммоса. Вы точію познахъ отъ всѣхъ племенъ на земли. Сего ради мщу вся грѣхи ваша: Глаголетъ Господь вседержитель. 9. Всеблагій и премудрѣйшій богъ, такъ рачительно съ дѣтьми своими обходится, какъ садовникъ съ прививками. Щедрый Творецъ питаетъ, одѣваетъ и раститъ ихъ. Но притомъ весьма нужно худое сучье и вредныя наростки часто обрѣзывать, дабы они росту и плодородію добрыхъ вѣтвей не препятствовали. Понеже мы съ природы ко всему земному безъ мѣры и безъ разсужденія прилѣпились; то и недивно, что Господь богъ на отвлеченіе насъ отъ земли къ небесному, такъ сильные способы употребляетъ. Когда душа любленіемъ роскошей со всѣмъ тлѣннымъ глубоко смѣшается; то ей тѣлесными болѣзньми отъ бога напоминается, что всѣ этѣ тлѣнности не ей собственно принадлежатъ, но весьма чужія. Душѣ должно опамятовавшись къ богу обратиться, ежели спокойна и безъ болѣзней быть желаетъ. буде же душа заупрямится, то всеправедный богъ, печальми, скорбьми и напастьми, свѣтъ сей душѣ во омерзеніе приведши, сими жестокими способы къ себѣ ее влечетъ. Хотя смерть всѣхъ бѣдъ, скорбей и печалей человѣку страшнѣе, только и она душамъ нашимъ не малая отрада, въ той надѣждѣ, что страждущихъ людей отъ всѣхъ горестей и бѣдъ свобождаетъ. Крайне бы мы бещастны были, ежелибъ богъ въ непрерывномъ щастье и во всегдашнихъ роскошахъ насъ оставя, никакимъ крестомъ къ себѣ не обращалъ. Что намъ въ тѣ поры суетной свѣтъ сей со всею славою и гордостію своею поможетъ, какъ бѣдной человѣкъ на концѣ жизни своей принужденъ будетъ, всю прелесть мира сего по неволѣ оставить? Къ кому намъ тогда прибѣгнуть, и гдѣ утѣху со спасеніемъ себѣ найти? Ежели мы отвлеченія божіею рукою отъ сей прелести, также крестомъ бѣдъ и напастей Христіянски не претерпимъ: то уподобимся такимъ людямъ, которые лутче умереть, или долговременною болѣзнью мучится, нежели чирей прорвать, опухоль взрѣзать, или то допустить хотятъ, чтобъ у нихъ болящей членъ за тѣмъ отнять, дабы все тѣло здорово осталось. Что человѣка отверженію суеты, и полученію не-

нетлѣнности учитъ, то душѣ его и полезно. Ежелибъ человѣкъ до конца своего въ постоянномъ щастьѣ и во всегдашней радости жилъ; то бы при смерти своей долженъ былъ ужасную муку и болѣзнь терпѣть. Для сей то причины терпѣніе потому крайне полезно, что оно человѣка при кончинѣ его также спокойнымъ творитъ, какъ Іова по собственнымъ его словамъ. Почто бо данъ есть сущимъ въ горести свѣтъ и животъ душамъ болѣзненнымъ? Яже желаютъ смерти, и не улучаютъ, искуповающею, яко сокровища, обрадованни же бываютъ, аще получатъ. Когда православной Христіянинъ отъ искушенія въ бѣды и въ напасти впадетъ, тогда лутче и яснѣе увидитъ, какъ нужна ему помощь и милость Господня, а безъ благодати божія ничего добраго здѣлать не можетъ. Въ тогдашней печали бѣдность свою узнавъ и въ себя пришедши, съ теплою молитвою и сокрушеннымъ сердцемъ Господу богу своему скажетъ. Отче! Согрѣшихъ на небо и предтобою. Въ тѣ поры вся жизнь такъ ему омерзѣетъ, что человѣкъ отъ нѣе разрѣшится, и со Христомъ жить пожелавши, никакого добра на землѣ не найдетъ. 10. Для того истинной Христіянинъ милосердія божія больше всего крайнимъ усердіемъ держится; милости его всею силою ищетъ, а о возобновленіи во утробѣ своей того праваго духа, всею крѣпостію своею бога молитъ, которымъ благимъ и правымъ духомъ всякая болѣзнь и печаль душевная совершенно облегчается. О томъ уже предъ симъ обьявлено, какъ любовь божія съ миропомазаніемъ духа Святаго, къ нашему во всякихъ печаляхъ утѣшенію сильна и многомощна. Сего ради, должно Христіянамъ несумнѣнно уповать на любовь Господа бога своего, которой насъ и въ тѣ поры помнитъ, какъ мы его забываемъ. Онъ создатель нашъ, возложеніемъ на насъ ига, и Святаго креста своего, зоветъ Христіянина симъ Пророческимъ словомъ. Возвратися сыне человѣчь. богъ съ нами и въ страшномъ судѣ своемъ мириться обѣщаетъ, ежели мы добровольнымъ ношеніемъ креста сего мира божія удостоимся. Христосъ Спаситель учениковъ и Апостоловъ своихъ, о сей божіей любви слѣдующими словами увѣряетъ. Якоже возлюби мя Отецъ, и азъ возлюбихъ вы. Христіяне на то званы, чтобы имъ временную печаль, яко истинной знакъ любви Спасителя своего, терпѣливно нести. Ежелибъ избавитель нашъ, къ душевной пользѣ бѣдныхъ людей, что нибудь лутче креста вѣдалъ, то бы сіе по-

по безконечной любви своей, подлинно намъ даровалъ. Но за неимѣнїемъ лутчаго къ спасенїю душъ нашихъ способа, по состоянїю естества, и по состоянїю природы всякаго человѣка, сїе терпѣнїе на всѣхъ во Святое имя его вѣрующихъ сими словами возлагаетъ. Аще кто не прїиметъ креста своего и не грядетъ въ слѣдъ мене, нѣсть мене достоинъ. Апостолъ Павелъ въ подтвержденїе сего пишетъ. Печальми и скорбми подобаетъ намъ внити въ царствїе божїе. На чтожъ мнѣ безъ мѣры и безъ памяти печалиться, когда я подлинно вѣдаю, что приходящїя на Христїянъ бѣды и свѣтскїя напасти, суть истинныя знаки превѣчной къ нимъ любви бога и Отца ихъ небеснаго? Аще наказанїе терпите, яко сыновомъ обрѣтается вамъ богъ. Гдѣ такого сына найдешъ, котораго бы Отецъ искренно любилъ, а никогда и ни за какую вину не наказывалъ? богъ дѣтей своихъ на земли, власно какъ Іяковъ Іосифа въ пестрыя ризы одѣваетъ; а бѣлое и чистое платье бережетъ имъ на бракъ агнца своего. Слуги золотаго тельца пьютъ, ѣдятъ, играютъ и веселятся, а вставъ изъ застола караводами кружатся. Вопреки же тому дѣти распятаго, за спасенїе мира Христа Іисуса, весьма иное званїе имѣютъ, по слову Спасителя своего. Въ мирѣ печальни будете, но дерзайте, яко азъ побѣдихъ миръ и печаль ваша въ радость будетъ. Христїяне званы и взяты отъ бога своего на войну со грѣхомъ, со адомъ, съ дїяволомъ и съ лежащимъ во всякихъ злостяхъ свѣтомъ. Весь нашъ договоръ съ присягою богу въ томъ, чтобы узкими враты, то есть: печальми, болѣзньми, гоненїемъ и страданїемъ за истинну въ царство небесное итти. Спаситель нашъ всѣмъ намъ сїе предрѣкъ; а путь въ сїе царствїе собственно кровавыми слѣдами Христїянамъ отворилъ. Но понеже сему Царю мира и блаженства нашего, до входа во славу свою много страдать надлежало; то не безумноль бы сїе было, ежелибъ ученики и рабы его по коврамъ, по сукнамъ да по бархатамъ въ туже небесную славу войти пожелали? Кто со Христомъ царствовать хочетъ, тому съ нимъ же и страдать должно.

II. Ни одинъ умной человѣкъ о внутренной добротѣ вещей, по наружнему ихъ виду не разсуждаетъ. Для чегожъ Христїянину о печали своей по тому зло разсуждать, что она въ глазахъ его, не очень прїятна кажется? Кто о тайныхъ причинахъ своего терпѣнїя, а о милосердомъ намѣренїи всемогущаго благоразсудно подумаетъ, тотъ въ злополучїи своемъ

такїя

такія доброты найдетъ, о которыхъ ему душею радоваться должно. Кто это можетъ знать, къ чему мнѣ теперешняя печаль моя пригодится? Авосли бо я претерпѣвши еѣ, тому обрадуюсь, что разными способы опечаленъ былъ. Небесный Отецъ мой настоящею маловременною скорбію, вѣчное блаженство и безконечную радость мнѣ готовитъ. Для чегожъ страху сильнѣе вѣры, а печалѣ больше надѣжды во мнѣ быть? богъ потому ко мнѣ близокъ, что и во гнѣвѣ меня помнитъ, а Святымъ наказаніемъ своимъ гибнущую душу мою человѣколюбно взыскиваетъ. Нынѣ вижу, что я чужъ и пришлецъ на земли, а злорадной свѣтъ сей, все чужое отъ себя вонъ гонитъ. Теперь я подлинно узналъ, что мнѣ совершеннаго спокойства на небеси искать. Вижу, что вся моя мнимая слава суета; а печаль ведетъ меня къ разсужденію и кротости. Ежели внутри злые, а съ наружи лукавые люди мнѣ не вѣрятъ, то я одимъ свидѣтельствомъ доброй совѣсти моей веселиться стану. Нынѣ ясно вижу, какъ нужна и необходима мнѣ помощь божія. Я Творца моего узнавши искать, и милосердія его просить начинаю. Все мое любленіе настоящей жизни очевидно пропадаетъ. Желаю разрѣшитися и со Христомъ жити. Вижу, что печали бѣды, скорби, и напасти, меня къ любленію бога и ближняго способнымъ творятъ. 12. Печальми согласіе съ человѣки весьма поспѣшествуется. Напасти и бѣды приводятъ насъ ко смиренію. Искусство, [практика] подаетъ намъ жалость о бѣдныхъ и о страждущихъ. Печали насъ власно какъ бѣшаныхъ лошадей, отъ всякихъ не потребствъ крѣпкимъ муштукомъ воздерживаютъ. Тѣ люди весьма жестокосерды, и къ подобнымъ себѣ людямъ всегда не милостивы бываютъ, которые никакой бѣды и печали, отъ роду надъ собою не видали, по слову Пророка Аммоса. Проходящи день въ злобѣ своей, и приближающеся къ суботамъ лжи, спящи на одрѣхъ костяныхъ, и лѣжащи на постеляхъ мягкихъ, ядущи козлища отъ паствъ, и тельца отъ стадъ Галаадскихъ, плещущіи рукума противу гласу Мусикійску, яко стояще мнѣша себе, и не яко же бѣжаще, піющіи цежденое вино, и старѣйшими вонями мужащеся, и несострадаху ни чесоже въ сокрушеніе Іосифово! Наложеніе креста отъ бога, все такое звѣронравіе изъ человѣческаго сожитія и общества выгоняя, жестокаго человѣка милосердію, попеченію о народной пользѣ, и жалости къ ближнимъ премудро учитъ.

Кто вѣ сладкой рѣкѣ всегдашняго благоденствія купается, тотъ соленую или горькую воду пьющимъ отнюдь не вѣритъ. А о печалѣхъ и о напастяхъ ихъ, никогда не сожалѣетъ. Всѣ мы подобны людямъ Израилевымъ, по слову Пророка Ісаіи. Въ печалѣхъ нашихъ помянухомъ тя Господи! Въ скорьбѣхъ мило намъ наказаніе твое. Яко болящая дѣтищемъ приближается родити, и въ болѣзни своей вопіетъ. Тако быхомъ возлюбленному твоему. Для того богъ печальми намъ напоминаетъ, чтобъ мы себя не забывали, а ему бы Творцу своему за полученная отъ щедротной десницы его благая всеусердно благодарили. Всякое заблужденіе, а за нимъ уже нещастіе отъ того происходитъ, что люди путей божіихъ не смотрятъ, а порядокъ и правду его къ собственной погибели забываютъ. Симъ способомъ отъ добродѣтели такъ удаляются, что со всѣмъ одичавши, не только въ сумнѣніе и жестокое упрямство, но въ такое бѣшенство приходятъ, что невѣрными и Атеистами становятся. Чрезъ сіе потерявши природное познаніе правды, съ пилатомъ вмѣстѣ спрашиваютъ. И что есть истинна? Однакожъ власть и силу свою выше правды почитаютъ. Когда въ наказаніи такъ полезное дѣйство, что оно насъ отъ заблужденія охраняя, всегда въ человѣколюбіи седержитъ, то всякому человѣку въ наказаніи божій великая нужда. Когда насъ не щастіе богобоязными, частыми, разумными, осторожными, смиренными, терпѣливыми, любовными, праведными, цѣломудренными, милостивыми и миролюбивыми творитъ, то отъ бѣдъ и печалей безмѣрно великая польза, по слову Апостольскому. Всяко наказаніе въ настоящее время не мнится быти радость, но печаль, последи же плодъ радастенъ и миренъ всѣмъ творящимъ его. Домашней учитель Сираховъ, въ согласіе съ симъ пишетъ. Аще хощеши работати Господеви, уготови душу твою во смиреніе. Управи сердце твое, и потерпи Господа; и нетщися во время искушенія, прилѣпися Господеви, и не отступи отъ него, да возрастеши напослѣдокъ твой. (13) бѣды и напасти учатъ насъ бога помнить. Онѣжъ людей тому вразумляютъ, что минувшее зло и настоящее благо пришло человѣку отъ бога. Сіе разсужденіе родитъ терпѣливость, а оная производитъ такое не сумнѣнное упованіе, что отъ бога ни чему худому притти не возможно. Онъ всеблагій и премудрѣйшій Творецъ, а пути его тайны и непостижимы. Море волнуется, горы отъ бури его въ сильное движеніе приходятъ, а бездна

челюсти своя отворяетъ. Но отъ сего движенія всей твари та польза произходитъ, что сухія земли наводняются. Вѣчная премудрость божія, щастіе съ нещастіемъ такъ соединило, что одно за другимъ слѣдуетъ. Ежели мы еще не много потерпимъ, то на самомъ днѣ нещастія, скрытое щастье свое всеконочно найдемъ. Какъ многихъ людей болѣзнь, отъ страшныхъ случаевъ и отъ погибели спасла? И тѣхъ не мало найдется, которыхъ тюрьма, не только отъ многихъ бѣдъ и страховъ, но отъ самой смерти избавила. Іосифа темничное сидѣніе отъ тогдашней перемѣны Египетскаго двора сохранило. Онъ своимъ примѣромъ многихъ въ одной съ нимъ темницѣ сидѣвшихъ узниковъ исправилъ; а самъ чрезъ сіе жестокое искуство, или страшную практику больше къ богу приближился. Всемогущій Творецъ сего цѣломудреннаго Праотца не токмо къ великой славѣ, но къ такому же спасенію народа своего предуготовалъ, какъ Моисея на изведеніе людей Израильскихъ изъ Египта. Сей изъ Египетской земли бѣжавшей божій человѣкъ, отнюдь того не думалъ, что ему со временемъ назадъ туды возвратясь, передъ Царемъ Фараономъ стоять. Не крайняяль это роду нашему бѣдность, что человѣка изъ одной темницы въ другую тюрьму переводятъ? А яснѣе сказать: по выходѣ отъ чрева матерьня во гробъ кладутъ. Между тѣмъ мы въ бытности, въ горѣ и въ бещисленныхъ напастяхъ живемъ. Когда мнимая наша честь и слава отъ человѣка удалятся начнетъ, то мы на подобіе такого робенка въ слѣдъ за нею бѣгая кричимъ, у котораго птица изъ рукъ улѣтела. Къ новой радости на встрѣчу безъ души бѣгучи, думаемъ еѣ обнимать, а она ухватя насъ за горло давитъ хочетъ. Радость въ близи весьма не то, чѣмъ она человѣку издали казалась. Хотя мы и думаемъ покой со удовольствіемъ въ ней найти, только кромѣ бѣдъ и страха никакого добра въ радости не найдемъ. Человѣкъ внутри себя живущимъ миромъ и душевнымъ спокойствомъ наслаждаться не хотя, или неумѣючи, за мнимымъ по воздуху лѣтающимъ удовольствомъ напрасно гоняяся, въ крайнее отъ сего непостоянство впадаетъ. Въ слѣпоту и въ заблужденіе пришедши, не знаемъ и непомнимъ того, откуда мы пришли, и куда идемъ? За терніе на дорогѣ зацепляючись спотыкаемся, падаемъ въ ямы, и сами себя мучимъ. Тогда обвиняемъ бога и людей въ такой бѣдности, которой мы сами причиною. Намѣренie

ніе наше продолжается до перваго искушенія, а послѣ онаго старая скорбь новою болѣзнію умножается. Чаемое спокойство въ болѣзнь и въ печаль обратится. Путешествіе наше нечувствительно къ концу приходитъ, а смерть у дверей стучится. Человѣкъ устрашась ея, проситъ сроку, а получа отсрочку, опять смерть свою забудетъ. Кто спокойства не признаетъ, или оное похулитъ, тотъ недостоинъ на свѣтѣ жить. Всѣ мы съ природы своей мира и спокойства желаемъ. Кто онаго не ищетъ, тому не только истиннымъ Христіяниномъ, да умнымъ человѣкомъ назваться не можно. Къ полученію сего спокойства столько же способовъ, сколько ступеней къ миру душевному. Помощь и благодать божія въ этомъ дѣлѣ сильнѣе всего. Она насъ въ жизни кроткими и спокойными творитъ; а при смерти несумѣнною вѣрою и надѣждою о полученіи Царства небеснаго, души наши укрѣпляетъ.

40.

Ежелибъ Христіяне также умирали какъ язычники не имущіе упованія, то бы смерть намъ очень худая надѣжда была: по словамъ приближившагося къ смерти въ язычествѣ своемъ Адріана Цесаря Римскаго. О драгая, нагая душа, тѣлу подруга любезнѣйшая! Гдѣ то мѣсто будетъ и адъ, въ которомъ ты забудешь все веселье свое. Мы [слава богу] подлинно знаемъ и вѣруемъ, что избавитель и Спасъ, безсмертный богъ нашъ, смертію своею смерть поправъ, а діявола и ада побѣдивши, пречистыми усты своими намъ рѣкъ. Вѣруяй въ мя неимать вкусити смерти во вѣки, но прейдетъ отъ смерти въ животъ. По самой правдѣ божіей и по существу всѣхъ вещей отъ тлѣнія очищенымъ тѣламъ паки съ душами своими соединясь воскреснуть должно. Никогда бы Святыя Мученики, Апостолы, Пророки и Преподобныя, съ бещисленнымъ множествомъ за Христа плоть свою изнурившихъ угодниковъ божіихъ, не только на страшныя муки, но и на горькую смерть конечнобъ не отважились, ежелибъ всечасное напоминаніе предъ очами ихъ стоящаго царствія божія, воскресенія мертвыхъ, безконечной жизни и лицезрѣніе самого бога, не постижимою силою, и превѣчною любовію сихъ Святыхъ обоего пола людей, не укрѣпляло и не ободряло. Какъ же симъ Святымъ

Послѣдняя человѣку.

тѣламъ

тѣламъ въ общее воскресенїе мертвыхъ, услышавъ гласъ, со Ангелы Святыми на облацѣхъ грядущаго Христа бога, не воскреснуть, и съ нимъ въ небесную славу не войти? Всѣ добродѣтельми и свѣтомъ разума одаренные язычники, не только въ болѣзняхъ, но при самой смерти своей тою справедливою надѣждою веселились, что душа по исходѣ отъ болѣзненнаго тѣла ихъ, въ свободномъ, свѣтломъ и въ прохладномъ мѣстѣ съ чистыми духами, и со блаженными душами вѣчно жить и веселиться будетъ. Тамъ уже всѣхъ вмѣсто собранныхъ боговъ своихъ, а надъ ними ту превѣчную правду и пребожественную истинну съ благодатїю видѣть вѣровали, которая гнусную землю оставя, ко Отцу всѣхъ боговъ, а къ своему родителю на небо взошла. Но каковы мудрованїи языческихъ Философовъ о вѣчномъ блаженствѣ хороши ни кажутся, только они на одномъ мнѣнїи основаны, а съ тѣмъ Святымъ писанїемъ ни въ малѣйшее сравненїе приведены быть не могутъ, чрезъ которое всѣмъ языческимъ народамъ въ вѣрѣ Христовой учитель, а съ ними и насъ благовѣстїемъ евангельскимъ родившей Апостолъ Святый Павелъ, объявляетъ намъ слѣдующее. [2. Посл: къ Коринф: гл: 4. и 5я] еже бо нынѣ легкое печали нашея по преумноженїю въ преспѣянїе, тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ, не смотрящимъ видимыхъ но невидимыхъ. Видимая бо временна, не видимая же вѣчна. Вѣмы бо яко аще земная тѣла нашего храмина раззорится; создаянїе отъ бога имамы храмину нерукотворенному, вѣчну на небесѣхъ. Никакая языческая Философїя, сего душевнаго утѣшенїя подать, и сама чувствовать не могла. Въ православїи утвержденной, а вѣры, любви и надѣжды къ богу своему исполненной Христїянинъ несравненно спокойнѣйшимъ [передъ всѣми язычники] сердцемъ къ смерти своей готовится, по словамъ тогожъ Святаго Апостола. Извѣсьтихомъ бо ся, яко ни смерть, ни животъ. ни Ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящая, ни грядущая не разлучатъ насъ отъ любве божїя: яже о Христѣ Iисусѣ Господѣ нашемъ. Пускай же языческая Философїя ищетъ себѣ утѣшенїя отъ страха смертнаго, а Христїянское упованїе самую смерть за утѣху себѣ почитаетъ. Вѣра Христова потому высочайшая премудрость, что духъ человѣческой отъ тлѣннаго къ нетлѣнному возводитъ. Слабымъ великую силу, а немощнымъ такую крѣпость подаетъ, которою всѣ скорби и печали наши легко побѣждаются.

Ею

Ею за бога и за вѣру страждущїе бодрственно веселятся, гонимые радуются, мученики торжествуютъ, а умирающїе безсмертную жизнь получаютъ. Твердость Христїянской жизни будущаго вѣка, всякїя тягости временнаго житїя облегчаетъ. Святый Апостолъ Павелъ, временное терпѣнїе бѣдъ и печалей, за малое дѣло почитаетъ, противъ будущей славы, которая на насъ открываться имѣетъ. Когда уже единая память вѣчнаго житїя съ богомъ въ Царствїи его, мѣдъ во устахъ Христїянскихъ, то коль величайшей сладости въ дѣйствительномъ наслажденїи сего веселїя быть должно? Вопреки же сему разсужденїе о адѣ и о вѣчной грѣшнымъ мукѣ, причиняетъ въ истинныхъ Христїянѣхъ, столь твердое намѣренїе, что они лутче временныя скорби и бѣды, доброю волею для того терпѣть хотятъ; дабы симъ произвольнымъ страданїемъ отъ вѣчныхъ мукъ избавиться. Та великая внутренняя радость, которую многїе Святые и добродѣтельные люди при кончинѣ своей чувствовали, оставила намъ сильное о томъ на вѣки увѣренїе, что для сего безсмертїя, и ради не кончаемой радости душъ ихъ, вся земная слава имъ горька, болѣзнь не чувствительна, а смерть вожделѣнна и прїятна имъ была. О семъ великомъ, а ко описанїю не возможномъ веселїи блаженныхъ душъ въ небѣ, можно разсуждать по той радости, которую правовѣрныя Христїяне на земли въ то время чувствуютъ, когда бога хвалятъ, поютъ и прославляютъ. Каковожъ велико и неизреченно имѣетъ быть веселїе тѣхъ мѣстъ и радостей, ихъ же [по слову Святаго Апостола Павла,] око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова богъ любящимъ его. Ежели очи вѣрою горящаго сердца, на распятаго Спасителя своего всегда смотрятъ, то въ страждущемъ Iисусѣ столько красоты и веселїя обрящемъ, что силою благодати его, всѣ бѣды и напасти свои побѣдивши, съ престарѣлымъ Симеономъ благослове молить его начнемъ. Нынѣ отпущаеши раба твоего владыко, по глаголу твоему съ миромъ, яко видѣста очи мои спасенїе твое. Благосклонный читатель, могъ изо всей книги довольно сїе усмотрѣть, сколько руководства къ миру и спокойству душевному, сокращенныя разсужденїи наши подаютъ. Мы ихъ заключимъ слѣдующимъ Эклезїястовымъ словомъ. Сего ради похвалихъ умершїя. Блаженни суть, иже почиша о Господѣ. Исходъ ихъ въ мирѣ, и неприкоснется ихъ мука. Пятидесятилѣтной

лѣтной человѣкъ больше восьми тысячь дней не проживетъ. На сороковомъ году большая часть сихъ дней жизни нашей минула, а малой остатокъ великими безпойствы наполненъ. быстрое теченіе времени, на единое мгновеніе ока не стоитъ и не пресѣкается. Оно насъ безмѣрною быстротою стремленія своего, въ Океанъ вѣчности не чувствительно влечетъ. Я при окончаніи сего труда, весь уже не тотъ сталъ, каковъ при началѣ сей кники былъ. Мы по среди жизни своей, на всякой часъ умираемъ. Люди сей день весьма уже не тѣ, каковы вчера или третьяго дня были. Весь свѣтъ и родъ человѣческой всегдашняя перемѣна, а жизнь наша безпрестанная смерть. Юношество смерть младенчеству. Мужескія лѣта конецъ молодости, а въ настоящемъ часѣ погребается часъ и день вчерашній. Симъ всегдашнимъ окончеваніемъ жизни, пріучаетъ насъ разумное естество къ тому, что бы мы отчасу приближающейся смерти не очень боялись. На что мнѣ печалиться о скоро-преходящей суетѣ съ трудами и безпокойствами? Они кратки и маловременны; а я и того о себѣ не вѣдаю, проживу ли до завтрѣе. По здравомъ разсужденіи вижу, что тѣжъ самыя вещи, тѣло и душу мою къ вѣчному спокойству ведутъ, которыя меня мучатъ. Ежели въ бездну вѣчности заглянутъ, то между тѣми людьми ни малого различія не найдешъ, изъ которыхъ одинъ три года, а другой три ста лѣтъ жилъ. Мафусайловой жизни девять сотъ шездесятъ три года, а моего отца житья, пятдесятъ три лѣта было. Теперь они въ вѣчности такъ сравнялись, какъ бы оба однѣ годы жили. Минувшее прошло, будущее не извѣстно, а наше одно только настоящее, и то мгновеніе ока. Для чегожъ мнѣ естественной легкости печалью моею тягость придавать? буде у меня радость, такъ она маловременна и теперешняя. Ежели болѣзнь да печаль, такъ обѣ они теперешнія, и очень скоро пройдутъ. Чтожъ у меня моего собственнаго? Радость и жизнь вѣчная. Для неѣ все временное доброволно оставляю. Тамъ Христосъ Спаситель и Богъ мой. Тамъ блаженная вѣчность совершенство и жизнь безконечная. Мы уже весь свѣтъ осмотря, только три вещи въ немъ нашли, суету, злобу, да бѣдность. Хотя мы руководствомъ разума въ себе и вошли, однако во всѣхъ насъ кромѣ грѣховъ, да кромѣ не совершенства, ничего добраго найти не могли. Единое Христіянство помогши намъ, вѣрою, любовію, надѣждою, кротостью и терпѣніемъ,

за тѣмъ насъ къ богу привело, дабы намъ въ благодати и въ милости его, истинное и совершенное спокойство получить. А душѣ нашей безъ соединенія съ превѣчнымъ ея началомъ, то есть: съ богомъ, ни спокойной ни благополучной быть не возможно. Ежели истинная жизнь моя со Христомъ въ бозѣ скрыта, то я на семъ свѣтѣ чуждь и пришелецъ; а подлинное мнѣ жилище и отечество на небеси. Предлежащее мнѣ краткое путшествіе съ радостію оканчиваю. Худую дорогу обхожу, а злыхъ таварищей оставляю. Они меня толкаютъ и тѣснятъ, а я имъ уступаю. Мараютъ меня смрадомъ коварныхъ языковъ, а я обмываюсь чистою водою не повинности и любезнаго терпѣнія. Я до Святыхъ Праотцовъ далеко еще не дошелъ. Авраамъ, Ісаакъ, да Іяковъ, во всю жизнь свою по чужимъ землямъ странствовали. Потомки ихъ какъ пришлецы въ землѣ Египетской, болѣе четырехъ сотъ лѣтъ крайнее утѣсненіе терпѣли. Я обще съ ними оставя страну бещестной роскоши, радостно пойду сквозь Чермное море, кровавыхъ ранъ и страданія Спасителя моего во Святой и Пречистой крови его омывшись, съ веселіемъ вступлю въ путь за убѣгающимъ изъ Египта Ізраилемъ. Хотя на пути своемъ, кромѣ великаго моря, кромѣ пещаныхъ степей, также кромѣ змей, да скорпіоновъ ничего добраго не вижу, однако вѣрою да надѣждою непрестанно веселюсь. Когда теченіе свое окончавши домой приду, то всю горесть и печаль свою забуду. Я на свѣтѣ чужой человѣкъ. Въ зломъ, въ лукавомъ и въ прелѣстномъ мирѣ семъ все такіе люди, которые меня не знаютъ, или нарочно знать не хотятъ. Съ мѣста на мѣсто безпрестанно брожу. Мнѣ кажется, будто я всякой день новое, ажно все старое и тожъ самое вижу. Нужда, скорбь, бѣда и тѣснота вездѣ одна. Индѣ гора житейскихъ печалей мятежа и безпокойствъ, а на другомъ мѣстѣ лужа злостей, лжи, клеветъ и вражды. Пойду же я въ настоящей путь мой. Оставайтесь всѣ скорьби, бѣды и печали мои на землѣ; безъ васъ мнѣ легче. Въ дому небеснаго бога и Отца нашего много такихъ прекрасныхъ жилищъ, которыя правдою и вѣчною радостію, не только лутче бриліянтовъ, и выше дражайшихъ на свѣтѣ камней, да паче солнечныхъ лучей блистаютъ. Тамъ Агнецъ и сынъ божій, уготовалъ мнѣ бѣлую одежду непорочности и чистоты, а здѣсь я грѣхами мараное платьѣ ношу. На землѣ долженъ я противъ грѣха, и противъ

смерти

смерти, да еще съ адскими разбойниками воевать, а тамъ убрана мнѣ небесная палата съ неувядаемымъ вѣнцомъ правды, его же воздастъ Господь праведный судія, не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе его. О семъ то веселящися душа моя всякими на свѣтѣ прискорбности со удовольствіемъ терпитъ. Къ радостнѣйшему окончанію путьшествія жизни моей, содержитъ меня Господь богъ мой Святымъ провидѣніемъ своимъ, хранитъ меня приставничествомъ небесныхъ слугъ и Святыхъ Ангелъ своихъ. На вседневную бесѣду и увеселеніе души моей, даровалъ Святое слово и писаніе свое. Всеблагій духъ его свидѣтельствуетъ духу моему, что богъ принялъ меня во усыновленіе себѣ. Христосъ сынъ божій, Спаситель и богъ мой, простирая Святую десницу свою, дѣйствительною благодатію его и настоящимъ спокойствомъ души моей, указуетъ мнѣ вѣчную истинну слова и обѣщанія своего; и се азъ есмь съ вами до скончанія вѣка аминь.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

[illegible]

[illegible] сторон[illegible], хранитъ меня присноприсутствїемъ небесныхъ силъ и Святыхъ Ангелъ своихъ. На вседневную бесѣду и услажденїе души моей, даровалъ Святое слово и чтенїе свое; Всеблагїй духъ его [illegible] духу моему [illegible] хранилъ меня во утѣшенїе [illegible] Христосъ [illegible] Святую [illegible] и наслажденїе спокойствїемъ души [illegible] великую славу и обѣщ[illegible] [illegible] вѣка аминь.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

[illegible]

ГПБ Русский фонд
18.215.1.10
1-2